

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Государственный академический университет гуманитарных наук

На правах рукописи

Яблоков Борис Владимирович

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ГДР
В УСЛОВИЯХ «НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ»
(1963—1973)

Специальность 07.00.03 Всеобщая история

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель
доктор исторических наук,
профессор РАН
М. А. Липкин

Москва — 2018

Оглавление

Введение.....	- 3 -
Обзор источников.....	- 11 -
Историография.....	- 20 -
Глава 1. Восточногерманская экономика во второй половине 1940-х — 1950-е гг.	- 41 -
§ 1.1. Особенности экономического развития СОЗ/ГДР.....	- 41 -
§ 1.2. Фактор внутригерманской торговли.....	- 74 -
Глава 2. Внешнеэкономическая политика ГДР в условиях «новой экономической системы».....	- 84 -
§ 2.1. Первый этап реализации НЭС 1963—1965 гг.....	- 84 -
§ 2.2. Второй этап реализации НЭС 1966—1968 гг.....	- 112 -
Глава 3. Закат экономической дипломатии В. Ульбрихта.....	- 134 -
§ 3.1. Влияние чехословацких событий 1968 г. на экономические реформы в ГДР.....	- 134 -
§ 3.2. ГДР и «новая восточная политика» Вилли Брандта.....	- 144 -
§ 3.3. Конфликт в руководстве СЕПГ: Хонеккер против Ульбрихта.....	- 157 -
§ 3.4. Комплексная программа СЭВ 1971 г.....	- 175 -
Заключение	- 183 -
Список источников и литературы	- 191 -

Введение

Актуальность темы. В 1990-е гг. в России на основе анализа раскритикованных архивных документов были подвергнуты критическому переосмыслению многие оценки прошлого, доминировавшие в советскую эпоху. Среди ученых социо-гуманитарного профиля наблюдалось значительное падение интереса к изучению эксперимента по построению в странах Восточной Европы социалистической модели общественно-экономического развития. Данная тенденция оставалась долгое время определяющей и в российской исторической науке, в результате чего многие актуальные прежде темы исследований не получили должной научной разработки. Сегодня на фоне дискуссий о понятии суверенитета в современном мире интерес к опыту пребывания восточноевропейских стран в социалистическом лагере возрождается вновь.

Страницы истории Германской Демократической Республики, одного из «неудавшихся государств» XX века, от которого в отличие от прочих стран «народной демократии» «кроме ностальгии ничего не осталось»¹, представляются в этой связи забытыми совершенно несправедливо. Следует отметить, что в своих трудах исследователи и в период существования на востоке Германии самостоятельного государства редко обращались к изучению феномена ГДР комплексно, ограничиваясь, как правило, описанием отдельных сторон ее развития, на что обращали внимание еще советские историографы². Причиной тому было наличие так называемых «про-

¹ Петелин Б. В. Крах ГДР: эволюция оценок в российской историографии // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2014. Выпуск 3 (26) [Электронный ресурс]. URL: <http://history.jes.su/s207987840000710-0-1> (дата обращения: 12.11.2017).

² Сапова Н. В. Советская историография социалистического строительства в ГДР, 1949—1985 гг.: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. — М., 1986. — С. 4—6.

блемных» вопросов — специфических особенностей, которые опыт ГДР вносил в практику строительства социалистической модели государственного развития, не позволяя описать его общие закономерности и выявить наиболее типичные тенденции развития, опираясь исключительно на марксистско-ленинскую методологию. Этим, наряду с ограниченной в советское время доступностью для широкого круга исследователей документальных материалов, было вызвано неравномерное распределение научной литературы и публицистики по отдельным проблемам и периодам истории ГДР.

Ведущее место в ряду «проблемных» вопросов принадлежало внешней политике ГДР, что было обусловлено неразрешенным германским вопросом, остававшимся на протяжении всего послевоенного времени ключевым для безопасности Европы. На этом фоне из внимания исследователей нередко ускользала ее экономическая составляющая, вокруг которой, как показывают архивные документы Госплана СССР и Министерства внешней торговли СССР, руководство ГДР выстраивало свое внешнеполитическое планирование.

Особого внимания заслуживает период середины и конца 1960-х гг., на который приходится пик активности экономической дипломатии ГДР, достигнутый благодаря успехам хозяйственных реформ внутри страны — «новой экономической системы планирования и руководства народным хозяйством» (НЭС). Как следует из документов Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), попытки перенесения практик «новой экономической системы» в сферу внешней торговли ГДР оказывали существенное влияние на развитие форм внешнеэкономического сотрудничества социалистических стран, что, в свою очередь, придавало совершенно иное значение роли экономической дипломатии ГДР в борьбе за ее международно-правовое признание.

Изучение документов Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ) и Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ) позволило также выявить схожесть внешнеполитической ситуации, в которой оказались ГДР и ФРГ в конце 1960-х гг.: к этому времени резко обозначился кризис доктрин взаимного непризнания двух немецких государств, строившихся на постулате о неправомерности притязаний одного из них в одиночку представлять интересы всего немецкого народа в целом. Проблема правового статуса ГДР и ФРГ в системе международных отношений становится серьезным препятствием для политики разрядки напряженности во взаимоотношениях СССР и США, от позиции которых во многом зависело решение германского вопроса. Исходя из понимания данного внешнеполитического контекста ФРГ с самого начала развертывания интеграционных процессов в Западной Европе рассматривала свое участие в таких транснациональных объединениях, как Европейское объединение угля и стали (1951 г.) и Европейское экономическое сообщество (1957 г.), в качестве инструмента для достижения большей политической самостоятельности, а в перспективе — и признания своего суверенитета. Аналогично этому решалась задача преодоления дипломатической блокады и руководством ГДР — через совершенствование и координацию внешнеэкономической деятельности стран-членов СЭВ.

При этом, как показывают документы, идеологическое противостояние ГДР и ФРГ весьма ограничено распространялось на сферу их экономического сотрудничества, в котором оказывались заинтересованы оба немецких государства: фактор внутригерманской торговли имел исключительно важное значение для определения задач внешней политики как ГДР, так и ФРГ.

Научная новизна исследования заключается в попытке проследить основные этапы развития внешнеэкономической политики ГДР, выявить ее цели и задачи, понять причинно-следственные связи между реализацией

программы внутриэкономических реформ — «новой экономической системы» — и выработкой внешнеполитических решений руководством ГДР на основе анализа материалов отечественных архивов, отражающих необычайно тесное переплетение советских и восточногерманских государственных структур, принимавших непосредственное участие в управлении и планировании экономики ГДР.

Развитие заявленной темы диссертации вызывает научный интерес в связи с отсутствием аналогичных исследований по данной проблематике, что потребовало введения в научный оборот новых неопубликованных источников: прежде всего, документов бывшей секретной части Госплана СССР (РГАЭ), материалов международных совещаний руководства коммунистических и рабочих партий (РГАНИ), рассекреченных в конце 2000-х — начале 2010-х гг., а также документов, отложившихся в результате деятельности секретариата СЭВ, постоянного представительства СССР в СЭВ, Министерства внешней торговли СССР (РГАЭ) и референтуры МИД СССР по ГДР (АВП РФ).

Данный подход дает возможность не только для систематизации опубликованных прежде работ, но и переосмысления отдельных аспектов истории разделенной Германии, а также выявления тем дискуссионных и недостаточно изученных, в частности — опыта организации экономического сотрудничества восточноевропейских стран как альтернативной модели «социалистической интеграции» на базе Совета экономической взаимопомощи (СЭВ). Совокупный анализ указанных источников также позволяет сопоставить экономические факторы, которые оказали наибольшее влияние на формирование внешней политики, проводимой ГДР и ФРГ в контексте разрядки международной напряженности

Таким образом, диссертационная работа посвящена изучению внешнеэкономической политике ГДР, выступающей в качестве **объекта исследования**, а **предметно** — ее целей, а также особенностей практической ре-

ализации в период 1963—1973 гг. в условиях «новой экономической системы», в том числе по линии международных экономических организаций, прежде всего — СЭВ.

Хронологические рамки исследования преимущественно охватывают период с января 1963 г., когда VI съезд Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) принял решение о переходе к «новой экономической системе», по декабрь 1972 г., когда между ГДР и ФРГ был подписан договор об основах отношений, открывший путь к признанию на уровне ООН двух немецких государств в качестве полноправных субъектов международных отношений, что являлось одной из важнейших задач внешнеэкономической политики ГДР. В данном временном промежутке также следует обозначить ряд событий, имевших ключевое значение для периодизации всей истории ГДР и во многом определивших ее дальнейший ход, а именно: декабрьский пленум ЦК СЕПГ 1965 г., утвердивший комплекс мер, направленных на укрепление отраслевого и планового начал в экономике ГДР и, тем самым, положивший начало свертыванию «новой экономической системы»; чехословацкий кризис 1968 г., усиливший внутри СЕПГ рост оппозиционных настроений по отношению к курсу ограниченного реформизма Вальтера Ульбрихта; приход к власти в ФРГ в октябре 1969 г. правительства Вилли Брандта, обостривший противоречия между руководством ГДР и СССР по вопросу выработки единой тактической линии стран социалистического лагеря в отношении «новой восточной политики» ФРГ.

Цель исследования состоит в том, чтобы на основе впервые вводимых в научный оборот документов отечественных архивов и современной историографии провести детальный анализ внешнеэкономической деятельности ГДР за указанный период. Достижение поставленной цели потребовало решения следующих задач:

1. Осветить основные этапы и тенденции развития экономики ГДР в период, предшествующий началу экономических реформ;
2. Выявить на основе анализа мероприятий, проводимых руководством СЕПГ в 1960-е гг., цели, которые преследовала внешнеэкономическая политика ГДР, а также описать методы экономической дипломатии ГДР, которые стали возможны благодаря реализации «новой экономической системы»;
3. Определить причины, повлекшие за собой свертывание курса на экономические реформы и, как следствие, факторы, усугубившие на рубеже 1960-х — 1970-х гг. кризис экономической дипломатии ГДР.

Основу **методологии исследования** составляют принципы объективности, историзма и системности, позволившие проанализировать динамику развития внешнеэкономических связей ГДР с учетом конкретных исторических условий, стремительно менявшихся в рассматриваемый период под влиянием целого спектра факторов внутренней и внешней политики. Поскольку внешнеэкономическая политика не может рассматриваться вне контекста существующих международных отношений, разработка заявленной темы исследования потребовала применения системного подхода, прежде всего — к изучению международных экономических организаций, непосредственно вовлеченных в интеграционные процессы 1960-х гг. Привлечение широкого круга опубликованных и неопубликованных источников обусловило необходимость использования методов сравнительно-исторического и конкретно-исторического анализа.

Структура работы определена целью и задачами исследования и состоит из введения, включающего в себя историографию и обзор источников, трех глав, выделенных по проблемно-хронологическому принципу, и заключения, а также снабжена списком источников и литературы, непосредственно использовавшихся при написании работы.

Научно-практическая значимость. Материалы диссертации могут использоваться в преподавании, а также в исследованиях по истории ГДР и советской внешней политики, международным отношениям периода «холодной войны». Диссертация может содействовать разработке новых исследований, имеющих своей целью изучение исторического опыта германо-германских отношений и социалистической интеграции.

Апробация работы. Основные результаты диссертации обсуждались в рамках тематических семинаров и круглых столов, организованных научными подразделениями Института всеобщей истории РАН (Центром по подготовке «Всемирной истории», Центром по истории международных отношений, Центром по изучению холодной войны), на кафедре всеобщей истории исторического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук. По теме исследования были подготовлены 4 публикации, отражающие содержание диссертации и соответствующие заявленной проблематике, из них 3 статьи в российских рецензируемых научных журналах, рекомендуемых Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации³, а также 1 публикация в сборнике научных статей, подготовленном Центром по

³ Яблоков Б. В. Влияние чехословацких событий 1968 г. на экономические реформы в ГДР // Клио. 2016. № 7 (115). С. 117—123; Яблоков Б. В. О роли «фактора ГДР» в политике разрядки // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2015. № 5. С. 44—49; Яблоков Б. В. Экономическая дипломатия ГДР 1963—1973 гг. в контексте политики разрядки // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2015. Выпуск 2 (35). URL: <http://history.jes.su/s207987840000982-9-1> DOI: 10.18254/S0000982-9-1

изучению холодной войны Института всеобщей истории РАН в рамках проекта Российского научного фонда № 14-18-02677⁴.

ЯБЛОКОВ

⁴ Яблоков Б. В. Экономическая дипломатия ГДР 1963—1973 гг. // Обеспечение международной безопасности в условиях холодной войны: поиски согласованных подходов / под ред. Н. И. Егоровой. — М.: Весь мир, 2017. — С. 287—317.

Обзор источников

В ходе работы над диссертацией был привлечен широкий круг неопубликованных источников, представленных материалами ряда отечественных архивов — Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ) Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), Российского государственного архива экономики (РГАЭ).

Центральное место среди них занимают материалы фонда Государственного планового комитета СССР № 4372 и его бывшей секретной части (доступны выборочно до 1967 г.) Прежде всего, это документы, относящиеся к компетенции структурных подразделений Госплана СССР, отвечавших за внешнеэкономическое сотрудничество социалистических стран — управления планирования внешних экономических отношений (опись 11) и отдела координации народнохозяйственных планов СССР и социалистических стран (опись 81), а с 1969 г. — отдела по развитию экономического сотрудничества СССР и социалистических стран (опись 66). Дела, представленные в указанных описях, весьма разнообразны по составу входящих в них документов, и содержат исключительно важные для раскрытия заявленной темы сведения. Постановления и распоряжения Совета Министров СССР и Высшего Совета народного хозяйства СССР, содержащие поручения Госплану СССР в части взаимодействия с плановыми органами ГДР, сопровождаются протоколами промежуточных заседаний различных внутриведомственных и межведомственных советских структур и подробными аналитическими записками, дающих детальное представление о порядке согласования важнейших государственных решений в сфере экономики: о взаимных поставках товаров, перспективному планированию и координации народнохозяйственных планов, кооперации и специализации советской и восточногерманской промышленности.

Документы фондов Госплана СССР в наибольшей мере среди неопубликованных источников отечественных архивов отражают необычай-

ное тесное переплетение советских и восточногерманских государственных структур, принимавших непосредственное участие в управлении и планировании экономики ГДР, в том числе представительства Госплана СССР в Берлине с 1961 г. и сменившей его в 1966 г. Межправительственной комиссии СССР и ГДР по экономическому и научно-техническому сотрудничеству.

Материалы референтуры по ГДР, составляющие фонды № 742 и № 0742 Архива внешней политики Российской Федерации, представлены в диссертационном исследовании преимущественно информационно-аналитическими справками, подготовленными посольством СССР в ГДР для 3-го Европейского отдела Министерства иностранных дел СССР. При этом содержащиеся в них сведения не ограничиваются описанием отдельных аспектов развития восточногерманской экономики, что позволяет получить достаточно полное представление о состоянии всего народного хозяйства ГДР в целом — в тесной взаимосвязи с перспективами расширения внешней торговли, совершенствованием форм и методов управления экономической деятельностью, а также возможностями внедрения в производственный процесс достижений научно-технической мысли. Большую ценность в этой связи представляют ежеквартальные отчеты Госплана ГДР о ходе выполнения народнохозяйственных планов, отражающие динамику развития экономики Восточной Германии.

Важно отметить, что данные документы почти не содержат идеологических клише — авторы информационно-аналитических справок старались придерживаться предельно взвешенных точек зрения на объективные трудности социалистического строительства в ГДР и исходили в своих выводах и оценках скорее из практических соображений, указывая на необходимость скорейшего разрешения имеющихся проблем.

Среди документов АВП РФ также имеются материалы о пребывании в СССР партийно-правительственных делегаций ГДР, включающие в себя,

помимо коммюнике и записей официальных выступлений делегатов в рамках программы пребывания, проекты итоговых документов, протоколы рабочих встреч и консультаций с уполномоченными советскими работниками. Немалый интерес представляют обстоятельные обзоры зарубежной печати в части освещения ими данных визитов.

Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ) представлен в работе материалами фонда № 10, большинство из которых рассекречены только в 2007—2008⁵ и 2014 гг. и потому представляют особую ценность для исследователя. На настоящий момент в опись 1 включены дела, затрагивающие ряд принципиальных вопросов международной обстановки и внешней политики СССР, послуживших основанием для проведения межгосударственных совещаний — консультативных встреч, правительственных переговоров и конференций — в период с января 1956 по июль 1975 гг. Это прежде всего — актуальные задачи укрепления сплоченности мирового коммунистического движения, вызванные в том числе событиями 1968 г. в Чехословакии, а также развертыванием «новой восточной политики» ФРГ; вопросы мира и разрядки международной напряженности. Опись 2 составляют материалы совещаний руководителей коммунистических и рабочих партий, а также глав правительств стран-членов СЭВ за май 1958 — апрель 1969 гг., посвященных вопросам экономического сотрудничества, включая торгово-экономические отношения, координацию народно-хозяйственных планов, составление и разработку перспективных планов развития основных взаимосвязанных отраслей народного хозяйства социалистических стран. В опись 3 включены материалы совещаний Политико-консультативного комитета государств-участников Варшавского Договора за май 1958 — ноябрь 1978 гг.

⁵ Подробнее см.: Бюллетень рассекреченных документов федеральных государственных архивов. Вып. 10. — М.: Федеральное архивное агентство, 2009. — С. 47—212.

Дела внутри каждой из указанных описей номинально сгруппированы вокруг конкретного совещания, стенограмма которого, реже — протокол, как правило, формирует самостоятельное дело. Стенограмма также может быть представлена тремя разновидностями, отражающими последовательность редакции текста: направленная; авторская, или правленая; сброшюрованная, или рассылочная. Стенограмма состоит из выступлений представителей делегаций-участников в порядке, установленном регламентом, при чем тексты выступлений даются преимущественно в переводе на русский язык. В редких случаях в самостоятельные дела могут быть также выделены и сопроводительные материалы совещаний: порядок работы, тетради учета выступлений, списки состава делегаций-участников совещания, различные информационные справки, документы о техническом и хозяйственном обслуживании совещаний, материалы созданных ими секретариатов, редакционных комиссий и рабочих групп по подготовке итоговых документов.

Важное место среди материалов РГАНИ также занимают протоколы заседаний Политбюро ЦК КПСС (опись 72), раскрывающие позицию руководства Советского Союза по наиболее актуальным проблемам внутренней и внешней политики СССР в рассматриваемый период.

На момент подготовки диссертации оставались недоступны для исследователей документы фонда № 5 РГАНИ, относящиеся к деятельности отделов ЦК КПСС по связям и экономическому сотрудничеству с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран (опись 49) и Международного отдела ЦК КПСС по связям с коммунистическими партиями капиталистических стран (опись 50).

Участие ГДР в работе международных экономических организаций, прежде всего — Комиссии ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), отражено в документах Отдела внешней торговли Секретариата СЭВ, выделенных внутри фонда № 561 РГАЭ в отдельную опись 17. Исключительно

важные сведения содержат доклады постоянных делегатов стран-членов СЭВ на рабочих совещаниях и выработанные на их основе предложения и рекомендации, среди которых большое внимание отводится поиску оптимальных форм взаимодействия стран-членов СЭВ на внешних рынках и выработке единого внешнеэкономического курса по отношению к западноевропейским «экономическим группировкам». В отношении последних в составе описи имеются предельно обстоятельные бюллетени, регулярно публиковавшиеся в течение года Секретариатом СЭВ.

В указанной описи также содержится множество документов, затрагивающих ключевые вопросы экономического сотрудничества социалистических стран, в том числе в части специализации и кооперирования производства, согласования народнохозяйственных планов, координации действий внешнеторговых организаций, нередко встречается бухгалтерская отчетность и подробные статистические сборники.

Еще более широкая номенклатура дел представлена в фонде № 302 РГАЭ, состоящем из документов, отложившихся в результате деятельности Постоянного представительства СССР в СЭВ. Среди них следует выделить:

- протоколы заседаний постоянных рабочих органов СЭВ: комитетов, постоянных комиссий (в том числе Постоянной комиссии СЭВ по внешней торговле), совещаний (с 1970 г. и Международного института СЭВ по экономическим проблемам мировой социалистической системы (МИЭП МСС), а также материалы (предложения, письма, справки) по вопросам, подлежащим рассмотрению на этих заседаниях;

- соглашения и договоры стран-членов СЭВ о сотрудничестве на многосторонней основе, предусматривающие решение проблем материального производства совместными усилиями стран-членов СЭВ;

– переписку постоянного представителя СССР в СЭВ с постоянными представителями стран-членов СЭВ по вопросам экономического и научно-технического сотрудничества;

– протоколы и материалы переговоров между правительственными делегациями стран-членов СЭВ по вопросам координации народнохозяйственных планов стран-членов СЭВ.

Кроме того, в указанном фонде содержатся копии постановлений и распоряжений ЦК КПСС и Совета Министров СССР по вопросам деятельности Постпредства СССР в СЭВ, а также проекты постановлений и распоряжений, вносимые Постпредством СССР в СЭВ в ЦК КПСС и Совет Министров СССР на рассмотрение и утверждение.

В основу систематизации материалов фонда № 413 РГАЭ, содержащего в себе документы, освещающие деятельность Министерства внешней торговли СССР (Минвнешторг СССР) положен характерный для ведомственного архива структурно-хронологический принцип: дела внутри описи расположены по годам, а внутри года сгруппированы в отдельные предметно-тематические блоки по принадлежности к одному из структурных подразделений центрального аппарата министерства — канцелярии, договорно-правовому управлению, протокольному отделу, управлению торговли с народно-демократическими странами Европы и сотрудничества со странами СЭВ.

В канцелярии Минвнешторга СССР отложились записи бесед руководства ведомства с представителями ГДР по текущим вопросам внешне-экономического сотрудничества, а также приказания Министра внешней торговли СССР и его заместителей во исполнение решений Совета министров СССР по вопросам СЭВ. В составе документов договорно-правового управления содержатся преимущественно копии соглашений, договоров и контрактов между СССР и ГДР, в то время как материалы протокольного отдела представлены обширной группой документов (памятные записки,

протоколы встреч, обменные письма) о ходе выполнения взаимных обязательств по ним. Управления торговли с народно-демократическими странами Европы и сотрудничества со странами СЭВ в массе своей содержат предложения по усовершенствованию условий взаимных поставок товаров, а также справки о развитии торгово-экономических отношений между СССР и ГДР.

Кроме того, в ходе исследования были использованы публикации программных документов СЕПГ — материалы партийных съездов⁶ и конференций⁷, а также пленумов ЦК СЕПГ⁸. Большинство указанных изданий включает в себя весьма разнообразные по своему составу и содержанию документы: отчеты ЦК, доклады руководства СЕПГ, речи глав делегаций КПСС, доклады председателя Совета министров ГДР и членов правительства, директивы по планам развития народного хозяйства, основные резолюции о мероприятиях по развитию экономики ГДР, состав руководящих органов и многое другое.

Важным источником являются сборники документов по внешней политике ГДР⁹. Особый интерес представляет издание 1981 г., подготовлен-

⁶ III съезд Социалистической единой партии Германии. Берлин, 1950; V съезд Социалистической единой партии Германии. М., 1959; VII съезд Социалистической единой партии Германии. М., 1968; VIII съезд Социалистической единой партии Германии. М., 1972; VIII съезд Социалистической единой партии Германии. М., 1972; Ульбрихт В. Программа социализма и историческая задача СЕПГ. М., 1963; Хрущев Н. С. Выступление на VI съезде СЕПГ 16 января 1963 г. М., 1963.

⁷ Вторая конференция Социалистической единой партии Германии. Берлин, 1952; Третья конференция Социалистической единой партии Германии. М., 1956.

⁸ Четвертый пленум Центрального комитета СЕПГ. Дрезден, 1971.

⁹ Документы о внешней политике правительства ГДР (1949—1954). М., 1955; Отношения СССР с ГДР (1949—1955). Документы и материалы. — М.: Издательство политической литературы, 1974; *Dokumente der Aussenpolitik der DDR*. — Berlin, 1968; *Doku-*

ное Министерством иностранных дел СССР к 30-летию установления дипломатических отношений между СССР и ГДР. Оно содержит официальные документы за период 1949—1979 гг.: договоры, соглашения, договорные акты; совместные декларации, коммюнике, сообщения о переговорах партийно-государственных, правительственных, парламентских, профсоюзных и других делегаций СССР и ГДР; речи, интервью партийных и государственных деятелей СССР и ГДР; письма, телеграммы руководителей обеих стран, а также материалы общественных организаций¹⁰.

Механизм выработки и подготовки решений высшим государственно-политическим органом СССР в период 1954—1964 гг. — Президиумом ЦК КПСС нашел свое отражение в публикации постановлений Президиума ЦК КПСС из белого протокола заседаний, а также документов, относящихся к подготовке этих постановлений¹¹, среди которых следует особо выделить прилагаемые к официальным письмам руководства ГДР информационно-аналитические записки советских государственных работников о состоянии восточногерманской экономики ГДР. Подробно аннотированные материалы этого издания содержат замечания и предложения «немецким друзьям», позволяющие взглянуть на многие аспекты экономического сотрудничества ГДР и СССР с точки зрения партийного руководства стра-

mente zur Aussenpolitik der Regierung der DDR. — Bd. I (1949—1954). Berlin: Rütten & Loening, 1954. — Bd. II (1954—1955). Berlin: Rütten & Loening, 1955.

¹⁰ СССР—ГДР. 30 лет отношений (1949—1979). Документы и материалы. — М.: Издательство политической литературы (Политиздат), 1981. — 756 с.

¹¹ Президиум ЦК КПСС. 1954—1964 гг. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления («Архивы Кремля») / гл. ред. А. А. Фурсенко. — Т. 2: Постановления. 1954—1958 гг. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. — 1119 с.; Т. 3: Постановления. 1959—1964 гг. / гл. ред. А. А. Фурсенко. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2008. — 1271 с.

ны, а также выявить особенности экономического развития ГДР в общерегиональном контексте.

ЯБЛОКОВ

Историография

История становления и развития Германской Демократической Республики на всем протяжении ее существования оставалась предметом острой идеологической конфронтации, что нашло непосредственное отражение в работах ученых. Если советские и восточногерманские исследователи в целом позитивно оценивали исторический опыт ГДР как первого на немецкой земле государства рабочих и крестьян, то в западногерманской историографии и публицистике преимущественно преобладали негативные суждения о ГДР как искусственном образовании, зависимом от СССР.

Понимание данного противоречия в оценках истории ГДР, которое не было преодолено немецкими историками и после объединения Германии в 1990 г., позволяет достаточно точно определять работы, опирающиеся в своих выводах на односторонние интерпретации внешнеэкономической политики, проводимой руководством ГДР.

Следует также обратить внимание, что отношение к отдельным явлениям в экономике СОЗ/ГДР, характер работ и поднимаемая в них проблематика неоднократно менялись по обе стороны «железного занавеса» под влиянием как международных, так и внутри- и внешнеполитических факторов и предпочтение отдавалось наиболее актуальным на текущий момент вопросам экономического развития ГДР¹². Советские историки объясняли подобные изменения тем фактом, что наиболее разрушенной в годы Второй мировой войны восточной части Германии удавалось вопреки

¹² Сухоруков С. Р. Новый подход к истории ГДР // Историография всеобщей истории. Куйбышев, 1976. С. 95.

прогнозам «буржуазных идеологов» успешно решать задачи государственного строительства¹³.

По мере укрепления ГДР в первой половине 1960-х гг. и особенно с началом политики разрядки западногерманские историки стали все больше склоняться к необходимости значительно расширить круг изучаемых проблем германо-германских отношений с тем, чтобы выйти за рамки «слепого копирования антикоммунистических шаблонов»¹⁴. В 1980-е гг. даже были предприняты попытки написать общую историю ФРГ и ГДР, понимаемую в «диалектическом единстве противоположностей»¹⁵. Так, по мнению известного российского германиста А. Ю. Ватлина, несмотря на «внешнюю непримиримость формулировок» в западногерманской историографии в конечном счете сложилось вполне определенное представление о ГДР как о «завершенном социальном эксперименте и стабильной политической системе»¹⁶.

Кроме того, нельзя не отметить и очевидное сходство во взглядах восточногерманских и советских историков на историю ГДР, которое проявилось уже в 1947—1948 гг., когда представление о «народной демократии» как особом пути к социализму потерпело поражение. Начиная с принятия 1952 г. II конференцией СЕПГ решения «о переходе к планомерному строительству основ социализма», в исторической науке СССР и ГДР начинает доминировать идея о единстве закономерностей развития стран,

¹³ Сазонов Ю. А. Новые тенденции в буржуазной литературе ФРГ о ГДР // Критика современных буржуазных исторических концепций. Ярославль, 1977. С. 7, 11.

¹⁴ Auerbach L. Die DDR-Forschung in Gefahr // Die Zeit. 1974. 8. März.

¹⁵ См., например: Klessmann Ch. Zwei Staaten, eine Nation. Deutsche Geschichte (1955—1970). Bonn, 1988.

¹⁶ Ватлин А. Ю. ГДР: Строительство социализма в эпоху В. Ульбрихта (1945—1971) // Германия в XX веке. М., 2002. С. 156.

выбравших социалистический путь — что не исключало при этом известной вариативности национальных форм их проявления, то есть того своеобразия, которым «был отмечен ход германской истории в эпоху строительства развитого социалистического общества»¹⁷.

Большое внимание в советской историографии уделялось освещению первых послевоенных лет истории Восточной Германии, проведению здесь антифашистских и демократических преобразований, которые привели к установлению нового общественного строя. Исследования советских историков были призваны показать на примере ГДР, что достижение этих целей, стало возможным потому, что послевоенная политика Советского Союза в отношении Германии выгодно отличалась от политики западных держав¹⁸. Важное место также отводилось образованию Социалистической единой партии Германии, ее роли в экономике ГДР, при этом мероприятия по преодолению последствий раскола страны в разные годы неизменно связывались с политической борьбой СЕПГ за единство и сплоченность в своих рядах, что косвенно подтверждало наличие внутри восточногерманского руководства разногласий относительно дальнейшего экономического развития ГДР¹⁹.

¹⁷ Сапова Н. В. Советская историография социалистического строительства в ГДР 1949—1985 гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1986. С. 6.

¹⁸ Галкин А. А., Мельников Д. Е. СССР, западные державы и германский вопрос. М., 1966; Дёрнберг С. Рождение новой Германии (1945—1949). М., 1962; Иноземцев Н. Н. Американский империализм и германский вопрос (1945—1965). М., 1954; Николаев П. А. Политика Советского Союза в германском вопросе (1945—1964). М., 1966; Он же. Политика США, Англии Франции в германском вопросе (1945—1954). М., 1964; Badstübner R., Thomas S. Die Spaltung Deutschlands. Berlin, 1966.

¹⁹ Горошкова Г. Н. Национальный фронт демократической Германии. М., 1966; Завьялов А. С. Демократические партии ГДР в период строительства развитого социализма.

Важно также подчеркнуть, что советские ученые в своих исследованиях опирались на несколько взаимодополняющих друг друга тезисов. Во-первых, появление ГДР на политической карте Европы подавалось как закономерный итог антифашистских и демократических преобразований, проводимых СССР в строгом соответствии со взятыми на себя обязательствами перед союзниками по антигитлеровской коалиции; во-вторых, данный акт рассматривался как ответ демократических сил немецкого народа на раскольнические действия западных держав и западногерманской реакции по созданию сепаратного государства; в-третьих, возникновение ГДР должно было продемонстрировать принципиальную возможность создания на немецкой земле подлинно демократического и миролюбивого государства, воплотившего в себе лучшие традиции немецкого народа, «гуманистические и социалистические идеалы многих поколений его лучших сынов»²⁰. Данная концепция умело сочетала в себе национальный и международный аспекты — с одной стороны, образование и развитие ГДР рассматривалось как образец демократического решения германского вопроса, с другой — само по себе существование ГДР в качестве «форпоста социализма на Западе» становилось важным стабилизирующим фактором разрядки международной напряженности и укрепления международной безопасности²¹.

Киев, 1986; СЕПГ и проблемы социалистического строительства в ГДР. М., 1983; Шевяков Ф. Н. Борьба СЕПГ за построение социализма в ГДР. М., 1960.

²⁰ Иерусалимский В. П. Германия после войны // Германская история в новое и новейшее время. М., 1970. Т. 2. С. 402.

²¹ Кульбакин В. Д. ГДР — форпост мира и социализма в Европе // Германская история в новое и новейшее время. М., 1970. С. 499—535; Мюллер Г., Райсиг К. Бастион социализма. М., 1969; Форпост социализма на Западе. М., 1959.

Не могли избежать тенденциозных интерпретаций и работы западногерманских историков. Вплоть до середины 1960-х гг. попытки историографии дать цельное представление о ГДР как самостоятельном государственном образовании исходили из концепции тоталитаризма, получившей широкое распространение еще в 1950-е гг. Яркий образец такого подхода демонстрирует одна из ранних работ будущего профессора Университета Майнгейма Германа Вебера «От советской оккупационной зоны к ГДР», охватывающая события 1945—1955 гг., в которой ГДР предстает как чуждая интересам немецкого народа диктатура, порожденная советской оккупационной политикой по «сталинскому образцу» и опирающаяся исключительно на насильственные меры принуждения²².

Помимо сильного влияния политической конъюнктуры, задававшей идеологически «верные» ориентиры, общей отличительной чертой исследований по истории ГДР как советских, так и западногерманских историков являлась слабость источниковой базы. Лишенные возможности использования архивных материалов ученые были вынуждены опираться исключительно на официальные публикации документов и материалы прессы. Однако, в отличие от представителей советской научной школы, их западные коллеги не оставляли попыток интуитивно нащупать, а иногда и откровенно домыслить логику принятия руководством ГДР важнейших политических и экономических решений.

Укрепление позиций ГДР на международной арене способствовало появлению в работах западногерманских историков второй половины 1960-х гг. более взвешенных точек зрения, которые хотя и выражали преимущественно негативное отношение к самому факту существования ГДР, но при этом все же содержали весьма ценные выводы о противоречиях

²² Weber H. Von der SBZ zur DDR. Bd. 1, 1945—1955. Hannover, 1966.

развития восточногерманской экономики. Яркими представителями такого подхода в западногерманской историографии, построенном на методе системно-имманентного наблюдения, который позволил проводить сравнительные германские исследования, были Петер Христиан Лудц и Эрих Рихерт. Попытка взглянуть на экономику ГДР с точки зрения динамики развития индустриального общества позволила очень точно выявить противоречия внутри руководства СЕПГ между сторонниками и противниками проведения реформ²³; отмечалось расслоение восточногерманского общества ввиду постепенного обособления правящей элиты²⁴. Проведение в ГДР экономических преобразований дало основание говорить о наличии противоречия между требованиями индустриального развития общества и коммунистическими методами господства и необходимости «изменения социализма изнутри». «Новая экономическая система» истолковывалась как проявление элементов капиталистического хозяйствования, на основании чего делался вывод о том, что ГДР потеряла перспективы дальнейшего социалистического строительства и находится на пути к реставрации капитализма, что создает возможность для устранения конфликтов между двумя германскими государствами и способствует их сближению²⁵.

Таким образом вопросы экономического порядка неизбежно смыкались с проблемой международно-правового статуса двух немецких государств в системе международных отношений. В этом отношении весьма показателен труд коллектива восточногерманских ученых «Внешняя политика и международные отношения ГДР», изданный в 1974 г., в котором проводится мысль о том, что достигнутые в 1960-е гг. экономические успехи социалистических стран и международного рабочего движения

²³ Ludz P. C. *Parteielite im Wandel*. Köln, 1968.

²⁴ Richert E. *Das zweite Deutschland*. Gütersloh, 1964. S. 63.

²⁵ Сазонов Ю. А. Новые тенденции в буржуазной литературе ФРГ... С. 15.

явились именно тем фактором, который привел к изменению соотношения сил на международной арене в пользу социализма в целом, и, тем самым, к завоеванию и укреплению международных позиций ГДР в частности²⁶.

В советских исследованиях внешнеполитического курса ГДР главное место, таким образом, занимали вопросы развития многостороннего сотрудничества стран социалистического содружества, совершенствования их взаимосвязей, выработки оптимальных форм экономического сотрудничества²⁷. В свою очередь, признавая растущее значение ГДР на мировой арене, западногерманские историки пытались доказать, что экономическое сотрудничество в рамках СЭВ противоречит ее национальным интересам, ущемляет ее суверенитет. Нередко можно встретить утверждения, что экспортные поставки Советскому Союзу ограничивали свободу действий ГДР во внешней торговле с капиталистическими странами, в том числе с ФРГ, ставилась под сомнение «эквивалентность торгового обмена» между ГДР и СССР²⁸. Таким образом, в работах как советских, так и западных историков вопросы взаимодействия социалистических стран в экономической сфере перемежались с вопросами их межгосударственных отношений.

Внешнеполитические изменения конца 1960-х — начала 1970-х гг., усугубившие кризис реформаторских начинаний В. Ульбрихта, и его последующая отставка в мае 1971 г. с поста генерального секретаря СЕПГ, как ни странно, не внесли серьезных корректив в развитие западногерманской историографии. В силу того, что смена власти произошла без публич-

²⁶ Внешняя политика и международные отношения ГДР. М., 1974. С. 22.

²⁷ ГДР в системе социалистической экономической интеграции. М., 1989; Красноглазов Б. П. Экономическое сотрудничество ГДР с социалистическими странами. М., 1965; Николаева А. В. Экономическое сотрудничество ГДР с СССР. М., 1968.

²⁸ Osten W. Die Aussenpolitik der DDR im Spannungsfeld zwischen Moskau und Bonn. — Opladen, 1966. — S. 65—67.

ной огласки конфликта внутри руководства СЕПГ, советские историки, хотя и с некоторыми оговорками, но достаточно последовательно отстаивали точку зрения на сохранение преемственности курса партии и не признавали попытки западногерманских исследователей разделять историю ГДР на «эпоху Ульбрихта» и «эпоху Хонеккера»²⁹. Данное суждение одновременно и подкреплялось, и опровергалось тем фактом, что решающая задача экономической дипломатии В. Ульбрихта — международно-правовое признание ГДР — была достигнута уже после его отстранения от власти. Заключение в 1972 г. Договора об основах отношений ГДР и ФРГ фактически снимало с актуальной повестки прежние идеологические постулаты, вокруг которых строились аргументация западных историков — прежде всего это относилось к проблеме взаимного непризнания политических систем двух немецких государств и их права по отдельности представлять интересы всего немецкого народа, а также, конечно, проблеме объединения Германии. Вставал вопрос, следует ли понимать данный акт как окончательный раскол немецкого единства на две самостоятельные нации, как того требовала политика «отмежевания», декларируемая Э. Хонеккером; или скорее как шаг, открывавший перспективы для дальнейшего налаживания отношений ГДР и ФРГ?

Исходя из этого П. Х. Лудц, посвятивший изучению периода с 1961 по 1976 гг. отдельное исследование³⁰, предложил общую периодизацию послевоенной истории Германии, выделяя в ней как минимум три основ-

²⁹ Хасенов М. Х. Теория и программа СЕПГ по строительству развитого социалистического общества в ГДР в интерпретации буржуазной политологии // Западногерманская буржуазная историография о проблемах всеобщей истории. — Караганда: Карагандинский государственный университет, 1988. — С. 75.

³⁰ Ludz P. C. Die DDR zwischen Ost und West. Politische Analyse (1961—1976). München, 1977.

ных периода, отражавших наиболее значительные изменения в политической и экономической политике как ГДР, так и ФРГ: с 1945 по 1961 гг., с 1962 по 1970 гг., и с середины 1971 г. по настоящее время. В своей работе П. Х. Лудц приходит к выводу, что руководству СЕПГ так и не удалось обуздать вызванные им же самим процессы модернизации и обновления партии и государства, успешное осуществление которых позволило бы приспособить восточногерманскую экономику к новому типу индустриального общества, которое могло бы сочетать в себе завоевания в социальной сфере с эффективностью рыночного хозяйства. Отличительной особенностью этой работы от сочинений предшествующих лет стало широкое привлечение протоколов съездов СЕПГ, постановлений Политбюро и правительства ГДР.

Однако большая часть западногерманской научной литературы оставалась в плену идеологических построений, лишавших возможности сформулировать ряд единых критериев для объективного сравнения антагонистичных по своей сути экономических и общественных систем двух немецких государств, что зачастую приводило исследователей к прямому противопоставлению институтов одного государства нормативным претензиям другого³¹.

Если говорить о советской историографии этого времени, то к началу 1970-х гг. существующие источниковедческая и историографическая базы позволили говорить о возможности создания комплексных работ по истории ГДР. В 1970 г. Академией наук СССР был предпринят первый в советской научной литературе опыт систематического изложения германской истории, в рамках которого предполагалось раскрыть ведущие тен-

³¹ Русь Э. В. Германский вопрос во второй половине XX в. в исторической мысли ФРГ и ГДР. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. — Гродно: Белорусский государственный университет, 2005. — С. 57.

денции исторического развития ГДР, дать характеристику экономических процессов и их отражение в политической жизни страны. Определенная сжатость изложения была продиктована сравнительно ограниченным объемом двухтомника³².

В 1979 г. появилось издание, подготовленное авторским коллективом Института всеобщей истории АН СССР под руководством Василия Дмитриевича Кульбакина³³. В нем впервые были широко использованы архивные материалы СССР и ГДР, обширные публикации документов обеих стран, а также советская и зарубежная научная литература, что позволило достаточно точно отразить масштаб изменений, которые произошли в жизни населения Восточной Германии за три десятилетия существования ГДР под влиянием экономической, социальной и культурной политики, проводимой СЕПГ. Исходя из универсальной концепции генезиса социалистического государства, была выстроена периодизация истории ГДР, в основу которой легли плановые периоды развития восточногерманской экономики.

Архивная революция 1990-х гг. привела к критическому переосмыслению отечественной исторической наукой большинства оценок прошлого, доминировавших в советскую эпоху, в том числе и в отношении истории ГДР. Открытие архивов и активная публикация недоступных прежде документов создали условия для проведения более глубоких и серьезных исследований; было налажено тесное сотрудничество с представителями западных научных школ.

³² Германская история в новое и новейшее время: в 2 т. — М.: Наука, 1970.

³³ История Германской Демократической Республики (1949—1979) / под ред. В. Д. Кульбакина. — М., 1979.

При этом следует отметить, что отечественная историография за годы, прошедшие с окончания «холодной войны», во многом сумела преодолеть давление идеологических императивов, которые, задавая рамки допустимой дискуссионности по наиболее острым и актуальным вопросам, не всегда позволяли сформировать объективное представление о событиях и явлениях истории ГДР. В тоже время складывание современной немецкой историографии в объединенной Германии происходило в условиях политической кампании по безусловному «преодолению последствий диктатуры СЕПГ», что привело к широкому распространению в научной литературе многих спорных трактовок восточногерманской истории, основанных не столько на фактах, сколько на стереотипных представлениях «холодной войны».

В этой связи интерес представляет фундаментальное исследование К. Шредера «Государство СЕПГ. История и структуры ГДР»³⁴, вышедшее в 2013 г. и представляющее собой расширенное и дополненное издание 1998 г., в котором постулируются утверждения, что «СЕПГ пришла и удерживалась у власти только при поддержке советской армии и гигантского аппарата госбезопасности»³⁵, в то время, как политика западных держав, поддержавших создание ФРГ, была «ответной реакцией на советский экспансионизм»³⁶. В своей рецензии на указанную работу доктор исторических наук, профессор С. В. Кретинин замечает, что такие тезисы плохо соотносятся с тем фактом, что большинство восточных немцев с ностальгией вспоминают времена ГДР, и уж точно совершенно не объясняют

³⁴ Schroeder K. Der SED-Staat. Geschichte und Strukturen der DDR. — Muenchen, 2013. — 1136 s.

³⁵ Ibid. S. 557.

³⁶ Ibid. S. 83.

критическое отношение в наши дни значительной части немцев, как на Востоке, так и на Западе, к германскому единству³⁷.

По мнению австралийского германиста Эндрю Битти, подобный подход совершенно игнорирует граждан бывшей ГДР, исключая из научного дискурса мнение непосредственных акторов восточногерманской истории³⁸. При этом внимание некоторых ученых, как отмечает Э. Битти, оказалось сосредоточено на том, чтобы спроецировать на прошлое собственные, весьма субъективные ценностные и этические представления³⁹. Так, восстание 17 июня 1953 г. описывается как триумф «народного сопротивления тоталитарной системе»⁴⁰, а возведение 13 августа 1961 г. Берлинской стены сводится исключительно к антигуманности осуществленной акции. Такое коллективное «отторжение» режима СЕПГ, совершенно не отражающее всей сложности взаимоотношений власти и общества в ГДР, согласно критической оценке А. А. Тихомирова, позволяет говорить о рефлексивном стремлении современной немецкой историографии компенсировать отсутствие в исторической памяти широкого сопротивления нацистской диктатуре⁴¹.

Превалирование морально-этического компонента в исследовательской работе, замкнутой в подобных случаях на частных и второстепенных

³⁷ Крети́нин С.В. К. Шрёдер. Государство СЕПГ. История и структуры ГДР: Рецензия // Новая и новейшая история. 2015. № 3. С. 243.

³⁸ Beattie A. H. *Playing Politics with History. The Bundestag Inquiries into East Germany*. — New York, 2008. — P. 233.

³⁹ Ibid.

⁴⁰ Например, см.: Neubert E. *Geschichte der Opposition in der DDR 1949—1989*. — Berlin, 1998. — S. 86.

⁴¹ Тихомиров А. «Лучший друг немецкого народа»: культ Сталина в Восточной Германии (1945—1961). — М.: Политическая энциклопедия, 2014. — С. 25—26.

сюжетах, фактически лишает историка возможности для объективной оценки общественно-политических процессов, протекавших в послевоенный период на востоке Германии, и значительно сужает возможности контекстуализации истории ГДР в более широком исследовательском поле.

Попытки снять данное противоречие были предприняты специалистами по социальной истории — Кэри Росс⁴² и особенно Мэри Фулброк⁴³, которая в своих работах трактует возникновение восточногерманской идентичности как «народный парадокс» (“people's paradox”), который нельзя объяснить исключительно наличием системы государственного принуждения. По мнению М. Фулброк, в ГДР сложился особый тип «коллективной диктатуры», или «диктатуры на основе широкого участия» (“participatory dictatorship”), включающей в себя иерархию ценностей, социальный статус, образ жизни. «Власть», — пишет М. Фулброк, — «распространялась как краска через ткань общества, окрашивая собой все сферы профессиональной и общественной деятельности»⁴⁴. Как считает М. Фулброк, именно согласие в обществе, достигнутое в 1960-е гг., позволило поднять планку социальных ожиданий от «золотого века» В. Ульбрихта до таких высот, которые принципиально не мог удовлетворить «потребительский социализм» Э. Хонеккера, что повлекло за собой

⁴² Ross C. The East German dictatorship: Problems and perspectives in the interpretation of the GDR. — London: Hodder Arnold, 2002. — 221 p.

⁴³ Fulbrook M. Anatomy of a Dictatorship. Inside the GDR 1949—1989. — Oxford, 1995; Fulbrook M. Dividing the Past, Defining the Present: Historians and National Identity in the Two Germanies. — New York: Routledge, 1999; Fulbrook M. The People's State: East German Society from Hitler to Honecker. — Yale University Press, 2008.

⁴⁴ Fulbrook M. The People's State: East German Society from Hitler to Honecker. — Yale University Press, 2008. — P. 249.

рост индивидуализма и постепенное отчуждение населения Восточной Германии от идей социализма.

Несмотря на обширный фактический материал, использованный М. Фулброк, ее работы содержат существенный методологический недостаток: применение термина “participatory dictatorship” в качестве универсального инструмента для сравнения различных социальных институтов по формальным признакам вне их идейно-политического содержания и исторического контекста создает почву для некритических выводов о сходстве, в частности, «режима СЕПГ» и «режима НСДАП».

Решение задачи выйти за рамки обособленных объяснительных концепций и сблизить представления ученых на «трудные вопросы» истории привело к появлению уникального по своему формату издания «Россия — Германия: вехи совместной истории в коллективной памяти. XX в.», подготовленного в рамках работы совместной комиссии по изучению российско-германских отношений⁴⁵. Данный труд примечателен тем, что каждая из вошедших в него статей имеет двух и более авторов, что позволяет взглянуть на одну и ту же проблему одновременно глазами российского и немецкого историка, выявить общее и различное во взглядах на события.

Особого внимания в этой связи заслуживают новейшие исследования по экономике ГДР, немало способствовавшие отказу от стереотипного восприятия социалистической плановой экономики как застывшего мобилизационного механизма в руках СЕПГ⁴⁶. Отдельно следует выделить

⁴⁵ Россия — Германия: вехи совместной истории в коллективной памяти. Т. 3. XX в. — М.: ГАУГН-Пресс; ООО «Интеграция: Образование и Наука», 2015. — 400 с.

⁴⁶ The East German Economy. 1945—2010. Falling Behind or Catching Up? / ed. by H. Berghoff, U. A. Balbier. — Cambridge: Cambridge University Press, 2013. — 249 p.

работы немецких историков Андре Штайнера⁴⁷ и Райнера Карлша⁴⁸, а среди отечественных историков — Владимира Александровича Беспалова, рассматривающего в контексте международных отношений проблему западноберлинского транзита с первых дней установления в Германии оккупационного режима вплоть до заключения четырехсторонних соглашений по Западному Берлину в 1971 г.⁴⁹ В. А. Беспалов противопоставляет распространенному в зарубежной историографии суждению о «вине» Советского Союза и ГДР в развязывании транзитной проблемы тезис о «единодушии» сторон конфликта к транзиту как инструменту отстаивания своих геополитических интересов, что созвучно выводам исследований политической составляющей западноберлинской проблематики Герхарда Веттига⁵⁰, Матиаса Уля⁵¹ и Ростислава Владимировича Долгилевича⁵².

⁴⁷ Steiner A. Die DDR-Wirtschaftsreform der sechziger Jahre. Konflikt zwischen Effizienz- und Machtkalkuel. — Berlin, 1999. Steiner A. Die Planwirtschaft in der DDR. Aufstieg und Niedergang, — Erfurt, 2016. Steiner A. Von Plan zu Plan. Eine Wirtschaftsgeschichte der DDR. — Berlin 2007.

⁴⁸ Laufer J., Karlsch R. Sowjetische Demontagen in Deutschland 1944—1949. Hintergruende, Ziele und Wirkungen. — Berlin, 2002.

⁴⁹ Беспалов В. А. Западноберлинский транзит (1945—1971): дипломатия холодной войны. — М.: Российский институт стратегических исследований, 2015. — 322 с.; Беспалов В. А. Проблема западноберлинского транзита в отечественной и зарубежной историографии // Проблемы источниковедения и историографии: сборник научных трудов / отв. ред. В. И. Гальцов. — Калининград: Издательство РГУ им. И. Канта, 2009. — Вып. 5. С. 94—104.

⁵⁰ Wettig G. Chruschtschows Berlin-Krise 1958 bis 1963. Drogpolitik und Mauerbau. Muenchen, 2006. Веттиг Г. Н. С. Хрущев и Берлинский кризис 1958—1963 гг. Политика угроз и возведение Берлинской стены / пер. с нем. М. Чистяковой, под ред. Ф. И. Новик. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. — 401 с.

Наметился отказ от монолитного образа «советской империи» в пользу более гибких объяснительных моделей взаимодействия стран социалистического содружества. Не случайно Ральф Йессен указывал на тот факт, в общественном сознании жителя ГДР присутствовало как минимум три ориентира: «национал-социализм, который служил негативным примером общественного устройства и опорной точкой легитимирующей идеологии антифашизма, ... Советский Союз выступал в роли официальной модели общества, и западногерманская федеративная республика — в качестве тайного общественного ориентира»⁵³. Значительный вклад в изучение германского вопроса и тесно связанного с ним феномена «внутрисистемного инакомыслия» внесли работы Алексея Митрофановича Филитова, которые затрагивают как события первых послевоенных лет⁵⁴, так и период конца 1960-х гг., когда «новая восточная политика» В. Брандта особенно ярко продемонстрировала серьезные противоречия во взглядах руководства социалистических стран на выработку единого внешнеполитического

⁵¹ Uhl M. Krieg um Berlin? Die sowjetische Militär- und Sicherheitspolitik in der zweiten Berlin-Krise 1958 bis 1962. München, 2008.

⁵² Долгилевич Р. В. В тени берлинской стены. Экономика Западного Берлина (1961—1965 гг.) — СПб.: Алетейя, 2013. — 111 с.

⁵³ Цит. по: Карл Л. «О героях и о людях...». Советское кино о войне: взгляд из ГДР. — М.: Памятники исторической мысли, 2008. — С. 21—22.

⁵⁴ Филитов А. М. Германский вопрос: от раскола к объединению. М., 1993; Он же. Общественно-экономические преобразования в Германии и Австрии в первые послевоенные годы // Война и общество в XX в. М., 2008. Т. 3. С. 104—131; Филитов А. М. СССР и германский вопрос (1941—1949). Документы из Архива внешней политики МИД России / Новая и Новейшая история. 2000. № 4 (июль—август). С. 136—143.

курса⁵⁵. Центральное место среди этих работ занимает монография «Германия в советском внешнеполитическом планировании (1941—1990)»⁵⁶.

Кроме того, интерес представляют отдельные разделы обобщающих трудов по истории Германии XX в. как отечественных (А. Ю. Ватлин, А. И. Патрушев, Н. В. Павлов)⁵⁷, так и зарубежных авторов (Д. Штариц)⁵⁸, содержащие ряд ценных замечаний по отдельным сторонам развития ГДР. Примечателен цикл статей Алексея Михайловича Бетмакаева, обращенных прежде всего к личности Вальтера Ульбрихта, в которых анализируется его вклад в принятие наиболее важных экономических решений, а также факторам, их определявшим⁵⁹.

⁵⁵ Филитов А. М. СССР и «новая восточная политика» ФРГ // Вестник МГИМО-Университета. 2017. 3 (54). С. 123—140; Филитов А. М. Треугольник Москва—Берлин—Бонн и политика европейской разрядки в 1969—1970 гг. // Вопросы истории. 2017. № 1. С. 83—96; Филитов А. М. Треугольник Москва—Вашингтон—Бонн в конце 60-х — начале 70-х гг. XX в. // Вопросы истории. 2015. № 12. С. 98—113.

⁵⁶ Филитов А. М. Германия в советском внешнеполитическом планировании (1941—1990). — М., 2009.

⁵⁷ Ватлин А. Ю. Германия в XX веке. — М., 2002; История Германии / под ред. Б. Бонвеча и Ю. В. Галактионова. — М., 2008. Т. 2 (от создания Германской империи до начала XXI века); Патрушев А. И. Германия в XX веке. — М., 2004; Орлова М. И. ГДР: рождение и крах. — М., 2000; Павлов Н. В. История современной Германии 1945—2005 — М. : АСТ, Астрель, 2006. — 512 с.

⁵⁸ Staritz D. Geschichte der DDR. — Frankfurt a/M., 1996.

⁵⁹ Бетмакаев А. М. Вальтер Ульбрихт в системе власти ГДР (1949—1973) // Война и мир в истории Европы. Барнаул, 2007. С. 124—132; Бетмакаев А. М. Конфликты в руководстве ГДР в «эпоху Ульбрихта» (1949—1971 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2006. № 4. С. 54—59; Бетмакаев А. М. Ульбрихт и экономическая политика ГДР (1949—1971) / Власть, политика и идеология в истории Европы. Барнаул, 2005. С. 126—139; Бетмакаев А. М. Хонеккер против Ульбрихта. Борьба за

Изучение внешнеэкономической политики ГДР невозможно себе представить вне контекста интеграционных процессов в рамках СЭВ. Однако если в Советском Союзе проводилась значительная работа по анализу практической деятельности СЭВ, издавались сборники научных статей и монографии⁶⁰, то в современной историографии практически отсутствуют работы, посвященные деятельности СЭВ⁶¹, и тем более — специальные исследования, которые бы могли осветить роль и участие ГДР в СЭВ⁶². С учетом этого важно отметить те исследования, в которых затрагиваются аспекты функционирования в рамках СЭВ отдельных социалистических стран.

Работы профессора Чувашского государственного университета Олега Николаевича Широкова, посвященные проблеме современной оценки значения социалистической интеграции⁶³, содержат анализ процесса развития международных отношений социалистических стран в 1949—1991 гг. и прослеживают факторы формирования СЭВ, этапы его развития и причины кризиса, поднимают вопросы концептуального и методологического уровня.

власть в руководстве ГДР в конце 60-х — начале 70-х гг. XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2005. № 4. С. 12—16.

⁶⁰ См., например: Ладыгин Б. Н., Барковский А. Н. СЭВ: история, современность, перспективы. М., 1986.

⁶¹ См., например: К 60-летию Совета Экономической Взаимопомощи. Единая Европа: прошлое и настоящее экономической интеграции. М., 2009; Лукьянов П. Г. История Совета Экономической Взаимопомощи. Могилев, 2004.

⁶² ГДР в системе социалистической экономической интеграции. М., 1989

⁶³ Широков О. Н. СЭВ в мировой экономике: современная оценка проблемы функционирования и значения. Вопросы истории, методологии и историографии. М., 2005; Широков О. Н. Исторический опыт сотрудничества стран Совета экономической взаимопомощи в 1949—1991 гг. Чебоксары, 2013.

По мнению О. Н. Широкова, сам факт привнесения рыночных элементов в плановую экономику оказался пагубным для интеграции на социалистической основе. По его мнению, именно попытки перехода к различным вариантам смешанных типов экономики стали причиной общего системного кризиса, поразившего страны-члены СЭВ⁶⁴, а рост рыночных отношений со странами «Общего рынка» подрывал саму природу социалистического хозяйства как системы⁶⁵.

При этом большинство исследователей сходится во мнении, что последовательное проведение реформ в любом случае привело бы к значительной трансформации существующего социально-экономического строя, как это произошло в Китае, либо к его полному демонтажу и переходу к рыночной экономике капиталистического толка⁶⁶. С точки зрения Ю. П. Бокарева, процесс этот был неизбежен: социализм, по его мнению, представлял собой не более чем мобилизационный вариант индустриального общества, в котором решающее значение принадлежало уровню развития промышленного производства. С началом научно-технической революции и переходом к обществу постиндустриального типа определяющим фактором экономического роста становится развитие технологий, для эффективного внедрения которых в социалистическую систему обществен-

⁶⁴ Широков О. Н. Влияние «рыночного социализма» на развитие экономической интеграции стран-членов Совета экономической взаимопомощи // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2013. № 17. С. 36.

⁶⁵ Широков О. Н. СЭВ в мировой экономике: современная оценка проблемы функционирования и значения. Вопросы истории, методологии и историографии. — М.: ИНИОН РАН, 2005. — С. 72—73.

⁶⁶ Nee V., Stark D. Remaking the Economic Institutions of Socialism: China and Eastern Europe. Stanford, 1989; Гринберг Р. С., Шейнин Э. Я. Социалистическая экономическая интеграция: взлет и падение СЭВ // Центрально-Восточная Европа во второй половине XX в. Т. 2. От стабилизации к кризису (1966—1989). М., 2002. С. 171—172.

ного производства, лишенной конкурентных начал, не хватало внутренних стимулов. Тем самым глобализация мирового экономического пространства вынуждала СЭВ идти на более тесные контакты со странами Запада ценой отказа от своего социально-экономического устройства⁶⁷.

Важное место занимают исследования М. А. Липкина, прослеживающего на материале архивов эволюцию восприятия интеграционных процессов в Западной Европе с точки зрения глобальных и региональных интересов СССР⁶⁸. В его работах синхронизированы попытки реформирования СЭВ с основными этапами развития западноевропейских моделей, восстановлена сложная система экономической составляющей европейской политики СССР через историю международных отношений на региональном европейском и глобальном уровнях.

Большинство же изданий, выпущенных за рубежом во второй половине XX в. и посвященных проблемам функционирования СЭВ, носят весьма умозрительный характер и не опираются в своих выводах на конкретные факты, а потому не могут рассматриваться в качестве серьезно подспорья. Это было обусловлено не столько новизной исследования, сколько особенностями процесса образования СЭВ. Уже в первых публикациях, относящихся к 1950-м гг., совершенно отчетливо проводилась мысль о главенстве политико-идеологического компонента в формировании нового типа экономических отношений в странах социалистического

⁶⁷ Бокарев Ю. П. СССР и становление постиндустриального общества на Западе, 1970—1980-е гг. М., 2007. С. 375—378.

⁶⁸ Липкин М. А. Советский Союз и европейская интеграция: середина 1940-х — середина 1960-х гг. — М.: ИВИ РАН, 2011. — 304 с.; Липкин М. А. Советский Союз и интеграционные процессы в Европе: середина 1940-х — середина 1960-х гг. — М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. — 560 с.

лагеря⁶⁹. Подобный подход к изучению деятельности СЭВ в значительной степени преобладал в западной историографии вплоть до конца «холодной войны»⁷⁰, после чего интерес к теме за исключением отдельных редких публикаций⁷¹ постепенно стал сходить на нет.

Завершая историографический обзор, следует отметить, что на протяжении длительного периода времени внимание отечественных и зарубежных исследователей было, так или иначе, сосредоточено на изучении внешнеполитической составляющей становления и развития ГДР, в то время, как реализация экономической политики оказалась изучена далеко не в полном объеме и многие значимые аспекты деятельности и взаимодействия органов управления внешнеэкономическими связями СССР и ГДР, как уже отмечалось, требуют обстоятельного и всестороннего анализа архивных и опубликованных документов и материалов.

⁶⁹ Харламова В. Н. СЭВ: опыт и уроки социалистической экономической интеграции // Международная экономическая интеграция / под ред. Н. Н. Ливенцева. М., 2006. С. 324—325.

⁷⁰ Подробнее см.: Дэйтон Э. История европейской интеграции: историография // История европейской интеграции (1945—1994) / под ред. А. С. Намазовой и Б. Эмерсона. — М., 1995.

⁷¹ См., например: Kansikas S., Socialist Countries Face the European Community: Soviet-Bloc Controversies over East-West trade. — Frankfurt a/M: Peter Lang Edition, 2014. — 224 p.

Глава 1.

Восточногерманская экономика во второй половине 1940-х — 1950-е гг.

§ 1.1. Особенности экономического развития СОЗ/ГДР

В соответствии с решением Ялтинской конференции великих держав — союзников по антигитлеровской коалиции — территория Германии после окончания Второй мировой войны была разделена на четыре оккупационные зоны, управление которыми координировалось Союзным контрольным советом (СКС). Особый статус приобретал Берлин, также разделенный на соответствующие сектора. Непосредственное управление советской зоной оккупации Германии согласно постановлению СНК СССР от 6 июня 1945 г. № 1326/301⁷² осуществлялось Советской военной администрацией (СВАГ) с 9 июня 1945 г. (приказ СВАГ № 1) и вплоть до образования в 1949 г. Германской демократической республики.

Несмотря на некоторые различия в подходах великих держав к проведению в оккупационных зонах Германии общественно-политических мероприятий, предусмотренных Потсдамской конференцией⁷³, деятельность СВАГ указывала на отсутствие у руководства СССР изначального стремления к безусловной «советизации» Восточной Германии, как не ставилась задача образования на немецкой земле и двух независимых государств с различной социально-экономической системой. Сохранялась традиционная федеративная форма административно-территориального деления, согласно которому в советскую оккупационную зону вошли земли Мекленбург, Саксония, Тюрингия, провинции Бранденбург и Саксония-

⁷² Советская военная администрация Германии, 1945—1949 гг. Справочник / отв. ред. Я. Фойтцик, А. В. Доронин, Т. В. Царевская-Дякина. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2009. — С. 967—971.

⁷³ Программа «4Д»: демилитаризация, денацификация, декартелизация, демократизация.

Ангальт. Более того, следуя «Декларации об освобожденной Европе»⁷⁴, на территории, подконтрольной СВАГ, уже 10 июня 1945 г. приказом № 2 была разрешена деятельность политических партий, «ставящих своей целью окончательное искоренение остатков фашизма и укрепление начал демократизма и гражданских свобод в Германии и развитие в этом направлении инициативы и самодеятельности широких масс населения». 14 июля 1945 г. Коммунистическая (КПГ), Социал-демократическая (СДПГ), Либерально-демократическая (ЛДПГ) партии и Христианско-демократический союз (ХДС) образовали антифашистский демократический блок, выдвинувший своей основной задачей сотрудничество в борьбе за ликвидацию нацистского наследия и строительство новой государственности на демократической основе⁷⁵.

Без сомнения право победителя давало оккупационным властям возможность активно влиять на распределение сил на внутригерманской политической арене и вносить соответствующие своим интересам коррективы. «Политический карантин», действовавший в западных оккупационных зонах вплоть до осени 1945 г., позволил оккупационным властям, не прибегая к методам прямого вмешательства, сформировать лояльную полити-

⁷⁴ В соответствии с «Декларацией об освобожденной Европе» великие державы брали на себя обязательство обеспечить право освобожденных от фашизма стран на создание временных правительств, в которых были бы представлены все демократические элементы населения. См.: Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941—1945 гг.: Сборник документов. — Т. 4. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4—11 февраля 1945 г.) — М.: Политиздат, 1984. — С. 172—173.

⁷⁵ История Германской Демократической Республики (1949—1979) / под ред. В. Д. Кульбакина. — М.: Наука, 1979. — С. 38—39.

ческую элиту при сохранении реальной многопартийности⁷⁶. По меткому замечанию А. Ю. Ватлина, «немцев “мариновали” до тех пор, пока у них не выветрились социалистические настроения»⁷⁷. В свою очередь на востоке Германии СВАГ оказывал безусловную поддержку коммунистам, что в последствии привело к установлению фактической монополии на власть Социалистической единой партии Германии (СЕПГ, нем. *Sozialistische Einheitspartei Deutschlands*), объединившей в 21—22 апреля 1946 г. в пределах советской оккупационной зоны партийные организации КПГ (председатель Вильгельм Пик) и СДПГ (председатель Отто Гротеволь). При этом само по себе образование СЕПГ, по мнению А. М. Филитова, мыслилось изначально именно как подготовка к проведению выборов по сугубо «некоммунистическому образцу»⁷⁸ — с более или менее свободной конкуренцией партий, а следовательно и риском потерпеть поражение.

Для укрепления единства своих рядов в руководстве партийных организаций СЕПГ предусматривался паритет между представителем от коммунистов и социал-демократов, а платформа партии — «Принципы и цели Социалистической единой партии Германии», отражала временный компромисс, достигнутый левыми силами.

⁷⁶ Филитов А. М. Общественно-политические преобразования в Германии и Австрии в первые послевоенные годы // Война и общество в XX в.: в 3 кн. / рук. проекта и сост. О. А. Ржешевский. Кн. 3: Война и общество в период локальных войн и конфликтов второй половины XX в. / отв. ред. А. Ю. Никифоров, науч. рук. М. Ю. Мягков. — М., 2008. — С. 125.

⁷⁷ Ватлин А. Ю. Германия после Гитлера. Предыстория ФРГ (1945—1949) // Германия в XX веке. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. — С. 143.

⁷⁸ Филитов А. М. Германия в советском внешнеполитическом планировании. 1941—1990. — М: Наука., 2009. — С. 90—91.

В сентябре и октябре 1946 г. в советской оккупационной зоне были проведены выборы в общинные, районные и земельные представительства, по итогам которых в землях были сформированы коалиционные правительства. Подготовленные ими проекты конституций в период с декабря 1946 г. по февраль 1947 г. получили одобрение СВАГ и были утверждены ландтагами. Несмотря на то, что СЕПГ одержала победу, ее преимущество не было подавляющим. На общинных выборах СЕПГ получила 58,5 % голосов, на окружных — 50,3 %, на выборах в ландтаги земель и провинций — 47,5 %⁷⁹.

В экономической сфере СВАГ в соответствии с решениями Ялтинской и Потсдамской конференций решала главным образом задачу удовлетворения репарационных претензий СССР, предусматривавшую помимо демонтажа промышленного капитального оборудования изъятия текущей товарной продукции⁸⁰. Приказом СВАГ № 4 от 21 июля 1945 г. в целях ускорения развертывания промышленных предприятий в советской зоне оккупации было принято решение в срок до 15 августа 1945 г. «организовать пуск в эксплуатацию предприятий, вырабатывающих: синтетическое горючее и масла; искусственное удобрение; уголь и брикеты; электроэнергию; предприятия резиновой промышленности (синтетический каучук, автомобильные шинные покрышки), предприятия по ремонту автомашин, тракторов, сельскохозяйственных машин, железнодорожного подвижного состава, речного транспорта и запасных частей к ним, предприятия пищевой, текстильной, кожевенно-обувной промышленности и товаров широ-

⁷⁹ Protokoll des 2. Parteitages der SED. — Berlin, 1947. — S. 81.

⁸⁰ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941—1945 гг.: Сборник документов. — Т. 6. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа 1945 г.) — М.: Политиздат, 1984. — С. 18—20; 455—456.

кого потребления, а также предприятий промышленности и строительных материалов (цемент, стекло, кровельные материалы)»⁸¹.

Приказом СВАГ № 17 от 27 июля 1945 г. были образованы центральные управления (нем. *Zentralverwaltung*) — связи, промышленности, транспорта, энергетики, торговли и снабжения, сельского и лесного хозяйства, финансов, труда, социального обеспечения, здравоохранения, народного образования и юстиции — фактически осуществлявшие функции отраслевых ведомств, но действовавшие независимо друг от друга в качестве консультативных органов при СВАГ. В октябре 1945 г. приказом СВАГ № 110 управления земель и провинций получили право издавать постановления, имевшие силу закона, если они не противоречат приказам СВАГ⁸².

Решение о национализация крупных промышленных предприятий, совпадало с проведением денацификации: в соответствии с приказами СВАГ № 124 и 126 о наложении секвестра на все имущество бывшего рейха и нацистской партии не менее 4 тыс. предприятий перешло в управление военной администрации. В октябре 1945 г. была также начата земельная реформа, ликвидировавшая остатки крупного помещичьего землевладения. В результате предпринятых СВАГ мероприятий восстановление экономики шло в советской оккупационной зоне вплоть до начала в апреле 1948 г. реализации плана Маршалла даже быстрее, чем на западе Германии.

⁸¹ Советская военная администрация Германии, 1945—1949 гг. Экономические аспекты деятельности: сборник документов / отв. ред. и отв. сост. В. Кнолль; сост. И. А. Зюзина, О. В. Лавинская. — М.: Международные отношения, 2016. — Т. 1. С. 59—61.

⁸² СВАГ и немецкие органы самоуправления, 1945—1949 гг. Сборник документов / отв. ред. Н. В. Петров; сост.: О. В. Лавинская, Д. Н. Нохотович. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. — С. 301—302.

В 1947 г. претерпела изменения и репарационная политика СССР. Демонтаж, транспортировка и эксплуатация на территории Советском Союзе демонтированного оборудования обходилась нередко значительно дороже, нежели восстановление производства на восточногерманских предприятиях и последующие поставки их текущей продукции в зачет репарационных платежей. Исходя из этого в январе 1947 г. демонтаж предприятий в советской зоне был полностью прекращен, а на базе 200 предприятий, первоначально предусмотренных для демонтажа, создавались советские акционерные общества, из которых 74 уже осенью 1946 г. были переданы в управление правительствам земель⁸³. Отрасли промышленности, производящие обувь, одежду и предметы широкого потребления были полностью освобождены от репарационных платежей⁸⁴.

*Доля советских акционерных обществ
в промышленном производстве СОЗ и ГДР (в %)⁸⁵*

	1947 г.	1948 г.	1949 г.	1950 г.
в промышленности в целом	19,5	22,0	21,9	22,6
в базовых отраслях:				
— энергетике;	34,7	44,1	42,1	42,2
— горно-добывающей;	33,4	33,5	36,9	37,6
— химической;	54,0	56,7	54,8	57,8
— строительных материалов;	15,3	15,8	14,5	12,9
в металлообрабатывающих отраслях:				

⁸³ Семиряга М. И. Как мы управляли Германией. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1995. — С. 126—127.

⁸⁴ История Германской Демократической Республики (1949—1979) / под ред. В. Д. Кульбакина. — М.: Наука, 1979. — С. 68.

⁸⁵ Семиряга М. И. Как мы управляли Германией. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1995. — С. 135.

— машиностроении;	39,4	28,0	29,6	26,4
— электронике;	39,6	40,8	38,3	36,2
— точной механике и оптике;	35,5	26,8	20,0	25,5
в легкой промышленности:				
— текстильной;	2,4	2,4	2,4	2,9
— целлюлозе и бумаге;	—	6,4	6,1	5,8
в пищевой промышленности:	—	—	—	0,2

Предприятия советских акционерных обществ, управлявшиеся советскими генеральными директорами, заняли весьма важное место в производственной деятельности ряда отраслей, позволив в значительной мере решить проблему занятости населения Восточной Германии. Производимая на предприятиях продукция преимущественно экспортировалась в СССР. Тем самым советское правительство снимало противоречие между задачей восстановления восточногерманской экономики и задачей получения компенсаций за разрушения, причиненные Советскому Союзу войной. Особое место среди советских акционерных обществ принадлежало САО «Висмут», объединявшее уранодобывающие предприятия в Рудных горах Саксонии и подчинявшееся непосредственно Москве.

На Западе Германии происходило формирование параллельных экономических структур. 1 января 1947 г. вступило в силу Межправительственное соглашение США и Великобритании от 2 декабря 1946 г., положившее начало объединению американской и английской оккупационных зон в так называемую «Бизонию», экономический совет, которой был вскоре наделен самыми широкими административными полномочиями. В ходе двух раундов Лондонского совещания шести держав (США, Великобритании, Франции, Бельгии, Нидерландов и Люксембурга), проходивших с 23 февраля по 6 марта 1948 г. и с 20 апреля по 2 июня 1948 г., были приняты так называемые «Франкфуртские документы», в соответствии с которыми 1 сентября 1948 г. в Бонне создавался учредительный Парламентский совет, уполномоченный разработать конституцию будущего федера-

тивного государства. В период между раундами совещания главы военных администраций заявили о присоединении Западной Германии к «плану Маршалла». Советское правительство пыталось безуспешно опротестовать решения Лондонского совещания, бойкотировав 20 марта 1948 г. заседание Союзнического контрольного совета, что в итоге привело к фактическому прекращению его деятельности.

Изменение вектора экономического развития на западе и востоке Германии в этот период соответственно отражало изменение международной обстановки. Политика СССР по отношению к странам Восточной Европы ввиду нарастания конфронтации с Западом также подверглась трансформации, что способствовало постепенному сосредоточению всей полноты власти этих странах в руках местных коммунистических партий.

В советской зоне оккупации также наблюдался рост влияния СЕПГ, в руководстве которой ключевые посты постепенно замещали коммунисты, среди которых были многие видные деятели Коминтерна, не обладавшие достаточным практическим опытом для реализации задач государственного строительства, но рассматривавшие по идейно-политическим соображениям как образец советскую модель и опыт СССР⁸⁶. В условиях набравшей обороты «холодной войны» ключевым становился вопрос сможет ли антифашистский демократический блок не столько формально сохранить традиционные демократические институты — парламентаризм, многопартийность, идейный плюрализм, сколько обеспечить их функционирование на практике. Несмотря на то, что СССР всячески подчеркивал коалиционный, народно-демократический характер управления советской

⁸⁶ Бутенко А. П. Социалистическая концепция // Центрально-Восточная Европа во второй половине XX в. Т. 1. Становление «реального социализма» (1945—1965). — М., 2000. — С. 87.

оккупационной зоной, решения СЕПГ постепенно начинали определять общую стратегию развития Восточной Германией.

В экономике усиление роли СЕПГ выразилось в утверждении административного планирования в качестве основополагающего инструмента хозяйственной деятельности. 11 июня 1947 г. в целях координации деятельности центральных управлений приказом СВАГ № 138 была создана Немецкая экономическая комиссия (НЭК, нем. *Deutsche Wirtschaftskommission, или DWK*). Среди задач, стоящей перед НЭК, было уже не только решение текущих хозяйственных вопросов, но и разработка долгосрочной экономической политики. Разработанная СЕПГ программа восстановления и развития народного хозяйства Восточной Германии, принятая на II съезде партии (20—24 сентября 1947 г.), легла в основу первого плана, рассчитанного на 1949—1950 гг.⁸⁷ Проект плана предусматривал к концу 1950 г. рост производства на 35 %, повышение производительности труда на 30 % и снижение себестоимости производства на 7 %.

12 февраля 1948 г. в соответствии с приказом СВАГ № 32 решения НЭК приобретали силу обязательных к исполнению постановлений на территории всей советской зоны оккупации. Председателем НЭК 1 марта 1948 г. был назначен бранденбургский министр экономики, член ЦК СЕПГ Генрих Рау.

Проведение летом 1948 г. денежных реформ — 20 июня 1948 г. в Западной Германии, а 23 июня в Восточной Германии⁸⁸, вызвало Берлинский

⁸⁷ Германская история в новое и новейшее время. М., 1970. Т. 2. С. 386.

⁸⁸ Подробнее об этом см.: Болдырев Р. Ю., Невский С. И. Денежные реформы в послевоенной Германии (1948): подготовка, проведение, итоги // Экономическая политика. 2014. № 5. С. 38—65; Болдырев Р. Ю., Невский С. И. Денежные реформы в послевоенной Германии (1948): подготовка, проведение, итоги (окончание) // Экономическая политика. 2014. № 6. С. 25—53.

кризис 21 июня 1948 г. — 11 мая 1949 г., итогом которого стало провозглашение 23 мая 1949 г. Федеративной Республики Германии, а 7 октября 1949 г. — Германской Демократической Республики.

11 октября на заседании временной народной палаты ГДР (нем. *Volkskammer*) президентом ГДР был избран В. Пик, а правительство возглавил О. Гротеволь. Председателем СЕПГ в должности Первого секретаря был избран Вальтер Ульбрихт⁸⁹. В соответствии с постановлением Совета министров СССР № 5159-1967сс от 5 ноября 1949 г. органам ГДР были переданы функции государственного управления, а вместо СВАГ образована Советская контрольная комиссия в Германии (СКК, нем. *Sowjetische Kontrollkommission* — приказ СВАГ № 60 от 17 ноября 1949 г.⁹⁰). Министерство планирования (нем. *Ministerium für Planung*), заменившее собой НЭК, а позже преобразованное в Государственную плановую комиссию при Совете Министров ГДР (Госплан ГДР, нем. *Staatliche Plankommission, SPK*), возглавил Г. Рау.

Раскол Германии, осуществленный в послевоенный период великими державами вопреки Потсдамским соглашениям, в которых Германия рассматривалась как «единое экономическое целое»⁹¹, имел тяжелые последствия для страны. Нарушенными оказались многообразные кооперативные

⁸⁹ Конституция и законодательные акты Германской Демократической Республики. — М., 1953. — С. 60—63.

⁹⁰ Советская военная администрация Германии, 1945—1949 гг. Справочник / отв. ред. Я. Фойтцик, А. В. Доронин, Т. В. Царевская-Дякина. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2009. — С. 992—995.

⁹¹ Сообщение о Бердинской конференции трех держав от 2 августа 1945 г. См.: Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941—1945 гг.: Сборник документов. — Т. 6. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа 1945 г.) — М.: Политиздат, 1984. — С. 453.

связи между отраслями народного хозяйства и предприятиями на востоке и западе Германии. Фактически была подорвана экономическая основа существования единого немецкого государства — общегерманский рынок. Раскол страны привел к резкому сокращению внутригерманских торговых связей. Если в начале 1930-х гг. оборот между территориями, вошедшими в 1949 г. в состав ГДР и ФРГ, составлял около 8 млрд марок, то по состоянию на 1950 г. он едва превысил 0,5 млрд⁹².

Особенно тяжело последствия раскола переживала экономика ГДР. В отличие от большинства восточноевропейских стран, вошедших по окончании Второй мировой войны в сферу влияния СССР, Восточная Германия обладала достаточно развитым промышленным производством, но рассчитывать на скорое формирование сбалансированной многоотраслевой структуры народного хозяйства в рамках отдельного государства не позволял острый недостаток сырья. Если принять за 100 % уровень довоенного промышленного производства по состоянию на 1936 г., то на долю ГДР приходилось лишь 2,9 % от добычи каменного угля и 5,3 % от добычи железной руды, производство чугуна составляло здесь лишь 1,6 %, а стали — 7,7 %. В то же время на территории ГДР находилось 33,2 % станкостроительной промышленности, 55,4 % текстильного машиностроения, 27,1 % производства оборудования, 25,4 % электротехнической промышленности⁹³. Тем самым промышленность ГДР оказалась отрезанной от источников важнейших видов сырья, значительной энергетической базы, большей части внутреннего рынка сбыта и получения готовой продукции, в результате чего в восточногерманской экономике образовались значительные диспропорции. Необходимость их преодоления на долгие годы

⁹² АВП РФ. Ф. 0742. Оп. 11. П. 78. Д. 34. Л. 151.

⁹³ Там же. Л. 150.

стала определяющим вектором развития ГДР, определяющую роль в котором играла поддержка Советского Союза.

Уже 19 ноября 1949 г. было учреждено торговое представительство СССР в ГДР, а 12 апреля 1950 г. между двумя странами было заключено соглашение о взаимном товарообороте, предусматривавшее поставки в ГДР зерновых культуры, черных и цветных металлов, грузовых автомобилей, нефтепродуктов, кокса, хлопка. Со своей стороны ГДР направляла в Советский Союз промышленное оборудование, сельскохозяйственные машины, цемент, химикаты⁹⁴. 16 мая 1950 г. были сокращены вдвое размеры репарационных платежей с рассрочкой уплаты на 15 лет⁹⁵.

В 1950 г. по итогам выполнения двухлетнего хозяйственного плана ГДР удалось достигнуть довоенный уровень промышленного производства⁹⁶. 1 ноября 1951 г. Народная палата ГДР приняла закон о первом пятилетнем плане развития народного хозяйства на 1951—1955 гг., который был разработан на основе директив III съезда СЕПГ, состоявшегося 20—24 июля 1950 г.⁹⁷ Задания первого пятилетнего плана предусматривали переориентацию внешнеэкономических связей в сторону стран Восточной Европы, чему должно было содействовать вступление ГДР 29 сентября 1950 г. в СЭВ⁹⁸.

⁹⁴ Экономические отношения СССР с зарубежными странами. 1917—1967 гг. // под ред. А. П. Зацаринского. — М.: Международные отношения, 1967. — С. 119—121.

⁹⁵ СССР—ГДР. 30 лет отношений (1949—1979). Документы и материалы. М., 1981. С. 31—32.

⁹⁶ Хайтцер Х. 1949—1955 гг. // ГДР: становление и рост. М., 1977. С. 160.

⁹⁷ Третий съезд Социалистической единой партии Германии. Сборник № 6. Берлин, 1950. С. 267, 291, 293.

⁹⁸ Документы о внешней политике правительства ГДР (1949—1954). — М., 1955. — С. 176.

Здесь следует также отметить, что в условиях «холодной войны» и отказа от участия в «плане Маршалла» страны Восточной Европы фактически оказались лишены какой-либо альтернативы испытанным в СССР мобилизационным методам использования внутренних ресурсов для форсированного восстановления народного хозяйства⁹⁹. Данное обстоятельство немало способствовало широкому распространению между ними практики внешнеэкономического сотрудничества, которое нашло свое организационное воплощение в учреждении в 1949 г. Совета экономической взаимопомощи¹⁰⁰. СЭВ должен был позволить странам Восточной Европы, не замыкаясь в рамках натурального хозяйства, развивать стратегические отрасли, покрывая спрос на недостающую продукцию путем взаимной торговли. Необходимо отметить, что для учредителей СЭВ взаимные связи ранее не являлись ведущим направлением внешнеэкономической деятельности — до 90 % их товарооборота приходилось на страны, находившихся за пределами формирующегося социалистического содружества¹⁰¹. Этот факт в дальнейшем давал основание говорить, что СЭВ создавался исключительно по политическим мотивам, хотя очевидно, что объективной при-

⁹⁹ Орлик И. И. Центрально-Восточная Европа между СССР и Западом // Центрально-Восточная Европа во второй половине XX в. Т. 1. Становление «реального социализма» (1945—1965). — М., 2000. — С. 218—219.

¹⁰⁰ Решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 23 декабря 1948 г. об созыве закрытого совещания представителей правительств СССР, Румынии, Венгрии, Болгарии, Польши и Чехословакии для установления тесных экономических отношений между СССР и странами народной демократии // Восточная Европа в документах российских архивов (1944—1953): в 2 т. / отв. ред. Г. П. Мурашко. — Москва—Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. — Т. 1. С. 944—946.

¹⁰¹ Харламова В. Н. СЭВ: опыт и уроки социалистической экономической интеграции // Международная экономическая интеграция / под ред. Н. Н. Ливенцева. — М., 2006. — С. 325.

чиной складывания к концу 1940-х гг. новых экономических отношений в Восточной Европе, открывшей путь к интеграции на социалистической основе, стала прежде всего естественная необходимость преодоления последствий войны и хозяйственной разрухи¹⁰².

Таким образом, особенности послевоенного восстановления Восточной Германии привели к тому, что ключевые вопросы экономического развития ГДР не могли быть решены руководством СЕПГ самостоятельно, без участия Советского Союза, позиция которого в решении германского вопроса оставалась гарантом суверенитета ГДР, что наглядно продемонстрировала так называемая «битва нот» между СССР и западными державами, последовавшая за решением ФРГ о вступлении 27 мая 1952 г. в Европейское оборонительное сообщество. Предложение объединить Германию на условии ее нейтралитета, содержавшееся в «мирной ноте»¹⁰³ И. Сталина от 10 марта 1952 г., было отвергнуто западными державами¹⁰⁴, что позволило II конференции СЕПГ, проходившей 9—12 июля 1952 г. в Берлине, в большей степени под влиянием внешнеполитической ситуации, нежели непосредственной экономической целесообразности, принять решение «о переходе к планомерному строительству основ социализма»¹⁰⁵, под кото-

¹⁰² Широков О. Н. Историческая оценка проблемы становления восточноевропейского экономического блока в свете новых источников // Вестник Чувашского университета. 2013. № 4. С. 88.

¹⁰³ Нота правительства СССР правительству США с приложением проекта Основ мирного договора с Германией // Отношения СССР с ГДР (1949—1955). Документы и материалы. — М.: Издательство политической литературы, 1974. — С. 200—203.

¹⁰⁴ Подробнее о «войне нот» см.: Филитов А. М. Германия в советском внешнеполитическом планировании. 1941—1990. — М.: Наука., 2009. — С. 138—173.

¹⁰⁵ Вторая конференция Социалистической Единой Партии Германии. Сборник № 14. Берлин, 1952. С. 190—191.

рым подразумевалось проведение индустриализации, коллективизации и культурной революции.

Тем самым вопрос о дальнейшем развитии Восточной Германии был решен пользу в создания экономического фундамента для общественно-политической системы, построенной по советскому образцу. Смысл произошедших изменений был ясно выражен и в речи В. Ульбрихта на конференции: «С созданием Германской Демократической Республики совершился переход от антифашистских демократических преобразований к преобразованиям социалистическим. Под руководством СЕПГ рабочий класс в союзе с другими слоями трудящегося населения осуществил переход к народной демократии как форме диктатуры пролетариата»¹⁰⁶.

23 июля 1952 г. Народная палата ГДР приняла «Закон о дальнейшей демократизации структуры и методов работы государственных органов»¹⁰⁷, в соответствии с которым ликвидировался государственный аппарат в землях и установлено деление ГДР на 14 округов и 217 районов. Власть на местах переходила к окружным и районным собраниям, избравшим из своего состава советы в качестве органов исполнительной власти. Закон фактически лишал властных полномочий ландтаги, что в свою очередь неизбежно вело к упразднению Палаты земель, юридически оформленному только в 1958 г. Тем самым изменение административно-территориального деления ГДР отражало усиление централизма в управлении страной, в том числе и в сфере экономики.

Создание однотипной экономической базы в странах Восточной Европы, с одной стороны, открывало широкие возможности для специализа-

¹⁰⁶ Правда. 1959. 6 октября.

¹⁰⁷ Конституция и законодательные акты Германской Демократической Республики. М., 1953. С. 128—130.

ции и кооперирования производства между ними; с другой стороны, взятая на вооружение теория социалистического строительства фактически игнорировала национальные особенности развития народного хозяйства в этих странах¹⁰⁸, что привело к столкновению привносимых универсальных методов с традиционным экономическим укладом и, как следствие, серьезной ломке существовавших прежде общественных систем и росту социальной напряженности. При этом концентрация ресурсов в руках государства действительно позволила в начале 1950-х гг. за счет форсированного наращивания производственных мощностей в кратчайшие сроки добиться значительного увеличения темпов экономического развития как в ГДР, так и в большинстве стран восточноевропейского региона. Однако даже успешное выполнение плановых заданий первой пятилетки не могло привести к сколько-нибудь заметному подъему уровня жизни населения ГДР в силу того, что стратегия социалистического строительства Восточной Германии, ставившая во главу угла инвестиции в тяжелую индустрию, не предполагала быстрой окупаемости и сопровождалась в силу этого огромными социальными издержками¹⁰⁹.

Несмотря на то, что 3 июня 1952 г. в государственный сектор ГДР по соглашению с СССР были переданы предприятия 66 советских акционерных обществ¹¹⁰, к концу 1952 г. финансовое положение ГДР оказалось

¹⁰⁸ Фейт Н. В. Экономическое развитие // Центрально-Восточная Европа во второй половине XX в. Т. 1. Становление «реального социализма» (1945—1965). — М., 2000. — С. 131.

¹⁰⁹ Ватлин А. Ю. ГДР: Строительство социализма в эпоху В. Ульбрихта (1945—1971) // Германия в XX веке. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. — С. 179.

¹¹⁰ Сообщение правительства ГДР о решении правительства СССР от 29 апреля 1952 г. о передаче ГДР предприятий Советских акционерных обществ // Отношения СССР с ГДР (1949—1955). Документы и материалы. — М.: Издательство политической литера-

напряжено до крайности. 27 октября 1952 г. министр внешней и внутригерманской торговли ГДР Курт Грегор был вынужден вручить министру внешней торговли СССР Павлу Николаевичу Кумыкину список оборудования стоимостью 247 млн рублей (паровые котлы, компрессоры, насосы, станки), поставку которого, вопреки своим обязательствам по действующему торговому соглашению, ГДР просила перенести на 1953 г. Как следует из материалов Госплана СССР, этот список явился дополнением к ответу правительства ГДР от 25 октября 1952 г. на представление о неудовлетворительной поставке немецкого оборудования в Советский Союз¹¹¹.

Наряду с этим К. Грегор рассчитывал, что целый ряд товаров на сумму 95 млн рублей мог быть поставлен из СССР уже в 1952 г. авансом в счет 1953 г. — сахар, цемент, калийные соли, сульфат аммония, штапельное волокно, химикаты¹¹². К. Грегор также отмечал необходимость увеличения объема советских товаров, предусмотренных соглашением о товарообороте к поставке в ГДР в 1953 г., в частности: 223 тыс. т проката черных металлов вместо 170 тыс. т; 200 тыс. т чугуна вместо 155 тыс. т; 57 тыс. т ячменя вместо 45 тыс. т; 7 тыс. т шерсти вместо 4,5 тыс. т; 70 тыс. т кукурузы вместо 30 тыс. т — для обеспечения сельского хозяйства кормами¹¹³.

Обращает на себя внимание тот факт, что народнохозяйственный план ГДР на 1953 г. уже исходил из завышенных объемов поставок, то есть до фактического их согласования с руководством СССР! Более того, К. Грегор в беседе с П. Н. Кумыкиным особо подчеркивал, что увеличение

туры, 1974. — С. 208—210; Экономические отношения СССР с зарубежными странами. 1917—1967 гг. // под ред. А. П. Зацаринского. — М.: Международные отношения, 1967. — С. 126.

¹¹¹ РГАЭ. Ф. 4372 сч. Оп. 11. Д. 980. Л. 61.

¹¹² Там же. Л. 62.

¹¹³ Там же. Л. 71—75.

советского импорта позволит выполнить обязательства Восточной Германии по репарациям. Точно так же Политбюро СЕПГ приняло решение о ликвидации с III квартала 1953 г. ограничений в снабжении населения ГДР электроэнергией путем расширения производственных мощностей в данной отрасли — при том, что практическая реализация данного решения напрямую зависела от возможности поставок из СССР легированных труб, необходимых для изготовления котлов электростанций¹¹⁴.

Вслед за смертью в марте 1953 г. И. Сталина последовала весьма неожиданная для СЕПГ и негативно встреченная В. Ульбрихтом критика со стороны Президиума ЦК КПСС программы форсированного строительства социализма, отражавшая противоречия во взглядах советского руководства на будущее ГДР. Наиболее радикальную позицию в решении германского вопроса занимал министр внутренних дел СССР Л. П. Берия, полагавший, что единая Германия, воссоединенная даже на буржуазных началах, может стать серьезным противовесом американскому влиянию в Западной Европе¹¹⁵. Под давлением СССР 9 июня 1953 г. было опубликовано коммюнике Политбюро ЦК СЕПГ о переходе к «новому курсу», направленному в первую очередь на улучшение снабжения населения Восточной Германии товарами первой необходимости, однако данные коррективы были предприняты слишком поздно.

Принятое ранее на XIII пленуме ЦК СЕПГ 14 мая 1953 г. и утвержденное 28 мая 1953 г. Советом министров ГДР решение об увеличении на 10 % норм выработки без соответствующего повышения заработной платы, спровоцировало забастовочное движение, вылившееся к 17 июня 1953 г. в широкомасштабные народные волнения, которые удалось пода-

¹¹⁴ Там же. Л. 128.

¹¹⁵ Лавренов С. Я., Попов И. М. Берлинский кризис 1953 г. // Советский Союз в локальных войнах и конфликтах. — М.: АСТ, 2003. — С. 75.

вить только при участии советских войск. События июня 1953 г. были интерпретированы официальной пропагандой ГДР как «фашистская провокация» и попытка «контрреволюционного путча»¹¹⁶, но тем не менее ЦК СЕПГ, исходя из сложившейся ситуации, был вынужден 23 июня 1953 г. принять постановление, в соответствии с которым намечались меры по улучшению охраны труда и медицинскому обслуживанию, повышению заработной платы и снижению цен на продовольствие, развернута программа жилищного строительства; предполагалось направить дополнительные бюджетные ассигнования в отрасли по производству предметов широкого потребления.

Правительство ГДР от имени премьер-министра О. Гротевоя, исходя из складывавшейся ситуации, обратилось 9 июля 1953 г. к СССР с просьбой о предоставлении кредита в сумме 440 млн рублей для оплаты дополнительного импорта во II полугодии 1953 г., а также о предоставлении кредита для покрытия дефицита внешней торговли в 1954 г. в сумме 725 млн рублей¹¹⁷. Советское руководство приняло решение оказать срочную помощь ГДР как в отношении кредита на 1953 г., так и в части осуществления советских поставок, которые могли бы обеспечить дополнительный импорт¹¹⁸.

Однако согласование на уровне Госплана СССР соответствующего постановления Совета министров СССР существенно затянулось из-за изменений, которые представители ГДР неоднократно вносили в его проект.

¹¹⁶ Из резолюции 15-го пленума Центрального Комитета Социалистической единой партии Германии «Новый курс и задачи партии» от 26 июля 1953 г. // Отношения СССР с ГДР (1949—1955). Документы и материалы. — М.: Издательство политической литературы, 1974. — С. 273—275.

¹¹⁷ РГАЭ. Ф. 4372 сч. Оп. 11. Д. 981. Л. 84.

¹¹⁸ Там же. Л. 86.

Так, изначальная стоимость дополнительного импорта была скорректирована в сторону увеличения и составила 511 млн рублей, после чего в письме заместителя премьер-министра ГДР Г. Рау сумма была доведена до 600 млн рублей. В материалах, представленных председателем Госплана ГДР Б. Лейшнером 20 июля 1953 г., дополнительный импорт ГДР оценивался уже в 1 027 млн рублей! При этом сам Б. Лейшнер настаивал, что «врученная заявка на дополнительный импорт является минимальной и рассчитана на удовлетворение лишь неотложных нужд населения»¹¹⁹.

Если мы обобщим сведения об изменениях размера запрашиваемого ГДР кредита в данной таблице, то можно обратить внимание на некоторое уменьшение предполагаемого импорта из социалистических стран и резкое сокращение импорта из капиталистических стран при характерном увеличении объема поставок из Советского Союза.

доп. импорт ГДР во II пол. 1953 г., в млн рублей	по письму О. Гротевоя от 9 июля 1953 г.	по письму Г. Рау от 16 июля 1953 г.	по заявке Б. Лейшнера от 20 июля 1953 г.
всего :	511	600	1027
— из СССР;	230	406	811
— из капстран;	181	115	134
— из соцстран (Восточная Европа).	100	79	82

При чем, как следует из материалов Госплана СССР, в заявку ГДР на советские поставки был последовательно включен ряд товаров (кожа, шерсть, чугун, трубы, судовой лист), которые изначально намечались

¹¹⁹ Там же. Л. 84—85.

немцами к импорту из капиталистических стран. Можно предположить, что руководство ГДР было вынуждено направить на снабжения населения именно те товары, на выручку от реализации которых на внешних рынках, а не за счет кредита, предполагалось произвести закупку указанных товаров в капиталистических странах.

Итоговый вариант постановления Совета Министров СССР предусматривал выделение ГДР кредита на сумму 485 млн рублей (в том числе поставками на 350 млн рублей) под 2 % сроком на два года, и на 135 млн в инвалюте для закупки товаров в капиталистических странах¹²⁰.

Советским правительством была также удовлетворена просьба об изыскании возможности дополнительных поставок продуктов питания и сырья для производства товаров массового потребления сверх контингентов, предусмотренных действовавшим на 1953 г. торговым соглашением¹²¹.

Что касается вопроса о привлечении советских кредитных средств для покрытия дефицита внешней торговли ГДР в 1954 г., то его рассмотрение теряло свою актуальность после подписания 22 августа 1953 г. протокола «об облегчении финансово-экономических обязательств ГДР, связанных с последствиями войны», предусматривавшего окончательное прекращение с 1 января 1954 г. взимания репараций, безвозмездную передачу в собственность ГДР 33 советских предприятий в Восточной Германии, а также освобождение ГДР от уплаты задолженности СССР в сумме 430 млн марок, образовавшейся в связи с уступкой в 1952 г. советским правитель-

¹²⁰ Там же. Л. 92.

¹²¹ Сообщение Совета Министров ГДР о дополнительных поставках продуктов питания и сырья из СССР в ГДР // Отношения СССР с ГДР (1949—1955). Документы и материалы. — М.: Издательство политической литературы, 1974. — С. 271—272.

ством правительству ГДР 66 советских предприятий¹²². По самым скромным подсчетам Госплана СССР экономика ГДР в 1954 г. получала дополнительный экспортный ресурс в виде товарной продукции, изначально предусмотренной для погашения репарационных платежей, на сумму почти в 1 400 млн рублей¹²³.

Разразившийся в стране кризис повлек за собой неудачную попытку отстранения В. Ульбрихта от власти группой его оппонентов в Политбюро ЦК СЕПГ, рассчитывавших на поддержку из Москвы. Министр государственной безопасности Вильгельм Цайссер и главный редактор органа ЦК СЕПГ — газеты «Neues Deutschland» Рудольф Херрнштадт выступили с резкой критикой деятельности В. Ульбрихта, обвинив его в срыве реализации программы «нового курса». Однако арест 25 июня 1953 г. Л. П. Берия и его последующее официальное исключение 7 июля 1953 г. по итогам пленума ЦК КПСС из партии¹²⁴ перечеркнули надежды «группы Цайссера-Херрнштадта» на благополучный исход дела. Оба оппонента В. Ульбрихта были сняты со своих постов и затем исключены из СЕПГ «из-за фракционной деятельности и угрозы единству и чистоте партии»¹²⁵.

Июньские события 1953 г. изменили отношение к ГДР со стороны нового советского руководства, готового, как считает ряд исследователей,

¹²² Протокол о прекращении взимания германских репараций и о других мерах по облегчению финансово-экономических обязательств Германской Демократической Республики, связанных с последствиями войны // Отношения СССР с ГДР (1949—1955). Документы и материалы. — М.: Издательство политической литературы, 1974. — С. 286—288.

¹²³ РГАЭ. Ф. 4372 сч. Оп. 11. Д. 981. Л. 91.

¹²⁴ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. — М.: Политиздат, 1985. — Т. 8 (1946—1955). — С. 302.

¹²⁵ Бетмакаев А. М. Конфликты в руководстве ГДР в «эпоху Ульбрихта» (1949—1971 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2006. № 4. С. 54—55.

в первое время после смерти И. Сталина пойти на ряд серьезных уступок западным державам в решении германского вопроса, допуская в том числе возможность при «принести в жертву» режим СЕПГ в случае возникновения такой необходимости¹²⁶.

Указ Президиума Верховного Совета СССР о прекращении состояния войны с Германией¹²⁷, изданный 25 января 1954 г. накануне Берлинского совещания министров иностранных дел СССР, США, Великобритании и Франции (25 января — 18 февраля 1954 г.), должен был продемонстрировать твердость намерения советского руководства по приданию объединенной Германии нейтрального статуса, на что западные политики заведомо не были готовы пойти. Данное заявление носило декларативный характер и не могло повлиять на позиции сторон в ходе переговоров, однако для Советского Союза было исключительно важно подчеркнуть, что именно западные державы несут ответственность за раскол Германии и срыв Потсдамских соглашений, в то время как СССР, «принимая во внимание мнение правительства ГДР и учитывая интересы населения как Восточной, так и Западной Германии», в тоже время не считает для себя возможным в одностороннем порядке отказаться от выполнения обязательств, вытекающих из ранее достигнутых международных соглашений четырех держав, касающихся Германии в целом¹²⁸.

Подписание 23 октября 1954 г. западными державами Парижских соглашений, закреплявших за правительством Западной Германии право

¹²⁶ Прокуменщиков М. Ю. Архивные документы о советско-германских отношениях в эпоху Н. С. Хрущева // Послевоенная история Германии: российско-немецкий опыт и перспективы. — М.: ДиректМедиа, 2007. — С. 248.

¹²⁷ СССР—ГДР. 30 лет отношений (1949—1979). Документы и материалы. — М.: Издательство политической литературы (Политиздат), 1981. — С. 44—45.

¹²⁸ Там же. С. 45.

единоличного представительства всего немецкого народа в международных делах, и последующее вступление ФРГ в 1955 г. в НАТО содействовало консолидации социалистических стран и созданию 14 мая 1955 г. Организации Варшавского договора (ОВД). Дальнейший процесс суверенизации ГДР, завершился подписанием 20 сентября 1955 г. Договора об основах отношений между ГДР и СССР¹²⁹, в международно-правовой форме предоставившего Восточной Германии свободу решения всех вопросов внутренней и внешней политике, в том числе — и в области взаимоотношений с ФРГ.

Визит канцлера ФРГ Конрада Аденауэра в Москву, состоявшийся сентябре 1955 г., в ходе которого была достигнута договоренность об установлении дипломатических отношений между СССР и ФРГ, в большей степени свидетельствовал о закреплении сложившегося статус-кво в Европе: участвовавший в переговорах Н. С. Хрущев подтвердил, что воссоединение Германии возможно лишь с учетом новой общественной системы, сложившейся в ГДР¹³⁰. Однако, несмотря на произошедшие после 1955 г. изменения внешнеполитического статуса, ГДР не удалось добиться широкого международного признания из-за решительного противодействия со стороны ФРГ, отказывавшейся поддерживать дипломатические отношения со странами, признающими ГДР.

В этот период на фоне развития интеграционных процессов в Западной Европе встал вопрос о необходимости усиления сотрудничества соци-

¹²⁹ Договор об отношениях между Союзом Советских Социалистических Республик и Германской Демократической Республикой // Отношения СССР с ГДР (1949—1955). Документы и материалы. — М.: Издательство политической литературы, 1974. — С. 647—649.

¹³⁰ Ватлин А. Ю. ФРГ: «экономическое чудо» в эпоху Аденауэра (1945—1969) // Германия в XX веке. — М., 2002. — С. 201.

алистических стран на многосторонней основе, что привело к оживлению деятельности СЭВ. Начались работы по координации народнохозяйственных планов, стали проводиться встречи руководящих работников плановых органов стран-членов СЭВ¹³¹. В ходе состоявшейся 15 октября 1955 г. встречи представителей государственных плановых комиссий Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, СССР и Чехословакии председатель Госплана ГДР Б. Лейшнер сетовал на возникновение излишков мощностей в машиностроении, которые порой оказывается просто не чем загрузить из-за отсутствия сырья в достаточном количестве. В ответ на это председатель Госплана СССР Николай Константинович Байбаков заявил, что специализация и кооперирования производства в социалистических странах могла бы позволить избежать возникновения подобных трудностей, связанных в том числе не только с простоем оборудования, но и с разрывом во взаимной торговле социалистических стран между спросом и предложением на готовую продукцию. На примере однотипных колесных и гусеничных тракторов, выпускаемых одновременно и в Румынии, и в Чехословакии, Н. К. Байбаков утверждал, что «...экономически нецелесообразно организовывать производство там, где потребность может быть покрыта экспортом из СССР»¹³².

В своем выступлении президент Национального бюро планирования Венгрии Андор Береи поддержал предложение Н. К. Байбакова, а также высказал мнение, что

«подобный разрыв можно покрыть путем поставок в кредит машин и оборудования для развития сырьевой базы стран народной демократии. Помогая странам кредитом одновременно организовать много-

¹³¹ Липкин М. А. Советский Союз и европейская интеграция: середина 1940-х — середина 1960-х гг. — М.: ИВИ РАН, 2011. — С. 242.

¹³² РГАЭ. Ф. 355. Оп. 1. Д. 347. Л. 96.

сторонний клиринг. Мы бы, в частности, могли взять в ГДР в кредит оборудование для производства целлюлозы»¹³³.

А. Береи также предлагал взаимобразно увеличить поставки машин между странами на основе специализации:

«например, мы в ГДР возьмем изотермические вагоны, а дадим мотовозы и тепловозы. Это увеличивает обмен между странами и не будет влиять на дефицит платежного баланса. Автаркия сокращает наши связи. Необязательно, чтобы одна страна все производила одна для себя. Специализация должна проводиться на основе новой техники, новейших достижений науки и она даст возможность выпускать продукцию дешевле, качественнее»¹³⁴.

14—25 февраля 1956 г. состоялся XX съезд КПСС. В его решениях было подчеркнуто, что социализм перерос рамки отдельной страны и превратился в мировую систему¹³⁵, что в том числе указывало на стремление руководства СССР к формированию единого экономического пространства социалистических стран, которое бы открывало путь для дальнейшей их интеграции в рамках СЭВ. В соответствии с этим, директивы по второму пятилетнему плану (1956—1960 гг.), принятые на III конференции СЕПГ (24—30 марта 1956 г.) и предусматривавшие преимущественное развитие тяжелой промышленности, были скоординированы с долгосрочными

¹³³ Там же. Л. 60.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. — М., 1956. Т. 2. — С. 410.

народнохозяйственными планами СССР и других социалистических стран Восточной Европы¹³⁶.

Расчет руководства ГДР на взаимопроникновение плановых экономик стран-членов СЭВ способствовал поэтапному усилению Госплана ГДР. На основе предложений июльского Пленума ЦК СЕПГ 1957 г. Народная палата ГДР 11 февраля 1958 г. приняла Закон о совершенствовании и упрощении работы государственного аппарата, предусматривавший ликвидацию ряда промышленных министерств и передачу их функций Государственной плановой комиссии ГДР¹³⁷.

19 мая 1956 г. ЦК СЕПГ был вынужден обратиться к ЦК КПСС с просьбой об оказании помощи ГДР в обеспечении снабжения населения, а также в выполнении производственного плана 1956 г. Соответствующее постановление Совета министров СССР было принято 7 июня 1956 г. и предусматривало поставку в ГДР товаров на сумму 90 млн рублей¹³⁸. Кроме того, в целях изучения положения в ГДР туда был направлен первый заместитель председателя Совета министров СССР Максим Захарович Сабуров. Итогом работы стала докладная записка от 14 июня 1956 г., в которой он объясняет сложность экономической ситуации в ГДР не столько самим фактом раскола хозяйственной целостности Германии, сколько тем, что не была своевременно и в достаточной мере проведена перестройка производства с учетом возросшей зависимости от импорта из ФРГ. М. В. Сабуров указывал на то, что значительная часть промышленной продукции, особенно в машиностроении, до 1954 г. поставлялась в счет репараций, в результате чего «основные фонды своевременно не обновлялись,

¹³⁶ Третья конференция Социалистической единой партии Германии. — М., 1956. — С. 47, 50.

¹³⁷ История Германской Демократической Республики... С. 234—235.

¹³⁸ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 14. Д. 31. Л. 78—80.

передовые технологические процессы внедрялись недостаточно, и в настоящее время значительная часть выпускаемых машин и оборудования не отвечает современным требованиям»¹³⁹.

На основании докладной записки М. В. Сабурова ЦК КПСС принял ряд мер, призванных смягчить дефицит бюджета ГДР: в частности, были ликвидированы дотации на расходы совместного акционерного общества «Висмут», а также с 1 января 1967 г. вдвое уменьшались платежи на содержание советских войск, дислоцированных на территории Восточной Германии, — с 1 600 млн марок до 800 млн марок в год¹⁴⁰.

В ходе переговоров правительственных делегаций СССР и ГДР в Москве 16—17 июля 1956 г. была подтверждена договоренность о значительном увеличении в 1956 г. и на 30 % относительно 56 г. 1957 г. объема взаимных поставок сверх действующего торгового соглашения, предоставлении Советским Союзом в 1957 г. свободной валюты на сумму 340 млн рублей для закупки необходимых товаров на мировом рынке, а также предоставлении ГДР долгосрочного кредита на льготных условиях.

В преддверие V съезда СЕПГ 13 мая 1958 г. В. Ульбрихт обратился к Н. С. Хрущеву с развернутым письмом-обоснованием увеличения поставок из СССР не только сверх контингентов, предусмотренных торговым соглашением на 1958—1960 гг., но в 1961—1965 гг. с просьбой о предоставлении товарного и валютного кредита на 1958—1962 гг.¹⁴¹ В письме всяче-

¹³⁹ Президиум ЦК КПСС. 1954—1964 гг. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. — Т. 2: Постановления. 1954—1958 гг. / гл. ред. А. А. Фурсенко. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2015. — С. 312.

¹⁴⁰ Там же. С. 327—328.

¹⁴¹ Президиум ЦК КПСС. 1954—1964 гг. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. — Т. 2: Постановления. 1954—1958 гг. / гл. ред. А. А.

ски подчеркивалось то значение, которое, по мнению В. Ульбрихта, ГДР сыграла в становлении социалистического лагеря:

«Путем крупных поставок мы значительно способствовали устранению ущерба, понесенного СССР в результате войны, и промышленному подъему во всех социалистических странах. Статистика СЭВ показывает, что мы являемся крупнейшим экспортером продукции машиностроения в социалистическом лагере. ... Экономическое строительство в бывшей советской оккупационной зоне и ее вклад для всего социалистического лагеря смогли быть достигнуты в первые годы, фактически до 1953 г., только в условиях ограничения снабжения нашего населения до уровня минимальных жизненных потребностей»¹⁴².

«Мы считаем, — заключал В. Ульбрихт, — что особые политические и экономические задачи ГДР должны решаться с помощью СССР и, возможно, других социалистических стран»¹⁴³.

Посол СССР в ГДР Михаил Георгиевич Первухин в записке от 17 мая 1958 г., подготовленной им для ЦК КПСС в связи с письмом В. Ульбрихта, отмечая особое положение ГДР — как внешнеполитическое, так и внутриэкономическое, в то же время полагал, что «“немецкие друзья” склонны односторонне освещать мероприятия, необходимые для ускорения темпов развития экономики страны, сводя все к помощи, кото-

Фурсенко. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2015. — С. 802—803.

¹⁴² Там же. С. 794—795.

¹⁴³ Там же.

рую им необходимо оказать со стороны СССР и других стран социалистического лагеря»¹⁴⁴.

Как следовало из аналитических материалов Посольства СССР в Берлине, прилагаемых к данной записке, помимо зависимости от импорта, существенным препятствием в развитии экономики ГДР оставалась низкая производительность труда, рост которой сдерживался недостатками организации производственной кооперации между отдельными заводами и предприятиями, а также наличие изношенного и устаревшего оборудования, которое не позволяло производить на современном уровне качественные изделия для обеспечения эффективного экспорта¹⁴⁵. На основании этого делался ключевой вывод, что состояние восточногерманской экономики не может обеспечить выполнение ГДР собственными силами задачи повышения жизненного уровня населения Восточной Германии.

Программа V съезда СЕПГ (10—16 июля 1958 г.) теоретически обосновала возможность «полной и окончательной победы» социализма в ГДР в ближайшей перспективе, что в первую очередь предполагало развитие тех отраслей промышленности, потребности которых в сырье и материалах могли быть полностью обеспечены за счет отечественного производства и поставок из СССР¹⁴⁶. Предполагалось в течение нескольких лет развить народное хозяйство в такой степени, чтобы доказать всестороннее превосходство социалистического общественного строя над капиталистическим. В духе культивируемого Н. С. Хрущева лозунга «догнать и перегнать Америку» уровень потребления на душу населения ГДР, как отмечалось в решениях V съезда, по всем важнейшим видам продовольствия и потребительских товаров должен был превысить уровень потребления на душу

¹⁴⁴ Там же. С. 807.

¹⁴⁵ Там же. С. 813.

¹⁴⁶ История Германской Демократической Республики... С. 223.

населения в Западной Германии уже в 1961 г.¹⁴⁷, для чего съезд рекомендовал увеличить в рамках второй пятилетки экономические задания на 1959—1960 гг.

Экономика ГДР в 1950-е гг. пережила период бурного роста, сопровождавшегося ломкой традиционных связей, утверждением административного планирования, переориентацией внешнеэкономических связей на Восток. Важной отличительной чертой внутренней политики СЕПГ после июньских событий 1953 г. стало повышенное внимание к реализации социальных программ и повышению уровню жизни населения. В тоже время идейно-политической основой достижений народного хозяйства ГДР стал механизм конкуренции с ФРГ, отражавший особое положение страны в рамках восточного блока. Успехи «форпоста социализма на Западе» рассматривались как доказательство преимуществ социалистического строя¹⁴⁸. Необходимо при этом подчеркнуть, что противостояние ГДР и ФРГ весьма ограниченно распространялось на сферу их прямых торговых контактов, в которых оказывались заинтересованы оба немецких государства. В частности, на переговорах, предшествовавших заключению в 1957 г. Римских соглашений, было принято требование ФРГ не считать «советскую зону оккупации», иначе говоря — ГДР, иностранной державой, а значит и торговлю между ними, осуществляемую на основе соглашения от 20 сентября 1951 г., следовало рассматривать исключительно как внутригерманскую, не облагаемую таможенными сборами и пошлина-

¹⁴⁷ V съезд Социалистической Единой Партии Германии. М., 1959. С. 650.

¹⁴⁸ См., например: Кульбакин В. Д. ГДР — форпост мира и социализма в Европе // Германская история в новое и новейшее время. М., 1970. С. 499—535; Мюллер Г., Райсиг К. Бастион социализма. М., 1969; Форпост социализма на Западе. М., 1959.

ми ¹⁴⁹. Советское руководство с неодобрением отмечало рост ее значения для ГДР, справедливо полагая, что зависимость от поставок дефицитных западногерманских товаров может быть использована ФРГ с целью оказания политического давления на ГДР. Для решения этой проблемы Советский Союз прилагал значительные усилия для переориентации внешнеэкономических связей ГДР на Восток. Взаимовыгодный характер сотрудничества в СЭВ, развитие отношений с социалистическими государствами, в особенности с СССР, позволил к началу 1960-х гг. значительно стабилизировать сложившуюся на востоке Германии общественно-политическую систему, создавая тем самым предпосылки для укрепления позиций ГДР на международной арене.

Однако, по мере развития народного хозяйства ГДР и усложнения внутренних экономических взаимосвязей, существовавшая система планирования уже переставала обеспечивать высокий эффект хозяйственной деятельности, в ряде случаев вступая в противоречие с существующими возможностями экономики и тем самым сдерживая темпы роста. Жестко централизованное управление экономикой, характерное в послевоенный период реконструкции для всех стран Восточной Европы, вошедших в сферу влияния Советского Союза, к началу 1960-х гг. постепенно становилось самодовлеющим. Если для стран с преобладанием аграрного сектора задача построения многоотраслевой структуры экономики, опирающейся на широкое промышленное производство, была в 1950-е гг. в целом успешно решена, то для наиболее развитых в индустриальном отношении ГДР и Чехословакии «повторная индустриализация» грозила обернуться необратимыми диспропорциями в социально-экономическом разви-

¹⁴⁹ Грюнер В. Европейская интеграция и германский вопрос с 1945 г.: проблемы и перспективы // История европейской интеграции (1945—1994) / под ред. А. С. Намазовой и Б. Эмерсона. — М.: Институт всеобщей истории РАН, 1995. — С. 86, 90.

тии¹⁵⁰. В условиях набравшей обороты научно-технической революции построение «развитого социалистического общества» требовало поиска новых решений, способных обеспечить устойчивый рост производства.

Тенденция к разворачиванию экономических реформ, призванных интенсифицировать производство, была присуща всем восточноевропейским странам социалистического содружества в 1960-е гг., хотя и обнаруживала в каждом отдельном случае свою национальную специфику, нередко вызывая к жизни «особые» пути и подходы к решению актуальных задач государственного строительства. Предметом общественно-научных дискуссий, развернувшихся вскоре после смерти И. В. Сталина, стала принципиальная возможность совмещения гибкого плана и контролируемого рынка¹⁵¹. Предложения экономистов на практике сводились преимущественно к расширению прав хозяйственных субъектов, снижению числа обязательных показателей и внедрению отдельных регулируемых рыночных механизмов, которые бы могли искусственно формировать конкурентную среду, не выходящую при этом за рамки планирования.

В соответствии с этим Народная палата ГДР 30 сентября 1959 г. утвердила семилетний план развития народного хозяйства на 1959—

¹⁵⁰ Саморукова А. Н. Индустриализация // Центрально-Восточная Европа во второй половине XX в. Т. 1. Становление «реального социализма» (1945—1965). — М., 2000. — С. 143—145.

¹⁵¹ См., например: Brus W. Ogolne problemy funkcjonowania gospodarki socjalistycznej. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1961; Либерман Е. Г. Планирование промышленного производства и материальные стимулы его развития // Коммунист. 1956. № 10; Либерман Е. Г. Об экономических рычагах выполнения плана промышленностью СССР // Коммунист». 1959. № 1; Либерман Е. Г. План, прибыль и премия // Правда. 1962. 9 сентября.

1965 гг., уже предусматривавший в целях его успешного выполнения использование «новых форм и методов руководства».

§ 1.2. Фактор внутригерманской торговли

Восстановление на территории оккупированной Германии внутриэкономических связей было реализовано органами военных администраций в формате соглашений о межзональной торговле, регламентировавших порядок перемещения товаров между советской и западными оккупационными зонами начиная с 1 января 1946 г. и до 8 октября 1949 г., когда между ГДР и ФРГ во Франкфурте-на-Майне было заключено торговое соглашение, предусматривавшего товарообмен между западной и восточной частями Германии в размере 287,7 млн марок¹⁵².

Особое положение в складывающейся системе германо-германских экономических связей занимал Западный Берлин. В последующие за этим годы бюджет Западного Берлина был фактически включен в финансовую систему ФРГ путем принятия западногерманским правительством в 1950—1952 гг. так называемых «переходных законов», в результате чего значительно выросла и значимость сообщения города с Западной Германией: ввоз продукции с территории ГДР уступал ввозу ФРГ в 75 раз (!), а обратно — в 4 раза, при этом резко выросло и незаконное перемещение из ГДР в ФРГ через Западный Берлин сырья, особенно — редких цветных металлов, необходимых для восстановления экономики Восточной Германии¹⁵³.

¹⁵² Kruse M. Politik und deutsch-deutsche Wirtschaftsbeziehungen von 1945 bis 1989. — Berlin: Köster Verlag, 2005. — S. 20, 27.

¹⁵³ Беспалов В. А. Договор о внутригерманской торговле и западноберлинский транзит // Ретроспектива: всемирная история глазами молодых исследователей. 2008. № 3. С. 120—121.

31 марта 1951 г. истек срок действия Франкфуртского соглашения, и советские контрольные органы потребовали в целях пресечения контрабанды введения для экспортных товаров,двигающихся из Западного Берлина в ФРГ, так называемых «сертификатов о происхождении». Данный шаг преследовал также и вполне конкретные политические цели: вынуждая западногерманское правительство идти на переговоры с властями ГДР, осуществлявшими контроль за линиями транзитных коммуникаций, советское руководство подталкивало тем самым ФРГ к заключению транзитного соглашения, что означало бы фактическое признание восточногерманского государства. В свою очередь правительство ФРГ с самого начала подчеркивало, что речь идет только о внутригерманских отношениях и торговле, и настаивало на включении в них Западного Берлина. По итогам нескольких раундов переговоров и ряда взаимных ограничительных мер 20 сентября 1951 г. ГДР и ФРГ удалось достичь компромисса, заключив соглашение «О межзональной торговле», ежегодно пересматриваемое по номенклатуре экспортных и импортных товаров.

Западный Берлин по-прежнему рассматривался как самостоятельная экономическая единица, что всячески подчеркивалось в заявлениях официальных лиц, но теснейшее переплетение финансово-экономических систем ФРГ и Западного Берлина уже к середине 1950-х гг. стало свершившимся фактом¹⁵⁴.

Благодаря соглашению ГДР получила уникальную возможность извлекать из поставок в ФРГ дополнительную прибыль: продукция ГДР облагалась по законодательству ФРГ льготным налогом с прибыли, а скидка на налог с оборота составляла 11 %, что в свою очередь вело к удешевле-

¹⁵⁴ Долгилевич Р. В. В тени берлинской стены. Экономика Западного Берлина (1961—1965 гг.) — СПб.: Алетейя, 2013. — С. 10.

нию восточногерманских товаров и повышало их конкурентоспособность¹⁵⁵. В то же время укрепление традиционных внутригерманских связей привело к росту зависимости экономики ГДР от поставок из ФРГ, особенно — в части отдельных дефицитных видов сырья и материалов, необходимых для развития экономики Восточной Германии. Это позволило Бонну в дальнейшем использовать различного рода ограничения торговых связей с ГДР для оказания на нее политического давления.

В свою очередь поставки восточногерманских товаров, напротив, не играли существенной роли в покрытии внутренних потребностей экономики ФРГ. Ключевым фактором, определявшим заинтересованность западногерманских компаний в торговле с ГДР, оставался вопрос сбыта, диктовавший необходимость товарного обеспечения со стороны ГДР платежей за импортируемую из ФРГ продукцию.

Структурные изменения топливного баланса Западной Германии привели к кризису перепроизводства в угольной промышленности ФРГ: доля каменного угля сократилась с 72 % в 1950 г. до 65 % в 1959 г. и одновременно с 5 % до 16 % повысился удельный вес нефти. Советское руководство с учетом того, что почти 80 % всего экспорта ГДР в ФРГ приходилось на буроугольные брикеты, выражало серьезную обеспокоенность мерами, предпринятыми в 1958 г. правительством ФРГ по сдерживанию добычи угля и сокращению его импорта. В сообщении отдела международной торговли Госэкономсовета СССР от 27 января 1961 г. отмечалось, что «нет никаких оснований полагать, что намеченная на 1961 г. поставка бри-

¹⁵⁵ Кирилленко А. А. Политические аспекты экономических отношений между ФРГ и ГДР // Ретроспектива: всемирная история глазами молодых исследователей. 2011. № 6. С. 69.

кетов из ГДР в ФРГ в размере 4,1 млн тонн имеет значение для западно-германского потребителя»¹⁵⁶.

Без того сложную экономическую ситуацию усугубляли последствия политической конфронтации, вызванной событиями ноября 1958 г., когда Н. С. Хрущев в ультимативной форме потребовал от западных держав предоставить Западному Берлину статус вольного города¹⁵⁷. В ответ на последовавшее за этим усиление со стороны ГДР пропускного контроля на границе с Западным Берлином правительство ФРГ 30 сентября 1960 г. заявило о расторжении соглашения и стало задерживать поставки, рассчитывая парализовать работу восточногерманских предприятий, зависимых от поставок из ФРГ, и вынудить тем самым руководство ГДР пойти на политические уступки. И хотя данная акция не дала ожидаемого эффекта и 1 января 1961 г. соглашение о внутригерманской торговле было возобновлено, нараставший политический кризис вокруг проблемы Западного Берлина усиливал массовый отток трудоспособного населения из Восточной Германии на Запад. Если в 1959 г. ГДР покинули 144 тыс. человек, то в 1960 г. их количество составило уже 203 тыс., а только за 12 дней августа 1961 г. ГДР покинули 48 тыс. граждан¹⁵⁸.

В ночь с 12 на 13 августа 1961 г. с одобрения совещания государств-участников Варшавского договора, проходившего по инициативе В. Ульбрихта в Москве с 3—4 августа 1961 г., граница между Восточным и Западным Берлином была закрыта проволочными заграждениями, началось возведение бетонной стены, ставшей не только символом «холодной

¹⁵⁶ РГАЭ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 808. Л. 9—10.

¹⁵⁷ Филитов А. М. Германия в советском внешнеполитическом планировании. 1941—1990. — М: Наука., 2009. — С. 240.

¹⁵⁸ Бетмакаев А. М. В. Ульбрихт и экономическая политика в ГДР (1949—1971) // Власть, политика и идеология в истории Европы. Барнаул, 2005. С. 132—133.

войны», но и, по мнению ряда исследователей, решающим мероприятием для стабилизации экономического положения ГДР¹⁵⁹.

Одновременно с этим руководство ГДР, опасаясь новых попыток Бонна заблокировать внутригерманскую торговлю, принимает решение пересмотреть номенклатуру закупаемых в ФРГ товаров, чтобы иметь необходимый запас ресурсов на время проведения комплекса мер, направленных на снижение зависимости экономики ГДР от западногерманских поставок. В целях содействия в решении практических вопросов текущей хозяйственной деятельности постановлением Совета Министров СССР от 21 февраля 1961 г. № 158-66 было образовано Представительство Госплана СССР в Берлине при советском посольстве¹⁶⁰.

21 августа 1961 г. в Москву для ведения переговоров о возможности оказания экономической помощи ГДР на случай разрыва торговых отношений между ГДР и ФРГ прибыла правительственная делегация в составе Карла Мевиса, занимавшего должность председателя Госплана ГДР после отставки Б. Лейшнера в 1961 г., и Эриха Апеля, возглавлявшего в тот момент экономическую комиссию при Политбюро ЦК СЕПГ¹⁶¹.

Ярким примером экономической дипломатии того периода может служить письмо министра внешней и внутригерманской торговли ГДР Юлиуса Балькова министру экономики ФРГ Людвигу Эрхарду, в котором он утверждал, что торговля между ГДР и ФРГ по-прежнему остается крайне «выгодна и полезна для обоих партнеров и соответствует их обоюдным интересам», исходя из чего «обоим партнерам следовало бы [и впредь] использовать заключенные соглашения как средство развития и

¹⁵⁹ Frank M. Walter Ulbricht. Eine Deutsche Biographie. — Berlin, 2001. — S. 351.

¹⁶⁰ РГАЭ. Ф. 4372 сч. Оп. 81. Д. 377. Л. 51.

¹⁶¹ РГАЭ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 811. Л. 19—20.

расширения товарооборота»¹⁶². За этими словами, безусловно, крылось стремление руководства ГДР максимально увеличить закупки по списку № 2 (товары народного потребления) на время освоения производством ГДР товаров, импортируемых из ФРГ по списку № 1, к которым относилось, прежде всего, комплектующее оборудование, а также сырьевые товары.

Руководство Советского Союза со своей стороны также всячески рекомендовало «немецким друзьям» обратить самое серьезное внимание на возможности расширения в краткосрочной перспективе товарооборота с ФРГ, исходя из необходимости создания резерва на случай полного прекращения внутригерманской торговли, одновременно с этим полагая, что сложившейся на мировом рынке конъюнктура не позволит западногерманским поставщикам, как никогда заинтересованным в сбыте своих товаров, пойти на подобные меры¹⁶³. На это указывал и тот факт, что после закрытия 13 августа 1961 г. границы с Западным Берлином деловые круги ФРГ не решились дополнить политические требования, предъявляемые западногерманским правительством в отношении ГДР, какими-либо экономическими санкциями, опасаясь, со своей стороны, что закупаемые ГДР в ФРГ товары в случае острого кризиса могут быть компенсированы поставками из Советского Союза.

Результаты работы восточногерманской промышленности в 1962 г. и первом полугодии 1963 г. давали основание полагать, что уже в ближайшие 2—3 года экономике ГДР при сохранении соответствующей динамики удастся ликвидировать зависимость от западногерманских поставок за исключением отдельных видов оборудования. Положительные показатели

¹⁶² АВП РФ. Ф. 0742. Оп. 8. П. 60. Д. 19. Л. 5.

¹⁶³ АВП РФ. Ф. 0742. Оп. 8. П. 60. Д. 19. Л. 17.

были достигнуты в топливной, энергетической, металлургической и каменной отраслях, машиностроении и химии.

Однако приоритетное развитие тяжелой промышленности, сопровождавшееся строительством новых крупных предприятий, требовало больших капиталовложений, обеспечить которые руководство ГДР могло только сократив до минимума инвестиции в другие отрасли промышленности, в том числе перерабатывающие, на которые приходилась основная часть национального дохода.

Если национальный доход на протяжении 1950-х гг. в среднем составлял 21 млрд марок в пятилетку, то сумма капиталовложений выросла за тот же период почти в два раза — с 32 млрд марок в 1951—1955 гг. до 63 млрд марок в 1956—1960 гг.¹⁶⁴

Ставка на усиление плановых начал в экономике ГДР, развернутое во второй половине 1950-х гг. — начале 1960-х гг. в расчете на углубление международной специализации социалистических стран после XX съезда КПСС, провозгласившего перерастание социализма в мировую систему, не смогла в полной мере оправдать себя из-за слабого развития интегрирующих начал СЭВ. В результате в период с 1961 по 1963 гг. прирост национального дохода ГДР не смог превысить 2,9 % и составил всего лишь 10,7 млрд марок¹⁶⁵.

Достигнутый к 1963 г. уровень социально-экономического развития, поддерживаемый во многом за счет централизованных командно-плановых методов управления экономикой, оправданных для периода послевоенной реконструкции, исчерпал возможности для дальнейшего роста и диктовал необходимость внедрения новых форм управления экономикой.

¹⁶⁴ АВП РФ. Ф. 0742. Оп. 11. П. 78. Д. 34. Л. 154.

¹⁶⁵ Там же.

Другим следствием попыток западногерманского правительства использовать вопросы торговли для усиления экономической зависимости ГДР от ФРГ стало сближение ГДР с социалистическими странами, прежде всего Советским Союзом — при том, что «часть работников народного хозяйства ГДР», вероятно, пользовавшаяся поддержкой отдельных внутрипартийных групп СЕПГ, в целом довольно скептически относились к самой возможности налаживания сотрудничества по линии СЭВ, считая его невыгодным и бесперспективным¹⁶⁶. Однако ГДР фактически оказывалась лишена какой-либо альтернативы помощи Советского Союза и так или иначе была вынуждена переориентировать свои внешнеэкономические приоритеты в сторону стран Восточной Европы, входивших в СЭВ. Тот факт, к началу 1960-х гг. ГДР прочно занимала ведущее место среди торговых партнеров СССР¹⁶⁷, позволило ей в исторически короткие сроки осуществить процесс строительства собственной национальной экономики, оборотной стороной которого стало усиление зависимости от Советского Союза. Если принять во внимание, что на долю СССР в 1960 г. и так приходилось не менее 42 % всего восточногерманского товарооборота¹⁶⁸, нет ничего удивительного, к 1963 г. уже целые отрасли промышленности ГДР работали на советском сырье¹⁶⁹: за счет поставок из Советского Союза ГДР удовлетворяла свои потребности в нефти на 94 %, каменном угле — 48 %, коксе — 22 %, железной руде — 76 %, прокате черных металлов и чугуна — 31 %¹⁷⁰. Вместе с тем в вопросах экономического развития страны СЕПГ обладала известной свободой, хотя преобладание СССР в эконо-

¹⁶⁶ АВП РФ. Ф. 0742. Оп. 11. П. 78. Д. 34. Л. 166—167.

¹⁶⁷ Внешняя торговля СССР за 1960 г. Статистический обзор. М., 1961. С. 7.

¹⁶⁸ Внешнеэкономические связи социалистических стран. М., 1974. С. 92.

¹⁶⁹ Внешняя торговля стран народной демократии. М., 1961. С. 19.

¹⁷⁰ АВП РФ. Ф. 742. Оп. 9. П. 30. Д. 17. Л. 64.

мике ГДР позволяло советскому руководству за счет ограничения поставок если не направлять, то существенно сдерживать многие хозяйственные инициативы Восточного Берлина.

Так, в июне 1962 г. в беседе с чехословацкой делегацией Н. С. Хрущёв в довольно резкой форме отозвался о подобной экономической дипломатии В. Ульбрихта: «Товарищ Ульбрихт ставит вопрос так, как будто оказывает нам некую милость тем, что строит социализм. ... Он всегда приходит и требует от нас помощи. Но это навряд ли пойдет так дальше»¹⁷¹.

Нельзя также не упомянуть, что ситуация усугублялось тем обстоятельством, что правительство ФРГ, исходя из «доктрины Хальштейна», отказывалась признавать ГДР в качестве субъекта международного права и требовала также и от остальных государств непризнания ГДР как «искусственного образования», порожденного советской оккупационной политикой, нашедшей свое продолжение в «насильственно-принудительных методах, практикуемых СЕПГ»¹⁷². При этом правящие круги ФРГ всячески подчеркивали, что соглашение от 20 сентября 1951 г. регламентирует исключительно торговые отношения в пределах действия германской марки (марки ФРГ) и германской марки немецкого эмиссионного банка (марки ГДР) и не может рассматриваться не при каких условиях рассматриваться в качестве межгосударственного договора¹⁷³. В этой ситуации, даже несмотря на то, что ГДР занимала особое положение среди стран социали-

¹⁷¹ Запись беседы членов чехословацкой делегации с Н. С. Хрущевым, посвященная ситуации в ГДР, 8 июня 1962 г. Цит. по: Бетмакаев А. М. Вальтер Ульбрихт и экономическое соревнование между ГДР и ФРГ в 1960-е гг. // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 4-2 (76). С. 36—39.

¹⁷² См. например: Weber H. Von der SBZ zur DDR. Bd. 1, 1945—1955. Hannover, 1966.

¹⁷³ АВП РФ. Ф. 0742. Оп. 9. П. 66. Д. 19. Л. 10.

стического лагеря как «форпост социализма на Западе», руководство СЕПГ отчетливо понимало, что определяющим фактором сохранения ее монополии на власть остается позиция Советского Союза в решении германского вопроса. Неопределенность международного положения тем самым вынуждала руководство СЕПГ прилагать значительные усилия на создание таких условий, которые бы позволили Восточной Германии занять относительно самостоятельное место на политической карте Европы, разделенной «холодной войны», а это было невозможно без планомерного и последовательного укрепления экономики страны.

ЯБЛОКОВ

Глава 2.

Внешнеэкономическая политика ГДР в условиях «новой экономической системы»

§ 2.1. Первый этап реализации НЭС 1963—1965 гг.

Проведение реформ в экономике ГДР стало возможным благодаря усилению позиций в партии и государстве первого секретаря ЦК СЕПГ Вальтера Ульбрихта после разгрома им к началу 1958 г. внутривластной оппозиции. В феврале 1960 г. В. Ульбрихт возглавил Национальный совет обороны ГДР, а в сентябре 1960 г. занял пост председателя Государственного совета — коллегиального органа высшей власти, образованного после смерти президента ГДР Вильгельма Пика¹⁷⁴.

Безусловно, реформаторские начинания В. Ульбрихта были бы невозможны без поддержки советского руководства и лично Н. С. Хрущева, склонного к весьма радикальным экспериментам. Не случайно многие экономические мероприятия и лозунги, под которыми они проводились, зачастую совпадали с попыткой модернизации советской системы управления и планирования, предпринятой Н. С. Хрущевым в 1958—1962 гг.

О степени влияния В. Ульбрихта на принятие важнейших государственных решений говорят изменения, которые затронули в начале 1960-х гг. кадровую политику СЕПГ. В. Ульбрихт мог позволить себе выйти за рамки поддержки номенклатуры из центрального аппарата партии, выдвинув на руководящие посты молодых функционеров из числа «технократов»¹⁷⁵. В. Ульбрихт справедливо полагал, что «подчиненный администра-

¹⁷⁴ Бетмакаев А. М. Вальтер Ульбрихт в системе власти ГДР (1949—1973) // Война и мир в истории Европы. — Барнаул, 2007. — С. 128—129.

¹⁷⁵ Fulbrook M. Anatomy of a Dictatorship. Inside the GDR 1949—1989. — Oxford, 1995. — P. 36.

тор», пусть даже обладавший большим управленческим опытом, в условиях научно-технической революции оказывался совершенно не готов к решению качественно новых задач в экономике¹⁷⁶. Так, ключевыми фигурами в реализации нового экономического курса стали секретарь ЦК СЕПГ по вопросам экономики Гюнтер Миттаг и Эрих Апель, сменивший в январе 1963 г. во главе Госплана ГДР Карла Мевиса.

В ходе беседы, состоявшейся 28 января 1963 г. в Берлине между руководящими работниками Госплана ГДР и СССР, советник Посольства СССР в Берлине Петр Федосеевич Остапчук посетовал, что

«тов. Ульбрихт лично выдвинул вопрос о проведении работы по специализации и кооперации промышленности ГДР с Советским Союзом на двусторонней основе. Эта точка была поддержана в СССР и были приняты соответствующие решения правительств СССР и ГДР. ... но год прошел, а выполнено было очень мало. В свое время тов. Мевис обратился с просьбой о переносе сроков проведения специализации. Правительства ГДР и СССР удовлетворили эту просьбу и перенесли этот срок на июнь 1963 г., но если эта работа не будет закончена и к этому сроку, то мы все будем выглядеть нехорошо»¹⁷⁷.

В свою очередь заместитель председателя Госплана ГДР Х. Гроссе с сожалением отметил, что «в ГДР имеются товарищи, которые отрицательно смотрят на проведение специализации и не понимают ее смысла»¹⁷⁸. При этом, по мнению Э. Апеля, подобное отношение со стороны отдельных государственных служащих и административно-хозяйственных ра-

¹⁷⁶ Kaiser M. Machtwechsel von Ulbricht zu Honecker: Funktionsmechanismen der SED-Diktatur in Konfliktsituationen 1962 bis 1972. — Berlin, 1997. — S. 40.

¹⁷⁷ РГАЭ. Ф. 4372 сч. Оп. 81 с. Д. 406. Л. 473.

¹⁷⁸ Там же. Л. 476.

ботников можно объяснить не столько принципиальным противодействием генеральной линии СЕПГ, сколько низким уровнем их квалификации:

«В Госплане ГДР товарищи много работают, но качество работы оставляет желать много лучшего. ... У многих работников Совнархоза ГДР имеются еще местнические тенденции. Не хватает мужества перейти на новое. Эта тенденция — держаться за старое иногда доходит до директоров заводов. Выпускается устаревшая продукция. Задерживается внедрение новой техники и технологий. Это в ГДР еще большие вопросы. Все товарищи понимают вопросы дружбы, понимают правильно политические задачи. А вот как дело доходит до конкретного исполнения этих решений, тут очень часто проявляется консерватизм и ведомственность»¹⁷⁹.

В этой связи Э. Апель, обратившись к П. Ф. Остапчуку с просьбой «договориться в Москве о том ... чтобы приехали советские товарищи в ГДР и начали здесь работать»¹⁸⁰, выразил общую заинтересованность руководства ГДР в привлечении опытных советских специалистов к работе по координации деятельности плановых органов двух стран.

На протяжении 1963 г. были проведены совместные консультации по вопросам основных направлений развития народного хозяйства ГДР и экономического сотрудничества СССР и ГДР: с 21 мая по 1 июня 1963 г. в Берлине (от СССР делегацию возглавлял первый заместитель председателя Госплана СССР Николай Александрович Тихонов), а также с 15 июля по 19 июля 1963 г. в Москве (от СССР — председатель Госплана СССР, заме-

¹⁷⁹ Там же. Л. 475.

¹⁸⁰ Там же. Л. 476.

ститель председателя Совета Министров СССР Петр Фадеевич Ломако). Делегацию ГДР на обоих совещаниях возглавлял Э. Апель¹⁸¹.

Здесь также следует отметить, что в отличие от СССР, территориальный принцип управления экономикой в ГДР был реализован в гораздо более ограниченной форме — Высший совет народного хозяйства ГДР (Совнархоз ГДР, нем. *Volkswirtschaftsrat*), созданный в июле 1961 г., по факту дублировал функции Госплана ГДР, а его сотрудники в основном занимали смежные по профилю должности. Как следует из письма начальника отдела экономики социалистических стран А. М. Алексеева председателю Госэкономсовета СССР Александру Федоровичу Засядько от 27 июля 1961 г., формально функции между ними были распределены следующим образом: Госплан ГДР отвечал за перспективное планирование и подготовку контрольных цифры годовых планов, а ВСНХ ГДР на их основании должен был осуществлять текущее руководство народным хозяйством, в том числе на местах через систему окружных советов, готовых при необходимости вносить своевременные коррективы в деятельность отдельных предприятий¹⁸². Председателем Совета народного хозяйства ГДР был назначен бывший председатель Берлинского городского комитета СЕПГ Альфред Нойман.

VI съезд СЕПГ, состоявшийся 15—21 января 1963 г., принял программу партии, в которой в качестве главной и определяющей ставилась задача «развернутого строительства социализма» в ГДР и особо подчеркивалась первостепенная важность решения вопросов экономического развития страны¹⁸³. Съезд также обозначил целый ряд внешнеполитических

¹⁸¹ РГАЭ. Ф. 4372 сч. Оп. 81 с. Д. 406. Л. 224—225.

¹⁸² РГАЭ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 811. Л. 17.

¹⁸³ Ульбрихт В. Программа социализма и историческая задача СЕПГ. — М., 1963. — С. 284—286.

установок, органично дополнявших принятую экономической программу в ее политической составляющей. Так, в качестве решающего фактора обеспечения безопасности в Европе рассматривалось уважение суверенитета ГДР и неприкосновенность ее государственных границ, чему в значительной мере должно было содействовать укрепление экономического единства стран социалистического содружества¹⁸⁴. В своем выступлении на проходившем в Москве 24—26 июля 1963 г. совещании первых секретарей центральных комитетов коммунистических и рабочих партий, а также глав правительств стран-членов СЭВ, В. Ульбрихт особо подчеркнул, что «...борьба за сохранение мира ... невозможна без экономического укрепления ГДР»¹⁸⁵ и «именно поэтому решения съезда об экономической системе планирования и руководства народным хозяйством имеют такое большое значение, именно поэтому мы так сильно заинтересованы в установлении еще более тесного сотрудничества внутри СЭВ»¹⁸⁶.

Так в ГДР был запущен механизм НЭС — «новой экономической системы планирования и руководства народным хозяйством» (нем. *Neue Ökonomische System der Planung und Leitung, NÖSPL*), подготовленный в предыдущие годы рабочей группой при Политбюро Центрального комитета СЕПГ и апробированный начиная с ноября 1962 г. на ряде предприятий, входивших в четыре объединения — «Канцелярские машины», «Горное оборудование и подъемные машины», «Трикотаж и чулки», а также «Нагема» (производство оборудования для пищевой промышленности)¹⁸⁷. В основу преобразований был положен принцип совмещения гибкого пла-

¹⁸⁴ История Германской Демократической Республики (1949—1979) / под ред. В. Д. Кульбакина. — М., 1979. — С. 313—314.

¹⁸⁵ РГАНИ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 24. Л. 306.

¹⁸⁶ Там же. Л. 296.

¹⁸⁷ АВП РФ. Ф. 742. Оп. 9. П. 32. Д. 34. Л. 2.

на и контролируемого рынка, позволявший не выходя за допустимые идеологические рамки развязать инициативу государственных предприятий путем усиления их материальной заинтересованности. Соответствующие директивы Совет Министров ГДР утвердил 15 июля 1963 г. Государственный совет ГДР.

Реформа предусматривала изменение порядка планирования и перевод с января 1964 г. объединений народных предприятий (ОНП, нем. *Vereinigung Volkseigener Betriebe, VVB*) на хозрасчет. Вместо всеобъемлющих планов с подробными показателями, доводившихся до каждого отдельного предприятия, Госплан и Совнархоз ГДР устанавливали ОНП лишь общие контрольные цифры, что давало коллективам входивших в них предприятий возможность самим определять в этих рамках ассортимент и размеры выпуска продукции, а также согласовывать снабжение и сбыт на договорных началах¹⁸⁸. Центральное место в оценке успешности выполнения плана теперь отводилось полученной ОНП прибыли: в частности, в зависимости от ее размера было поставлено образование премиального фонда на предприятиях. Были внесены изменения и в инвестиционную деятельность: если прежде капиталовложения в основном планировались централизованно и покрывались из государственного бюджета, то отныне предприятия могли сами за счет отчислений от прибыли приобретать оборудование, осуществлять рационализацию и прочие меры по увеличению объема выпускаемой продукции и улучшению ее качества¹⁸⁹. Однако в том случае, если прибыль, предусмотренная планом для отчисления в государственный бюджет, не выполнялась, то ОНП было обязано дово-

¹⁸⁸ Ульбрихт В. Программа социализма и историческая задача СЕПГ. — М., 1963. — С. 92—94.

¹⁸⁹ История Германской Демократической Республики (1949—1979) / под ред. В. Д. Кульбакина. — М., 1979. — С. 277.

дить финансовые показатели либо за счет собственных оборотных средств, либо за счет привлеченных с этой целью кредитов¹⁹⁰.

Таким образом, если учесть, что по состоянию на 1963 г. 82 объединения народных предприятий, сформированных по отраслевому принципу, охватывали до 68,6 % всей восточногерманской промышленности¹⁹¹, их роль в экономике ГДР существенно возрастала: из промежуточного звена между отдельными предприятиями и отраслевыми отделами Совнархоза ГДР объединения народных предприятий превращались в самостоятельные хозяйственные единицы, осуществлявшие непосредственное руководство подчиненными им предприятиями, обеспечивая рентабельность соответствующих отраслей промышленного производства.

Предполагалось, что передача Госпланом ГДР функции балансирования материалов и готовых изделий в ведение объединений народных предприятий, которые в условиях «новой экономической системы» становились заинтересованы в выполнении работы «не на склад, а на потребителя», позволит решить проблему сбыта готовой продукции как внутри страны, так и на экспорт, принявшей на тот момент крайне острый характер. На 1 октября 1963 г. сверхнормативные остатки материалов, готовой продукции и полуфабрикатов составили сумму в 1 123,9 млн марок, в том числе готовой продукции на 318,7 млн марок, включавшей товары на экспорт на 210 млн марок. Такое положение объяснялось в первую очередь отсут-

¹⁹⁰ АВП РФ. Ф. 742. Оп. 9. П. 32. Д. 34. Л. 11.

¹⁹¹ Там же. Л. 3. Помимо объединений народных предприятий в подчинении Совета народного хозяйства ГДР на тот момент находились кооперативные предприятия (3,6 %) и предприятия местного (окружного) подчинения (16,8 %), что вместе с ОНП составляло до 89 % всей промышленности ГДР. Оставшееся производство охватывали предприятия смешанного типа (8,5 %) и частные предприятия (2,5 %).

ствием должного взаимодействия между органами сбыта и торговыми организациями¹⁹².

В ходе осуществления «новой экономической системы» большое внимание было уделено реформе цен, проведение которой должно было стать «исходным пунктом для [начала] новой фазы политики в области ценообразования в промышленности»¹⁹³. Необходимость этой меры вызывалась тем, что цены на многие виды промышленной продукции (в том числе уголь, электроэнергия, газ, калий) оказывались значительно ниже их фактической стоимости из-за дотаций, которые государство предоставляло отдельным отраслям промышленности для покрытия плановых убытков, в результате чего к 1964 г. существующая система цен, не отражавшая фактические производственные затраты, стала тормозом на пути внедрения принципов хозрасчета. Реформа проводилась соответственно заявленным целям в три этапа, начиная с 1 апреля 1964 г. по 1967 г. и предполагала: во-первых, сокращение, в отдельных отраслях — полную ликвидацию государственных дотаций; во-вторых, включение затрат на научно-исследовательские и проектно-конструкторские работы в себестоимость текущего производства (что создавало бы предпосылки для образования на предприятиях фонда по финансированию данных видов работ); в-третьих, внедрение новых критериев оценки эффективности капитальных вложений и новых методов расчета прибыли, которые бы основывались не на себестоимости произведенной продукции, а исходили из совокупного результата работы предприятия. Согласно материалам советской части Межправительственной комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству между СССР и ГДР в Берлине, восточногерманские экономисты рассчитывали, что изменение политики ценообразования много-

¹⁹² Там же. Л. 15.

¹⁹³ АВП РФ. Ф. 0742. Оп. 11. П. 78. Д. 34. Л. 148.

кратно увеличит заинтересованность предприятий в повышении производительности труда и снижении себестоимости, побудит экономнее расходовать сырье и вспомогательные материалы, стимулирует выпуск продукции более высокого качества и, тем самым, способствовало научно-техническому прогрессу и создавало дополнительные возможности для расширения внешней торговли¹⁹⁴

Отмена дотаций привела к росту отпускных цен. По оценкам Представительства Госплана СССР в Берлине, с 1 апреля 1964 г. в среднем на 70—75 % повысилась цена на уголь, электроэнергию, газ, калийные соли, изделия черной и цветной металлургии; с 1 июля 1964 г. на 9 % подорожала продукция химической промышленности. По сравнению с уровнем конца 1963 г. себестоимость продукции произведенной в течение 11 месяцев 1964 г. в химической промышленности выросла на 10,9 %, черной металлургии — 61,6 %, энергетике — 40,7 %, угольной промышленности — 25,8 %, цветной металлургии и калийных предприятиях — 44,7 %¹⁹⁵.

При этом главная особенность реформы цен заключалась в том, что она не должна была повлиять на уровень розничных цен на товары для населения, в результате чего уже к концу 1964 г. для поддержания их стабильного уровня государство было вынуждено вернуться к системе дотаций — прежде всего в тяжелой индустрии и топливно-сырьевой промышленности¹⁹⁶.

Пересмотру отпускных цен в промышленности предшествовала работа по переоценке основных фондов, имевшая своей целью приведение в соответствие нормы амортизационных отчислений фактическому износу

¹⁹⁴ Там же. Л. 147.

¹⁹⁵ РГАЭ. Ф. 4372 сч. Оп. 81 с. Д. 873. Л. 9.

¹⁹⁶ АВП РФ. Ф. 0742. Оп. 11. П. 78. Д. 34. Л. 132—133.

оборудования в целях упорядочения капитальных вложений и внедрения новой техники. В результате этой работы стоимость основных фондов на предприятиях Совнархоза ГДР повысилась с 55,7 млрд марок до 84,6 млрд марок, или на 52 %; ежегодный объем амортизационных отчислений поднялся с 2,3 млрд марок до 4,4 млрд марок¹⁹⁷.

Нельзя также не упомянуть о трудностях, возникших в 1963 г. во внешней и особенно — внутригерманской торговле. Если в практической работе по выполнению западногерманскими фирмами контрактных обязательств в 1962 г. каких-либо осложнений не имелось, что подтверждало точку зрения советского руководства о заинтересованности в сбыте своей продукции в ГДР на фоне спада конъюнктуры на мировом рынке. Этим, очевидно, можно объяснить и предложения деловых кругов ФРГ о предоставлении ГДР значительного долгосрочного кредита, в том числе для закупки 30 млн тонн угля и комплектного оборудования на 500 млн марок, которое, как следует из материалов референтуры МИД СССР по ГДР, под давлением Бонна было снято с повестки обсуждения соглашения на 1963 г.¹⁹⁸ По мнению советского руководства, западногерманское правительство тем самым продемонстрировало, что не готово пойти на слишком активное развитие с их стороны экономических связей с ГДР, опасаясь усиления режима СЕПГ¹⁹⁹. Взамен ФРГ выдвинуло предложение об увеличении размера технического беспроцентного кредита (свинга) с 200 млн марок до 600—800 млн. Руководство ГДР, неверно истолковав данный жест как попытку ограничить кредитными обязательствами объемы поставок, настояло на включении в соглашение статьи о ежегодном выравнива-

¹⁹⁷ РГАЭ. Ф. 4372 сч. Оп. 81 с. Д. 873. Л. 10.

¹⁹⁸ АВП РФ. Ф. 0742. Оп. 8. П. 60. Д. 19. Л. 40.

¹⁹⁹ АВП РФ. Ф. 0742. Оп. 11. П. 78 Д. 34. Л. 164.

нии начиная с 1963 г. взаимных расчетов и сбалансировании взаимных поставок на 1 июля каждого года с покрытием задолженности в валюте.

Применение этой статьи фактически лишило внешнеторговые организации ГДР возможности выполнить в 1963 г. в полном объеме заказы на оборудование и материалы с длительным циклом изготовления. Только благодаря своевременно оказанной Советским Союзом помощи по досрочной поставке нефтепродуктов и других материалов ГДР удалось на 30 июня 1963 г. выйти по взаимным поставкам с ФРГ со сбалансированным сальдо^{200 201}.

Ярким примером экономической дипломатии ГДР могут служить переговоры с ФРГ конца 1963 — начала 1964 гг. относительно взаимных поставок товаров на 1964 г. Отмена ФРГ с 1 января 1964 г. таможенных пошлин на нефтепродукты привела к резкому падению закупочных цен на дизельное топливо (с 268 до 85 марок за тонну) и бензин (с 259 до 63 марок за тонну), поставляемые в Западную Германию из ГДР²⁰². Во время переговоров представители МВВТ ГДР заявили о готовности пересмотреть цены на все товары и установить их на базе мировых, то есть фактически перейти на обычную международную торговлю, что было для ФРГ равносильно признанию ГДР суверенным государством²⁰³. В результате переговоров была достигнута компромисс, согласно которому ФРГ обязывалось предоставить ГДР компенсацию в размере 75 млн марок (то есть из расчета 129 марок за тонну), исходя из которой общий объем поставок нефтепродуктов был снижен МВВТ ГДР до 582 тыс. тонн вместо намечавшихся по плану 595 тыс. тонн. Но даже при таком раскладе потери внешней тор-

²⁰⁰ АВП РФ. Ф. 0742. Оп. 9. П. 66. Д. 19. Л. 11.

²⁰¹ . РГАЭ. Ф. 4372 сч. Оп. 81 с. Д. 406. Л. 52—53.

²⁰² Там же. Л. 163.

²⁰³ АВП РФ. Ф. 0742. Оп. 9. П. 66. Д. 19. Л. 11.

говли ГДР все равно составили бы не менее 40 млн марок в год, в результате чего было принято решение сократить на указанную сумму закупку в ФРГ металлопроката. Примечательно, что специалисты Госплана СССР встретили данный шаг руководства ГДР негативно, полагая, что сокращение закупок металлопроката в ФРГ может отразиться на выполнении восточногерманской промышленностью заказов Советского Союза²⁰⁴. Примечательно, что еще до принятия правительством ФРГ окончательного решения об отмене таможенных пошлин заместитель председателя Госплана ГДР Майзер 19 августа 1963 г. в беседе с постоянным представителем Госплана СССР в Берлине А. М. Прокофьевым предусмотрительно сообщил, что принятие подобного закона «невольнo вынудит ГДР вновь обратиться за помощью к СССР в части увеличения поставок по таким важнейшим видам ассортимента, как динамная сталь, лист для глубокой вытяжки, трансформаторный лист, нержавеющей сталь, трубы и рельсы»²⁰⁵.

Кроме того, по итогам переговоров правительство ФРГ согласилось исключить из соглашения применение статьи по расчетам на 30 июня 1964 г., в связи с чем МВВТ ГДР был незамедлительно поднят вопрос об увеличении совокупного импорта из ФРГ уже в первой половине 1964 г.²⁰⁶

Если же говорить о ходе выполнения внешнеторгового плана ГДР в целом, то, как следовало из материалов Госплана ГДР, в 1963 г. наблюдалось одновременное сокращение восточногерманского экспорта в капиталистические страны и импорта в ГДР из социалистических стран.

На основании сопроводительного комментария представителя Госплана СССР в ГДР А. М. Прокофьева можно сделать вывод, что постоян-

²⁰⁴ РГАЭ. Ф. 4372 сч. Оп. 81 с. Д. 406. Л. 167.

²⁰⁵ Там же. Л. 484.

²⁰⁶ Там же. Л. 163.

ные изменения объема и ассортимента товаров, запланированных социалистическими странами к импорту в ГДР, привели к тому, что договоры на их поставку были заключены лишь в марте 1963 г. Прогнозируемые в связи с этим трудности по обеспечению предприятий ряда отраслей народного хозяйства сырьем и продукцией в количестве, достаточном для их функционирования, потребовали от ГДР внести значительные коррективы в номенклатуру импортируемых из ФРГ товаров, расходы на закупку которых покрывались за счет продукции, предусмотренной к экспорту в капиталистические страны²⁰⁷.

*Выполнение внешнеторгового плана 1963 г.*²⁰⁸

	План, в млн вал. герм. марок	Фактическое выполнение, в млн вал. герм. марок	в %% к плану	1963 г. к 1962, в %%
Экспорт всего:	10496	10705	102,0	115,0
Соцстраны	8090	8412	104,0	116,5
Капстраны	1496	1364	91,2	110,5
ФРГ (включая Западный Берлин)	910	930	102,1	109,2
Импорт всего:	9787	9605	98,1	96,4
Соцстраны	7704	7539	97,9	95,1
Капстраны	1280	1305	102,0	104,9
ФРГ (включая Западный Берлин)	803	762	94,8	95,2

²⁰⁷ Там же. Л. 55.

²⁰⁸ Там же. Л. 52—53. Данные аналитические материалы Госплана ГДР были направлены 4 апреля 1964 г. представителем Госплана СССР в ГДР А. М. Прокофьевым в Отдел координации народнохозяйственных планов СССР и социалистических стран Госплана СССР.

Следовательно, выполнение и даже перевыполнение по итогам года плановых показателей говорило не столько об эффективности внешней торговли ГДР, сколько о формальном характере работы плановых органов по сведению внешнеторгового баланса, скрывавшем за указанными цифрами диспропорции между потребностями производства и его укомплектованностью сырьем и продукцией. Тем самым реализация «новой экономической системы», предусматривавшей активное участие промышленности ГДР во внешней торговле, с новой силой выявила серьезные недостатки в работе по специализации и кооперированию производства между социалистическими странами, которые сводили на нет усилия плановых органов по координации народнохозяйственных планов, лежавшей в основе экономической интеграции социалистических стран.

Подобная ситуация, в свою очередь, подталкивала к расширению в социалистических странах параллельного производства²⁰⁹. В частности, в материалах Госплана СССР неоднократно отмечалось, что расширение ГДР производства продукции машиностроения подрывает советский экспорт машин и оборудования в ГДР²¹⁰. В уже упоминавшийся ранее беседе от 28 января 1963 г. Э. Апель также обращал внимание на несогласованность социалистических стран:

«тов. Живков говорил мне, что в Болгарии намечают развивать машиностроение, а какое машиностроение конкретно — неизвестно. Болгарские товарищи хотят получить от ГДР техническую документацию, чтобы организовать у себя изготовление электроприборов. ГДР

²⁰⁹ Там же. Л. 107.

²¹⁰ Там же. Л. 165.

отстает в технике от мирового уровня в производстве электроприборов. Какой же смысл в Болгарии осваивать устаревшие приборы? ...

ГДР строит турбины мощностью 100 тыс. кВт. Советские специалисты считают эту турбину технически хорошей и рекомендуют конструкцию ее довести до конца. Чехи же тоже строят такие же турбины у себя и уже изготовили три турбины. Венгры начали освоение турбин; что-то делают поляки. В СССР делаются турбины мощностью 300 тыс. кВт. Тов. Хрущев сказал, что в Советском Союзе будут штрафовать за то, что если на разных заводах будут делать одинаковое оборудование. Это совершенно правильно. Тоже самое следовало бы сделать и во взаимоотношениях между нашими социалистическими странами. Советский Союз изготавливает тепловоз с дизель-электрическим приводом. Но чехи тоже делают тепловозы и мы кое-что делаем в этом направлении. Следовало бы взять конструкцию СССР, как наиболее лучшую, и менять только лишь раму, а не тратить средства во всех странах на разработку новых конструкций. При нашей такой несогласованности в работе осложняется дело и со сбытом готовой продукции»²¹¹.

Таким образом, Э. Апель прямо указывал на взаимосвязь между низкой эффективностью внешней торговли и слабой координацией производства между социалистическими странами: «поставки по внешней торговле должны быть увязаны с проводимой работой по специализации и кооперацией, и четко предусмотрены в планах экспортных и импортных поставок. Если внешнеторговые организации и дальше так будут работать, то экономического эффекта вряд ли мы получим»²¹². С учетом того, что результаты

²¹¹ Там же. Л. 470.

²¹² Там же. Л. 479.

внешней торговли ГДР в контексте «новой экономической системы» должны были стать одним из ключевых факторов укрепления экономики Восточной Германии, как следствие, снижения ее зависимости от импорта из ФРГ, дальнейшее развитие социалистической интеграции приобретало для ГДР исключительно важное значение. Кроме того, в условиях технологического отставания ГДР от ведущих капиталистических стран, преодолеть которое самостоятельно было невозможно, происходило и закономерное снижение конкурентоспособности восточногерманского экспорта.

*Сроки на поставку продукции*²¹³

	Сроки на поставку ГДР	Сроки на поставку конкурирующих фирм
Ковшовые индукционные плавильные печи	27 месяцев	5—6 месяцев
Высоковольтные коммутационные приборы	12—20 месяцев	4—12 месяцев
Электродвигатели	8—12 месяцев	4 месяца

В частности, сроки изготовления и поставки промышленной продукции оказывались слишком продолжительны, а попытки сократить их за счет искусственного уменьшения длительности производственного цикла приводили к падению качества продукции. В результате, целый ряд покупателей в 1963 г. расторг свои торговые связи с ГДР: Индия отказалась от поставок гальванических установок, фирма «Сориё», поставлявшая полиграфические машины ГДР на рынок Франции, потеряла 4 из 5 своих постоянных партнеров.

²¹³ Там же. Л. 59.

В связи с трудностями сбыта возросли и складские запасы товаров у внешнеторговых организаций: по состоянию на 30 ноября 1963 г. они составляли 387 млн марок, из которых сверхплановые запасы — 263 млн марок, при чем более половины указанных запасов по стоимости приходилось на продукцию машиностроения: «ВМВ-Экспорт» (72 млн марок — токарные станки, прессы), «Машиненэкспорт» (57 млн марок — экскаваторы, бульдозеры), «Хаймэлектрик» (33,4 млн марок — радиоприемники, магнитофоны), «Файнмеханик унд Оптик» (26, 9 млн марок)²¹⁴.

По оценкам Госплана СССР состояние внешней торговли ГДР не соответствовали ожиданиям руководства ГДР:

«Ряд изделий уступает по своему качеству аналогичным изделиям капиталистических стран и при их реализации требуется предоставление скидки с цены. Продажи по экспорту слабо координируются с закупками по импорту. Внешнеторговые организации ГДР предлагают длительные сроки поставки изделий ГДР, особенно запчастей. Медленно рассматриваются рекламации иностранных покупателей. Слабо развита торгово-представительская сеть ГДР за границей»²¹⁵.

Однако несмотря на то, что экономика ГДР, столкнувшись с отмеченными трудностями, потребовала гораздо больших, чем ожидалось, инвестиций со стороны СССР, хозяйственные инициативы В. Ульбрихта пользовались в этот период значительной поддержкой Москвы, в том числе и по внешнеполитическим соображениям. 12 июня 1964 г. между СССР и ГДР был подписан Договор о дружбе, взаимной помощи и сотрудниче-

²¹⁴ Там же. Л. 111.

²¹⁵ Там же. Л. 110.

стве²¹⁶, ставший, по выражению Р. В. Долгилевича, «эрзац-решением» статуса Западного Берлина, который предстает в тексте договора в качестве «самостоятельной политической единицы»²¹⁷. Как отмечалось в докладной записке заведующего ЗЕО МИД СССР Леонида Федорович Ильичева министру иностранных дел СССР А. А. Громыко от 20 июня 1964 г., заключение договора, «несмотря на попытки Запада преуменьшить его значение», значительно укрепило международные позиции ГДР²¹⁸ и более того, если судить по реакции западной прессы, было в целом благожелательно встречено даже американскими официальными лицами:

«они считают, что договор ничего не меняет ни в фактическом, ни в юридическом смысле. Их успокаивает недвусмысленное подтверждение соглашений между Востоком и Западом о Германии и западных прав в отношении Западного Берлина. Фактически они рассматривают его как конец советским угрозам изменить ситуацию в Берлине при помощи односторонних дипломатических или военных действий»²¹⁹.

Договор 1964 г., проложивший тем самым путь к разрядке международной напряженности в Европе, определял особое положение ГДР среди стран социалистического лагеря как «важный фактор обеспечения безопасности в Европе и предотвращения угрозы войны»²²⁰, что не могло не отразиться на внешнеполитической линии СЕПГ. Заявление министра ино-

²¹⁶ СССР—ГДР. 30 лет отношений (1949—1979). Документы и материалы. — М.: Издательство политической литературы (Политиздат), 1981. — С. 120—123.

²¹⁷ Там же. С. 122.

²¹⁸ АВП РФ. Ф. 742. Оп. 09. П. 30. Д. 80.

²¹⁹ Там же. Л. 77.

²²⁰ СССР—ГДР. 30 лет отношений (1949—1979). Документы и материалы. — М.: Издательство политической литературы (Политиздат), 1981. — С. 120.

странных дел ГДР Отто Винцера о том, что он «не нуждается» в согласии Советского Союза на ведение переговоров по вопросам взаимоотношений между немцами, безусловно, делалось по согласованию с Москвой и было направлено на дальнейшее укрепление авторитета ГДР на международной арене. В то же время подчеркивание Восточной Германии своей самостоятельности далеко не всегда носило исключительно пропагандистский характер. По сообщениям посольства СССР в ГДР,

«“немецкие друзья” стали весьма ревностно относиться к мероприятиям других социалистических стран, которые могли бы затронуть позицию ГДР в отношениях с ФРГ и Западным Берлином. ... Отмечается стремление, чтобы другие социалистические страны больше прислушивались к их рекомендациям в вопросах собственных отношений с ФРГ и Западным Берлином, чтобы усилия ФРГ по нормализации отношений со странами Восточной Европы рассматривались ими через интересы социалистической ГДР, в результате чего возрастал бы ее вес и во внутригерманских делах»²²¹.

Стремление руководства ГДР к достижению паритета с Советским Союзом распространялось и на сферу внешнеэкономического сотрудничества, что не могло не вызвать раздражения в Москве.

В то же время советское руководство в целом не ставило под сомнение целесообразность проведения экономических преобразований, полагая, что трудности развития Восточной Германии носят вполне объективный характер. Однако, если Н. С. Хрущев, склонный к весьма радикальным экспериментам, мог позволить В. Ульбрихту выйти за допустимые пределы централизации управления экономики, то после его смещения с поста первого секретаря ЦК КПСС в октябре 1964 г. консервативно

²²¹ АВП РФ. Ф. 0742. Оп. 9. П. 66. Д. 19. Л. 52—53.

настроенная часть советского руководства постаралась постепенно ограничить проведение реформ, опасаясь, что инициативы приведут к потере управляемости системы. Определенная же обеспокоенность относительно перспектив дальнейшей реализации «новой экономической системы» в большей степени была вызвана сомнениями в способности плановых органов ГДР действовать в практическом отношении соразмерно тем трудностям, которые казалось бы прогнозируемо возникали в ходе проведения реформы. В частности, ГДР была вынуждена прибегнуть к западным поставщикам для закупки зерна, мяса, сливочного масла, проката черных металлов, шерсти, которые оказались не предусмотрены заключенными на 1964 г. торговыми соглашениями с социалистическими странами²²².

В октябре 1964 г. в Москве состоялись переговоры между делегациями плановых органов СССР и ГДР, по итогам которых 26 октября 1964 г. был подписан Протокол о координации планов развития народного хозяйства на период до 1970 г., предполагавший увеличение объемов взаимных поставок товаров по сравнению с предыдущей пятилеткой почти вдвое²²³. В ходе переговоров Э. Апель также поднял вопрос о возможности увеличения уже в 1965 г. поставок из СССР зерна, нефти, некоторых сортов проката черных металлов, сливочного масла, машин и оборудования, но решить вопрос не удалось²²⁴. Только 12 января 1965 г. генеральный секретарь МИД СССР Борис Федорович Подцероб передал П. А. Абросимову письмо на имя В. Ульбрихта и В. Штофа, подписанное Л. И. Брежневым и А. Н. Косыгиным, в котором сообщалось, что: «ЦК КПСС и Советское правительство внимательно рассмотрели вопросы о товарообороте между СССР и ГДР в 1965 г. ... и по большинству из них удалось найти взаимо-

²²² РГАЭ. Ф. 4372 сч. Оп. 81 с. Д. 873. Л. 19.

²²³ Там же. Л. 32.

²²⁴ Там же. Л. 33—34.

приемлемые решения...»²²⁵. Тем самым советское руководство, как можно предположить, рассчитывало дать «немецким друзьям» тактическую передышку для внесения в экономическую программу СЕПГ соответствующих корректив, которые бы позволили с учетом возникших в 1963 и 1964 гг. трудностей стабилизировать ситуацию. Однако по итогам выполнения народнохозяйственного плана в первом квартале 1965 г. стало очевидным, что руководство ГДР не сможет самостоятельно, без помощи СССР, предпринять дальнейшие шаги по осуществлению «новой экономической системы», и спрогнозировать возможные негативные последствия. В письме В. Штофу от 6 мая 1965 г. А. Н. Косыгин прямо говорит, что «...состояние наших ресурсов [в СССР] сейчас таково, что не позволяет нам пойти на увеличение их поставок сверх количеств, предусмотренных протоколом о товарообороте на 1965 г.»²²⁶ В результате ГДР была вынуждена, как и в 1964 г., осуществлять сверхплановые закупки ряда товаров в капиталистических странах.

Примечательно, что в директивах по составлению народнохозяйственного плана до 1970 г., разработанных Госпланом ГДР в июне 1964 г. высказывалось предположение, что для внешней торговли ГДР уже в ближайшие годы основной проблемой может стать глубокое проникновение на рынки капиталистических стран с целью обеспечения импорта необходимых товаров массового потребления и сбыта экспортной продукции, производство которой по мере реализации «новой экономической системы», как считалось, будет только возрастать. Как подчеркивалось в дирек-

²²⁵ АВП РФ. Ф. 0742. Оп. 10. П. 72. Д. 22. Л. 4—5.

²²⁶ АВП РФ. Ф. 742. Оп. 10. П. 34. Д. 15. Л. 11.

тивах, экспорт товаров на инвалюту приобретал бы в этом случае перво-степенное значение для народного хозяйства ГДР²²⁷.

Однако из внимания восточногерманских экономистов совершенно ускользал тот факт, что дальнейшее расширение закупок товаров на Западе потребует для достижения сбалансированной торговли необходимость не столько увеличения производства изделий на экспорт, сколько его повышения качества и конкурентоспособности.

В информационно-аналитической справке от 22 июня 1965 г., подготовленной специалистами экономического отдела Посольства СССР в ГДР В. Войтовым и Б. Осановым для 3-го Европейского отдела МИД СССР, отмечалось, что внешнеторговые организации ГДР серьезно проигрывают конкуренцию фирмам из западноевропейских стран, особенно ФРГ, не удовлетворяя в большинстве случаев требованиям покупателей в отношении качества, технического уровня и сроков поставки. Особо подчеркивалось, что ГДР не располагает на текущий момент достаточно квалифицированными кадрами для организации за границей бюро и пунктов технического обслуживания машин и оборудования, поставляемых из ГДР. Не налажена координация между продажами и закупками товаров. Недостаточно изучается конъюнктура рынков, особенно в отношении перспектив развития²²⁸. Таким образом, во внешней торговле ГДР сохранялись те же самые недостатки, которые отмечал еще в апреле 1964 г. представитель Госплана СССР в ГДР при анализе выполнения народнохозяйственного плана ГДР за 1963 г.

Испытывая указанные трудности в сбыте своих товаров, внешнеторговые организации ГДР в 1964—1965 гг. в целях расширения своего экс-

²²⁷ АВП РФ. Ф. 0742. Оп. 10. П. 72. Д. 22. Л. 11—12.

²²⁸ Там же. Л. 14.

порта, который бы позволил сформировать достаточные инвалютные резервы, сосредоточили свои усилия на развитии торговли с отдельными западноевропейскими странами — Францией, Бельгией, Италией. Подобная попытка экономического прорыва «доктрины Хальштейна» привела к резкому сокращению поставок ряда товаров в социалистические страны и была негативно встречена советским руководством.

В справке, подготовленной Посольством СССР в ГДР в сентябре 1965 г. об итогах выполнения народнохозяйственного плана ГДР, отмечается отсутствие какой-либо динамики роста экспорта по сравнению аналогичным периодом 1964 г., при чем запланированное «превышение экспорта над импортом в страны свободной валюты в размере 114 млн валютных марок²²⁹ по итогам торговли за девять месяцев составило лишь 73 млн валютных марок». Сотрудники посольства ставят под сомнение возможность ГДР достичь выполнения в текущем году плановых показателей по внешней торговле с Западом, предвещая в этой связи неизбежные трудности с обеспеченностью восточногерманского импорта достаточным объемом валютных резервов в 1966 г.²³⁰.

В общем невыполнении экспортных планов советские специалисты обратили особое внимание на срыв поставок изделий металлообрабатывающей промышленности: экспортный годовой план по этим изделиям был

²²⁹ Речь идет о так называемой «валютной марке», отражавшей внешнеторговый оборот ГДР с другими государствами. Ее курс, как правило, не соответствовал курсу восточногерманской марки Немецкого Эмиссионного банка, указанному в бюллетене курсов иностранных валют, традиционно публиковавшегося в «Известиях». Расчеты показывают, что «валютная марка» как расчетная единица была ближе на тот момент, если не равна марке ФРГ, для чего, вероятно, использовался валютный коэффициент. См., например: Ф. 0742. Оп. 11. П. 78. Д. 34. Л. 159.

²³⁰ АВП РФ. Ф. 742. Оп. 10. П. 36. Д. 38. Л. 148—149.

выполнен только на 62,5 %, из них продукция, предназначенная для западноевропейских стран составила 39,1 %. То, что промышленности ГДР не хватило года, чтобы расширить сбыт за рубежом продукции металлообработки в запланированные полтора раза — при том, что вывезено продукции оказалось на 29,6 % больше, чем в 1964 г. — говорило о явных просчетах Госплана ГДР в этой области, переоценивших возможности своих внешнеторговых организаций²³¹.

Важным шагом со стороны Советского Союза по удовлетворению растущих потребностей социалистических стран в сырье стало решение об их привлечении к долевному участию в строительстве крупных предприятий на территории СССР, предполагавшему поставку товаров в кредит в счет будущих обратных поставок производимой на предприятиях продукции, от прогнозируемой потребности в которой зависел размер доли каждого из участников строительства и, соответственно, сумма выделяемого ими кредита. ГДР таким способом могла гарантированно обеспечить свою экономику необходимым объемом сырья уже после 1970 г. без значительных капитальных затрат лишь за счет увеличения экспорта в СССР своей текущей продукции. Однако уже при первом детальном рассмотрении Госпланом ГДР предложений СССР по реализации данной формы сотрудничества выяснилось, что инвестиционные затраты ГДР в стоимостном выражении значительно превышают потребность восточногерманской экономики в текущем и последующем плановых периодах. В информационных материалах от 28 августа 1965 г., подготовленных постоянным представителем Госплана СССР в Берлине А. М. Прокофьевым для Госплана СССР, также отмечалось:

²³¹ Там же.

«по нашим ориентировочным расчетам ... общая сумма кредита, который ГДР должна была бы предоставить СССР в случае ее долевого участия в разработке только меди, никеля, фосфора, целлюлозы и бумаги в полных объемах предполагаемой дополнительной потребности на 1975 г. против уровня 1970 г., составила бы около 350 млн рублей. При этом стоимость дополнительных количеств указанных видов сырья на 1975 г. против уровня 1970 г., по существующим в настоящее время на мировом рынке цен, составит около 80 млн рублей»²³².

В свою очередь немецкая сторона также высказала недовольство участвовавшими случаями нарушения плановыми органами СССР взятых на себя обязательств по специализации производства и взаимным поставкам оборудования. В ходе беседы с ответственными работниками Представительства Госплана СССР в ГДР Ю. С. Медведковым и А. Д. Головановым заместитель председателя Госплана ГДР Х. Гроссе заявил, что:

«новое предложение советских экспертов о сокращении объемов поставок из ГДР в СССР универсальных одноковшовых экскаваторов емкостью ковша 1,6 м³ против согласованных между Госпланами обеих стран по Протоколу от 26 октября 1964 г. и недостаточный объем поставок взамен их монтажных кранов г/п 30 тонн на гусеничном ходу не может удовлетворить плановые органы ГДР, так как при этом производственные мощности завода “Цемаг” будут использованы только на 50 %»²³³.

²³² РГАЭ. Ф. 4372 сч. Оп. 81 с. Д. 1772. Л. 34—35.

²³³ Там же. Л. 196.

При этом Х. Гроссе обращал особое внимание на то что, мощности этого завода развивались исключительно в целях поставок этих экскаваторов в СССР:

«это уже не первый случай, когда Госплан СССР снимает свои заказы после того, как ГДР организует по просьбе СССР соответствующее производство. Так было с оборудованием для цементных заводов, с дробильно-размольным оборудованием и рядом других. В результате получается, что машиностроение ГДР должно приспособляться к “штопке дыр”»²³⁴.

Попытки разрешить накопившиеся между СССР и ГДР противоречия относительно форм дальнейшего развития их экономического сотрудничества были предприняты в ходе двух раундов переговоров 17—28 сентября и 27—29 ноября 1965 г. по вопросу согласования нового торгового соглашения на 1966—1970 гг. В частности, 24 сентября 1965 г. было подписано соглашение о расширении научно-техническом сотрудничестве между СССР и ГДР, предусматривавшее создание на паритетных началах совместной межправительственной комиссии²³⁵, которая бы взяла на осуществление контроля за выполнением принятых решений по координации народнохозяйственных планов и специализации промышленности²³⁶. Х. Гроссе выразил надежду, что «с созданием комиссии таких неожиданностей не будет», если только данную комиссию будут представлять плановые органы обеих стран, «иначе опять будут общие разговоры»²³⁷.

²³⁴ Там же.

²³⁵ Из коммюнике о пребывании партийно-правительственной делегации ГДР в СССР // СССР—ГДР. 30 лет отношений (1949—1979). Документы и материалы. — М.: Издательство политической литературы (Политиздат), 1981. — С. 160.

²³⁶ Dokumente der Aussenpolitik der DDR. — Berlin, 1968. — Bd. 13, S. 821.

²³⁷ Там же. Л. 197.

Однако достигнутые договоренности не смогли повлиять на принципиальное нежелание Советского Союза идти на уступки ГДР, что вызвало рост оппозиционных В. Ульбрихту настроений в СЕПГ: новый пятилетний план подвергся на заседании Политбюро ЦК СЕПГ разгромной критике, а председатель Госплана ГДР Э. Апель покончил с собой 3 декабря 1965 г. накануне подписания соглашения между СССР и ГДР. Как считает ряд исследователей, смерть Э. Апеля позволила В. Ульбрихту избежать сворачивания «новой экономической системы»²³⁸. Последовавший вслед за этим пленум ЦК СЕПГ 10 декабря 1965 г. ограничился рядом мер по улучшению руководящей деятельности государственных органов через укрепление отраслевого начала в управлении народным хозяйством²³⁹. В январе 1966 г. был упразднен Совет народного хозяйства ГДР, вместо которого создавались шесть промышленных министерств.

Процесс реформирования форм и методов управления народным хозяйством ГДР таким образом приобретал характер маятника: за каждым шагом, приводившим к малейшей дестабилизации, в спешном порядке следовали меры ограничительного характера, хотя это принципиально расходилось с установками самого В. Ульбрихта, указавшего в своей речи в Кремле 12 июня 1964 г. на необходимость претворения в жизнь «новой экономической системы» «последовательно, шаг за шагом, без поспешности и «больших скачков», но также и без потери времени»²⁴⁰.

Устойчивое развитие восточногерманской экономики в период проведения реформ и, соответственно, успех реализации «новой экономиче-

²³⁸ Schröder K. Der SED-Staat. Partei, Staat und Gesellschaft. 1949—1990. — München, 2000. — S. 180.

²³⁹ История Германской Демократической Республики (1949—1979) / под ред. В. Д. Кульбакина. — М., 1979. — С. 285—286.

²⁴⁰ АВП РФ. Ф. 742. Оп. 09. П. 30. Д. 17. Л. 196.

ской системы» были поставлены в зависимость от того, насколько промышленность ГДР сможет обеспечить эффективность экспорта. Поддержание стабильности экономического роста, которое позволило бы избежать ощутимых спадов, равно как и характер проблем, с которыми столкнулась в 1963 и 1964 гг. восточногерманская экономика, подтверждали важность развития внешнеэкономического сотрудничества стран социалистического содружества, для чего идеально подходил формат СЭВ.

ЯБЛОКОВ

§ 2.2. Второй этап реализации НЭС 1966—1968 гг.

В. Ульбрихт последовательно точку зрения о необходимости усиления интеграции в рамках СЭВ несмотря на наличие среди руководства промышленностью и внутри СЕПГ функционеров, открыто подвергавших сомнению возможность эффективного сотрудничества социалистических стран на многосторонней основе.

Начиная с 1963 г., руководство ГДР неоднократно предпринимало попытки внедрения по линии Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) в качестве универсального механизма координации действий социалистических стран на внешних рынках практику взаимодействия восточногерманской промышленности и внешнеторговых организаций в условиях реализации «новой экономической системы».

Подобные инициативы, как правило, не находили должного отклика у советского руководства, всерьез опасавшегося раскола СЭВ в случае придания его деятельности наднационального характера. В своих официальных заявлениях руководство СССР последовательно отстаивало точку зрения о принципиальном отличии СЭВ, основанного «на принципах полного равноправия, уважения суверенитета, взаимной выгоды и товарищеской взаимопомощи»²⁴¹, от западных экономических объединений, стремящихся к образованию замкнутых межгосударственных групп влияния. В тоже время укрепление международного статуса Совета, выступающего во внешнеэкономической сфере от имени всего «социалистического содружества», отвечало интересам большинства стран-участниц «восточной модели» европейской интеграции как эффективный инструмент обеспечения мира и международной безопасности перед лицом «дискриминационной политикой Запада». Именно с этим были связаны попытки реформирова-

²⁴¹ РГАЭ. Ф. 561. Оп. 17. Д. 11. Л. 54.

ния СЭВ, предполагавшие поэтапное усиление его централизующих функций.

В 1960 г. Отделом международных экономических организаций МИД СССР был выдвинут проект, предполагавший создание Межведомственной комиссии для согласования работы СЭВ и экономической политики правительств каждой из социалистических стран. Проект подвергся критике на уровне Государственного комитета СССР по внешнеэкономическим связям при Совете Министров СССР (ГКЭС СССР): содержащиеся в нем предложения были признаны «преждевременными», а создание комиссии — «нецелесообразным»²⁴².

Немалый интерес со стороны западных экономистов вызвал тезис Н. С. Хрущева о возможности сотрудничества и мирного соревнования не только между отдельными государствами с различным общественным строем, но и между их экономическими объединениями, в статье «Насущные вопросы развития мировой социалистической системы», опубликованной в 1962 г. на страницах журнала «Коммунист»²⁴³. Сидни Делл, помощник генерального секретаря ЮНКТАД Рауля Пребиша, во время встречи последнего 1 октября 1963 г. в Москве с секретарем СЭВ Николаем Васильевичем Фаддеевым пытался выяснить «что же означает в точности интеграция социалистических стран в рамках СЭВ и как далеко она пойдет?»²⁴⁴

²⁴² Подробнее об этом см.: Липкин М. А. Советский Союз и европейская интеграция: середина 1940-х — середина 1960-х гг. — М., 2011. — С. 247—255.

²⁴³ Хрущев Н. С. Насущные вопросы развития мировой социалистической системы // Коммунист. 1962. № 12. С. 10. Цит. по: Липкин М. А. Советский Союз и европейская интеграция: середина 1940-х — середина 1960-х гг. — М., 2011. — С. 252.

²⁴⁴ РГАЭ. Ф. 561. Оп. 17. Д. 11. Л. 52.

Стремление ГДР перенести практику «новой экономической системы» в область внешнеэкономического сотрудничества социалистических стран по линии СЭВ было также созвучно принципам международного разделения труда, принятым на XV сессии Совета в декабре 1961 г., хотя в первую очередь безусловно преследовало задачу укрепления восточногерманской экономики. О необходимости «привести в соответствие национальные экономические пропорции каждой страны с общими интересами государств социалистического лагеря» В. Ульбрихт заявил на совещании глав стран-членов СЭВ, состоявшемся 24—26 июля 1963 г. в Москве. Предпосылкой для решения этой задачи, по его мнению, должна была стать «всесторонняя готовность стран-участников СЭВ сотрудничать конструктивно и без оговорок в совместном решении узловых задач нашего экономического развития»²⁴⁵. Однако, страны-участники Совета, обладавшие неодинаковым уровнем развития материально-технической и организационной базы, опасались ущемления собственных национальных интересов и демонстрировали в силу этого различные подходы к осуществлению такого рода сотрудничества²⁴⁶. Партийное руководство соцстран в целом с большой осторожностью подходило к проведению внутриэкономических преобразований, в том числе призванных содействовать интеграции в рамках СЭВ. Большая нагрузка на экономику при определенных условиях могла привести к возникновению кризисных ситуаций и, как следствие, неконтролируемому росту социальной напряженности. Ни одна из правя-

²⁴⁵ РГАНИ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 24. Л. 273.

²⁴⁶ Вахрамеев А. В. Совет экономической взаимопомощи: его структура и задачи // Центрально-Восточная Европа во второй половине XX в. Т. 1. Становление «реального социализма» (1945—1965). М.: Наука, 2000. С. 294; Широков О. Н. СЭВ в мировой экономике: современная оценка проблемы функционирования и значения. Вопросы истории, методологии и историографии. М., 2005. С. 51—53.

щих партий не была готова рисковать ради перспектив социалистической интеграции своим господствующим положением, что особенно ярко проявится уже в 1968 г. на фоне событий «пражской весны».

Важно подчеркнуть, что в основе внешнеэкономической политики восточноевропейских стран-членов СЭВ лежала монополия внешней торговли, сохранявшая за государством исключительное право на осуществление торговых и валютно-финансовых операций с иностранными государствами через специальные уполномоченные организации на основании централизованного планирования. Недостаточная гибкость данной системы, защищавшей развитие экономики от влияния мирового рынка, проявлялась прежде всего в том, что расчеты между внешнеторговыми организациями и промышленными предприятиями за экспортную продукцию осуществлялись во внутренних ценах, в результате чего весь эффект от реализации экспортных операций концентрировался у внешнеторговых организаций, в то время как условия реализации продукции на мировом рынке никак не влияли на производственную деятельность промышленных предприятий²⁴⁷.

«Новая экономическая система» поставила своей целью улучшить взаимодействие между объединениями народных предприятий и внешнеторговыми организациями путем их обоюдной заинтересованности в наиболее эффективном осуществлении внешней торговли. В ГДР развернулась борьба за высокое качество продукции и ее соответствие мировому уровню на всех участках управленческой и производственной деятельности. Завоевание знака высшего качества “Q” для выпускаемого изделия служило основанием для выплаты премий, а при наличии ответственности

²⁴⁷ Буренин В. А., Кулиничев В. П. Организация управления внешней торговлей в европейских странах-членах СЭВ. — М.: Академия внешней торговли МВТ СССР, 1982. — С. 6.

со стороны производителя за сбыт продукции приобретало еще большее значение как необходимое условие для выполнения плана²⁴⁸. Повышение рентабельности экспорта стало рассматривается как один из важнейших показателей работы предприятий. Были введены наценки для экспортных товаров со знаком “Q” и скидки с цены экспортных товаров, отмеченных знаком отдела технического контроля “2”. Это означало, что предприятия, поставляющие высококачественные изделия, которые внешняя торговля может выгодно реализовать и получить инвалютную выручку, будут иметь соответствующие материальные преимущества. Аналогично этому были предусмотрены наценки или скидки за опережение или нарушение сроков поставок экспортных изделий²⁴⁹.

Однако анализ общего развития народного хозяйства ГДР за 1965 г. выявил, что расширение производства изделий, предусмотренных на экспорт, не только не способствует повышению их качества, но и влечет за собой значительное увеличение себестоимости промышленной продукции²⁵⁰. В результате, коэффициент валютной выручки для товаров, имеющих знаком “Q”, нередко оказывался даже ниже среднего уровня. По мнению специалистов Госплана ГДР, это было вызвано разрывом между текущей плановой деятельностью и инвестициями в перспективные научно-исследовательские и проектно-конструкторские работы²⁵¹. Внедрение новой техники и новых технологий в отрасли промышленности, определяющие экспортную способность ГДР, происходило, в свою очередь, со значительным отставанием от потребностей мирового рынка.

²⁴⁸ АВП РФ. Ф. 742. Оп. 09. П. 32. Д. 34. Л. 14.

²⁴⁹ АВП РФ. Ф. 742. Оп. 10. П. 35. Д. 24. Л. 16.

²⁵⁰ АВП РФ. Ф. 0742. Оп. 11. П. 78. Д. 34. Л. 68.

²⁵¹ Там же. Л. 69—70.

Протекционизм государства, таким образом, долгое время не позволял объективно оценивать уровень эффективности плановой экономики и своевременно выявить падение ее конкурентоспособности. Последовавшие за этим попытки реформирования форм и методик планирования путем внедрения в них рыночных механизмов только усилили стремление отдельных соцстран к выходу на мировой рынок, что в свою очередь привело к естественному росту влияния этого самого рынка на экономическое развитие социалистических стран, каждая из которых не могла в одиночку противостоять в сфере внешней торговли развитым западноевропейским странам, и это первой на себе почувствовала ГДР. Однако понимание того, что задача совершенствования внешнеэкономических связей стран-членов СЭВ, вероятно, потребует пересмотра самих принципов организации хозяйственной деятельности — становилась камнем преткновения для любых дискуссий по вопросу дальнейшего углубления социалистической интеграции.

В тоже время сохранение между промышленностью и внешней торговлей отношений, при которых производственные единицы были изолированы от внешнего рынка и не имели хозрасчетной заинтересованности в повышении эффективности внешнеторговых операций, становилось невозможным. Расширение права самостоятельной деятельности предприятий на внешних рынках неизбежно вело к сокращению обязательных плановых показателей, в результате чего значительно возрастала роль случайных факторов во внешней торговле, а государство начинало терять рычаги воздействия на нее через систему государственных заданий. Госплан ГДР рассчитывал, что конъюнктурные колебания мирового рынка удастся сгладить за счет прогностических разработок. Однако составление долгосрочных экспортных планов превратило официальные валютные курсы ГДР, и так порой серьезно отличавшиеся от фактического курса внутренних и ми-

ровых цен, в категории формального порядка и привело к необходимости использования в расчетах специальных валютных коэффициентов.

Первые шаги по совершенствованию системы управления и планирования внешней торговли были сделаны еще в 1964 г., когда группа ученых ГДР разработала «Принципы применения НЭС в области внешней торговли»²⁵², в соответствии с которыми внешнеторговые организации, ранее входившие в систему Министерства внешнеэкономических связей ГДР, должны были постепенно превращаться в дочерние предприятия ОНП, осуществляющие сбыт продукции²⁵³. Пытаясь высвободить инициативу отдельных предприятий из тисков плана и избежать при этом перебоев по исполнению торговых соглашений, постановлением Совета Министров ГДР от 16 апреля 1964 г. уже не только объединения народных предприятий и внешнеторговые организации, но и прочие юридически самостоятельные предприятия получили возможность с разрешения Министерства внешнеэкономических связей ГДР заключать от своего имени контракты на экспорт определенной продукции²⁵⁴. С 1 января 1965 г. право самостоятельного ведения сделок по экспорту получили фирма «Карл Цейс Иена» (отдел оптики), предприятие «Изокомерц» (радиоактивные материалы и устойчивые изотопы), объединение народных предприятий

²⁵² Дерябина М. А. Совершенствование системы планирования и управления экономикой в период строительства развитого социалистического общества // Германская Демократическая Республика / под ред. А. Я. Шабалина. — М., 1983 — С. 292.

²⁵³ Потапов В. И. Организация внешней торговли ГДР. — М., 1984. — С. 15.

²⁵⁴ Буренин В. А., Кулиничев В. П. Организация управления внешней торговлей в европейских странах-членах СЭВ. — М.: Академия внешней торговли МВТ СССР, 1982. — С. 26—27. РГАЭ. Ф. 4372 сч. Оп. 81 с. Д. 873. Л. 7.

«Хемианлаген» (экспорт химических установок и комплектного оборудования сахарных заводов)²⁵⁵.

Следующим важным изменением в управлении восточногерманской экономикой стал закон о договорной системе, принятый Народной палатой ГДР 25 февраля 1965 г. и вступивший в силу 1 мая 1965 г. Новый закон позволял объединениям народных предприятий, исходя из заданий перспективного плана, заключать договоры на любой, наиболее целесообразный срок для создания устойчивых связей по сбыту и снабжению производства. Особенная важность при этом придавалась кооперации отдельных предприятий для выполнения исследовательских и экспериментальных работ по внедрению в производство новой техники²⁵⁶.

Декабрьский пленум ЦК СЕПГ 1965 г., несмотря на сильное воздействие на его результаты внутривластного фактора, объективно свидетельствовал о серьезных недостатках «новой экономической системы», но, казалось, чем большей критике подвергались намеченные В. Ульбрихтом преобразования в экономике ГДР, тем большей уверенности это придавало первому секретарю ЦК СЕПГ в правильности выбранного им курса.

6 сентября 1966 г. по поручению министра внешнеэкономических связей ГДР Х. Зёле торговый представитель ГДР в СССР Э. Кербер передал заместителю министра МВТ СССР М. Р. Кузьмину принятые в июне того же года Президиумом Совета Министров ГДР «Директивы по совершенствованию экономических отношений между внешней торговлей и ее внутренними партнерами в области экспорта и импорта», в соответствии с которыми именно развитие внешнеэкономических связей ГДР должно было содействовать максимальному повышению ее национального дохода. С

²⁵⁵ АВП РФ. Ф. 742. Оп. 10. П. 35. Д. 24. Л. 11.

²⁵⁶ Там же. Л. 4—5.

этой целью шла разработка комплекса дальнейших мероприятий по усилению сотрудничества между внешней торговлей и промышленностью, а именно — постепенное преобразование внешнеторговых организаций во внешнеторговые органы объединений народных предприятий, предусматривавшее передачу промышленности *полной ответственности* (выделено мной — *Б. Я.*) за проведение экспортных операций при сохранении монополии внешней торговли за Министерством внешнеэкономических связей ГДР²⁵⁷. Важным направлением изменений в этой области стало непосредственное участие производственных объединений в прибыли и убытках от внешнеторговых операций. В практику вводились соглашения о координации совместной деятельности между внешнеторговыми организациями и ОНП²⁵⁸.

Одновременно с этим В. Ульбрихт не оставлял попыток перенесения практики «новой экономической системы» в область внешнеэкономического сотрудничества социалистических стран, хотя, следует отметить, что начиная с середины 1965 г. акцент его программных заявлений был смещен в большей степени в пользу развития двустороннего сотрудничества ГДР и СССР.

30 сентября 1965 г. Совет Министров СССР утвердил постановлением № 739-278с соглашение от 24 сентября 1965 г. о расширении научно-технического сотрудничества между СССР и ГДР, предусматривавшее создание межправительственной комиссии, которая должна была взять на себя осуществление контроля за выполнением принятых решений по координации народнохозяйственных планов и специализации промышленности. При этом, по предложению немецкой стороны, представительства

²⁵⁷ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 31. Д. 1118. Л. 52—53. О директивах есть подробно в Дерябиной С. 293

²⁵⁸ Потапов В. И. Организация внешней торговли ГДР. — М., 1984. — С. 16.

плановых органов в стране-партнере, в том числе и представительство Госплана СССР в Берлине, были автоматически преобразованы в соответствующие представительства советской или немецкой частей межправительственной комиссии²⁵⁹. Постановление Совета Министров СССР и проект Положения об указанной комиссии были направлены 15 января 1966 г. на согласование в ЦК КПСС. В сопроводительном письме, подписанном заместителями председателя Совета Министров СССР Михаилом Авксентьевичем Лесечко и Николаем Константиновичем Байбаковым, копия которого отложилась в материалах отдела координации Госплана СССР, отмечается, что подобные представительства создавались в качестве исключения с учетом особой заинтересованности Советского Союза в развитии экономики ГДР — текущая деятельность аналогичных межправительственных комиссий в других странах-членах СЭВ осуществлялась советниками по экономическим вопросам при посольствах СССР²⁶⁰.

Положение о межправительственной комиссии было утверждено 16 марта 1966 г.²⁶¹, в качестве сопредседателей выступили председатель Госплана ГДР Герхард Шюрер и Алексей Адамович Горегляд, первый заместитель председателя Госплана СССР. Первая сессия межправительственной комиссии состоялась 14—16 июня 1966 г. и, как и прежде, речь велась преимущественно «о путях и возможностях расширения межгосударственной специализации и кооперирования промышленного производства СССР и ГДР как одного из важных путей повышения экономической эффективности народного хозяйства обеих стран»²⁶². Обращает на внима-

²⁵⁹ РГАЭ. Ф. 4372 сч. Оп. 81 с. Д. 1772. Л. 1.

²⁶⁰ Там же. Л. 2—3.

²⁶¹ 30 лет СССР—ГДР. 30 лет отношений (1949—1979). Документы и материалы. — М., 1981. — С. 169—171.

²⁶² РГАЭ. Ф. 4372 сч. Оп. 81 с. Д. 1771. Л. 23.

ние тот факт, что среди советских функционеров имелись расхождения во взглядах на перспективы деятельности комиссии. В письме А. А. Горегляду от 9 июня 1966 г. заместитель председателя Государственного комитета СССР по науке и технике Н. М. Егоров отмечает, что «конечно, в целом тематика сотрудничества по упомянутому соглашению (от 24 сентября 1965 г. — *Б. Я.*) определена на основе предложений германской стороны и в значительной мере исходит из задачи подтягивания уровня ГДР в развитии определенных отраслей науки и техники до уровня СССР. Однако, совместная с ГДР разработка целого ряда проблем соответствует и интересам советской стороны»²⁶³.

В подтверждении этих слов вновь был поднят вопрос о возможности участия ГДР в развитии промышленности СССР, о чем в Москву сообщал А. М. Прокофьев:

«В настоящее время Госплан ГДР подтверждает заинтересованность участвовать только в разработке меди. В этом случае размер кредита, который ГДР должна бы предоставить СССР, составит около 180 млн рублей. Представительство считает необходимым возобновить переговоры с немецкой стороной по привлечению ГДР к участию в строительстве промышленных объектов и расширении существующих мощностей в СССР по увеличению производства не только меди, но и других видов сырья. Потребность ГДР в импорте к 1975 г. значительно возрастет по сравнению с уровнем 1970 г. также и по нефти, алюминию и железной руде, что должно стать предметом обсуждения...»²⁶⁴

²⁶³ Там же. Л. 145.

²⁶⁴ РГАЭ. Ф. 4372 сч. Оп. 81 с. Д. 1772. Л. 35.

В ходе своего визита в Москву 10—11 сентября 1966 г.²⁶⁵ В. Ульбрихт внес на рассмотрение советского руководства ряд предложений по совершенствованию деятельности органов СЭВ с учетом практики экономических преобразований в ГДР, о чем имеется сообщения среди архивных материалов Постоянного представительства СССР в СЭВ. По мнению В. Ульбрихта, органы СЭВ не могли осуществлять оперативное руководство экономикой стран-членов СЭВ²⁶⁶, а потому конкретные задачи экономического и научно-технического сотрудничества следовало решать путем *прямого производственного сотрудничества* (выделено мной — Б. Я.) предприятий и отраслевых объединений²⁶⁷, которые надлежало постепенно переводить на полный хозяйственный расчет, что «потребуется образования собственного капитала этих организаций и самостоятельного образования и использования доходов»²⁶⁸. В предложениях ГДР указывалось, что комиссии СЭВ должны усилить работу в области стандартизации, сосредоточив при этом внимание на особо важных для товарообмена видах продукции и ориентировать их «больше, чем до сих пор, на такие технические параметры, которые бы отвечали наилучшим в мире образцам и способствовали, тем самым, укреплению рыночных позиций участвующих стран на капиталистических рынках»²⁶⁹.

На основании сопроводительного комментария постоянного представителя СССР в СЭВ М. А. Лесечко к тексту предложений можно заключить, что советская сторона довольно сдержанно отреагировала на пред-

²⁶⁵ СССР—ГДР. 30 лет отношений (1949—1979). Документы и материалы. — М.: Издательство политической литературы (Политиздат), 1981. — С. 184.

²⁶⁶ РГАЭ. Ф. 302. Оп. 2. Д. 341. Л. 38.

²⁶⁷ Там же. Л. 35.

²⁶⁸ Там же. Л. 39.

²⁶⁹ Там же. Л. 37.

ложения «немецких друзей». В комментарии подчеркивалось, что для эффективного взаимодействия отраслевых организаций в настоящее время «еще не накоплен достаточный опыт, и обсуждение подобных вопросов на многосторонней основе представляется несвоевременным»²⁷⁰. Но все же главные опасения, как можно предположить, у М. А. Лесечко вызывало то обстоятельство, что внешнеэкономические инициативы отдельных объединений народных предприятий могли входить в противоречие с обязательствами стран-членов СЭВ по взаимным поставкам товаров, непосредственно относящимся к компетенции внешнеторговых ведомств.

Растущую обеспокоенность В. Ульбрихта и В. Штофа трудностями во внешнеэкономическом сотрудничестве между СССР и ГДР также отмечал П. А. Абросимов в письме Л. И. Брежневу 3 сентября 1966 г., что в большей мере следовало понимать как призыв к предпочтительному развитию в тот период именно двусторонних отношений, нежели весьма отдаленных перспектив интеграции социалистических стран по линии СЭВ. По мнению П. А. Абросимова, Госплану СССР следовало уже в 1967 г. начать подготовительную работу по увязке проектов народнохозяйственного плана СССР и ГДР на 1971—1975 гг., систематическому проведению консультаций плановых органов по вопросам развития тех отраслей и производства, в которых наиболее заинтересованы СССР и ГДР²⁷¹.

П. А. Абросимов также предлагал расширить практику привлечения внешнеторговых организаций ГДР к поставкам из Советского Союза в развивающиеся страны машин и оборудования, а также использовать ГДР в совместных выступлениях на рынках третьих стран, что должно было со-

²⁷⁰ Там же. Л. 41.

²⁷¹ АВП РФ. Ф. 0742. Оп. 11. П. 78. Д. 34. Л. 105—106.

действовать укреплению международного авторитета не только ГДР, но и всего социалистического содружества²⁷².

По сообщению вице-консула СССР в Лейпциге К. Савинова в ходе проведенных им в сентябре 1966 г. встреч с секретарями окружных советов, директорами отдельных заводов, ответственными работниками объединений народных предприятий неоднократно высказывалось мнение о необходимости шире и решительнее проводить специализацию и кооперирование в производстве между СССР и ГДР, главным образом в рамках двусторонних соглашений, *а не по линии СЭВ* (выделено мной — Б. Я.), так как решения СЭВ носят лишь характер рекомендаций и практически не соблюдаются странами, которых они касаются²⁷³.

К. Савинов также находил целесообразным в целях улучшения использования техники, получаемой по торговым контрактам, поддержать предложение «немецких друзей» об установлении и расширении прямых контактов между предприятиями обеих стран *без посредничества внешне-торговых организаций* (выделено мной — Б. Я.), что, в частности, позволило бы избежать проволочек, связанных с длительной и малоэффективной процедурой приемки оборудования, которая не позволяет выявить дефекты, возникающие только в процессе эксплуатации, и ввести вместо этого практику взаимных гарантийных обязательств²⁷⁴.

Однако анализ развития экономики ГДР на втором этапе реализации «новой экономической системы», как и прежде, свидетельствовал о наличии комплекса нерешенных проблем, вынуждавших советское руководство сдерживать внешнеэкономическую активность «немецких друзей».

²⁷² Там же.

²⁷³ АВП РФ. Ф. 0742. Оп. 11. П. 78. Д. 34. Л. 95.

²⁷⁴ Там же. Л. 97.

В справке о ходе выполнения народнохозяйственного плана за первое полугодие 1966 г. подчеркивалась «хроническая» неспособность промышленности ГДР обеспечить равномерность поставок товаров на экспорт в течение года, что уже «неоднократно приводило к срыву экспортных планов в 1964 и 1965 гг., и грозит повториться и в 1966 г.»²⁷⁵ При этом работа по координированию связей между внешней торговлей и промышленностью, по мнению советских экспертов, велась удручающе медленно, что ставило под сомнение саму возможность функционирования внешней торговли ГДР исходя из принципов «новой экономической системы».

Неравномерность производства, в свою очередь, стала приводить к простоям, устранять которые в целях своевременного выполнения годовых плановых показателей приходилось сверхурочно с выплатой рабочим соответствующих премий. Тем самым, говорится в документе, соотношение покупательной способности населения и товарным фондом, установленном в народнохозяйственном плане ГДР, было нарушено. Более того, указания Политбюро ЦК СЕПГ и Совета Министров ГДР от 14 апреля 1966 г. об осуществлении министерствами в срочном порядке во II квартале 1966 г. мероприятий по установлению правильных пропорций между ростом производительности труда и средней заработной платой должным образом выполнены не были²⁷⁶.

Даже несмотря на, что в период с августа по октябрь 1966 г. межправительственной комиссией были проведены переговоры с привлечением экспертов соответствующих министерств, плановых и внешнеторговых органов обеих стран, подготовлены предложения и уточнена номенклатура изделий, намечаемых к взаимным поставкам на 1967—1970 гг., министер-

²⁷⁵ АВП РФ. Ф. 0742. Оп. 11. П. 78. Д. 34. Л. 125.

²⁷⁶ Там же. Л. 132—133.

ство внешней торговли СССР, ссылаясь на ограниченность ресурсов, поспешно отказало просьбам ГДР в увеличении поставок отдельных видов сырья и товаров сверх нормы, предусмотренной протоколом о товарообороте на 1967 г.²⁷⁷

Одной из причин этого стало отсутствие конкретных шагов по сокращению производства в ГДР продукции машиностроения за счет специализации и получения ее из СССР, что шло в разрез с генеральной линией СЕПГ в этом вопросе. Более того, в ответ на предложения советских экспертов о поставке в ГДР специализированной продукции, в частности, оборудования для пищевой и полиграфической промышленности, немецкие эксперты представили на согласование ряд долгосрочных контрактов на экспорт оборудования в СССР с тем, чтобы обеспечить загрузку восточногерманских предприятий²⁷⁸. По итогам встречи 11 ноября 1966 г. В. Штофа и А. Н. Косыгина работникам Госплана ГДР было рекомендовано пересмотреть свое отношение к сотрудничеству с СССР и впредь руководствоваться в работе комиссии принятыми соглашениями²⁷⁹.

В тоже время советскому руководству было трудно отрицать, что с распространением принципов «новой экономической системы» на сферу внешней торговли самостоятельные сделки промышленных предприятий с иностранными партнерами способствовали приближению промышленности к требованиям внешних рынков²⁸⁰. Тем самым росла эффективность и повышалась конкурентоспособность внешней торговли, финансовые ре-

²⁷⁷ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 31. Д. 1830. Л. 127.

²⁷⁸ РГАЭ. Ф. 4372 сч. Оп. 81 с. Д. 1772. Л. 199—200.

²⁷⁹ Там же. Л. 202.

²⁸⁰ Дерябина М. А. Совершенствование системы планирования и управления экономикой в период строительства развитого социалистического общества // Германская Демократическая Республика / под ред. А. Я. Шабалина. — М., 1983. — С. 291.

зультаты которой постепенно превращались в один из факторов развития производства. Благодаря этому экономике ГДР за сравнительно короткий промежуток времени удалось достичь существенного оживления темпов роста. Так, среднегодовое увеличение национального дохода ГДР в 1966—1970 гг. составило 5,2 % по сравнению с 3,4—3,5 % за 1961—1964 гг., внешнеторговый оборот вырос на 60 %²⁸¹.

С 1 января 1967 г. в ГДР вводилась единая во внешней торговле и промышленности база для выполнения экспортного плана. В феврале 1967 г. на заседании Постоянной комиссии СЭВ по внешней торговле выступил министр внешнеэкономических связей ГДР Х. Зёле, по мнению которого, представлялось целесообразным сделать внешнюю торговлю тем фактором, который бы определял темпы внутреннего развития стран-членов СЭВ²⁸². Для этого была необходима согласованность экономических интересов между органами внешней торговли и промышленными предприятиями, введение такого норматива, который воплотил бы в себе непосредственный экономический коэффициент полезного действия внешней торговли, то есть фактически представлял бы собой разницу между затратами и выручкой в экспорте и импорте. Любые расходы и потери, должны в этом случае покрываться совместно внешнеторговыми организациями и объединениями народных предприятий из их производственной или торговой прибыли. Тем самым, и те, и другие оказывались материально заинтересованы в непрерывном выполнении экспортного плана²⁸³. Кроме того, на ряде предприятий, покрывающих более 20 % всего экспорта, вводилось экономическое сопоставление данных с мировым

²⁸¹ Меден Н. К. ГДР // Центрально-Восточная Европа во второй половине XX в. Т. 2. От стабилизации к кризису (1966—1989). — М., 2002. — С. 426.

²⁸² РГАЭ. Ф. 413. Оп. 31. Д. 1831. Л. 82.

²⁸³ Там же. Л. 80—81.

рынком. Х. Зёле отмечал, что речь идет вовсе не о прямом сопоставлении — в смысле применения цен мирового рынка внутри страны, а о косвенном сопоставлении через систему участия объединений народных предприятий в прибыли или потерях внешней торговли²⁸⁴.

Как следовало из информационно-аналитической справки от 4 июля 1967 г., подготовленной старшим экономистом экономического отдела Посольства СССР в ГДР И. Захаровым для 3-го Европейского отдела МИД СССР, еще ни одной внешнеторговой организации ГДР не удалось в полной мере стать дочерним предприятием какого-либо ОНП, несмотря на то, что участие промышленности в решении практических вопросов о поставках товаров на экспорт и закупках товаров по импорту приобрело за годы реализации «новой экономической системы» гораздо большее значение — но никогда решающее, как предполагалось изначально²⁸⁵. По мнению советских экспертов, внешнеторговые организации скорее выступают в роли комиссионеров объединений народных предприятий, которые в свою очередь хоть и предпринимают настойчивые попытки к расширению любых возможных форм сотрудничества с зарубежной промышленностью вплоть до производственной кооперации, но объективно не готовы пойти дальше заключения договоров о взаимных поставках товаров в дополнение к уже имеющимся торговым соглашениям между странами²⁸⁶. При этом советские эксперты придавали большое политическое значение результатам работы восточногерманских предприятий, получивших право самостоятельного выхода на рынки капстран, где юридические основы их деятельности были достаточно ограничены в силу официального непризнания ГДР. В частности, представительства «Карл Цейс Йена» были учреждены в Бель-

²⁸⁴ Там же. Л. 74—75.

²⁸⁵ АВП РФ. Ф. 742. Оп. 12. П. 40. Д. 12. Л. 2.

²⁸⁶ Там же. Л. 4.

гии, Великобритании, Голландия, Греция и Египте. Важно также отметить, что по своему характеру, функциям и организации данные представительства в известной мере повторяли представительства внешнеторговых организаций, что позволяло руководству ГДР последовательно отстаивать тезис о возможности промышленных предприятий самостоятельно проводить эффективную торговую политику в интересах социалистической экономики, не выходя за допустимые государственной монополией рамки.

По итогам 1966 г. Народная палата ГДР в мае 1967 г. внесла соответствующие ожиданиям СССР коррективы в пятилетний план развития народного хозяйства на 1966—1970 гг. председатель Госплана ГДР Г. Шюрер в своем обосновании экономических показателей отмечал, что задачей первостепенной важности для промышленности и внешней торговли ГДР является «точное выполнение принятых по соглашениям с Советским Союзом и другими странами обязательств»²⁸⁷. В справке о развитии торгово-экономических отношений между СССР и ГДР, направленной министру внешней торговли СССР Н. С. Патоличеву немецкой стороной 19 августа 1967 г. всемерно подчеркивалось, что только согласование планов в рамках СЭВ, долгосрочные соглашения, специализация и кооперирование производства, стабильные и экономически обоснованные цены создают прочные рынки экспорта и импорта, образуют основу для повышения производительности труда²⁸⁸. Товарообмен с Советским Союзом в этом случае гарантировал уверенное и непрерывное снабжение промышленности ГДР всеми необходимыми основными материалами. Таким образом, поставки из СССР по-прежнему имели решающее значение для промышленности ГДР, давая возможность полностью использовать имеющиеся мощности для рационализации производства, а также поставлять необ-

²⁸⁷ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 31. Д. 1922. Л. 16.

²⁸⁸ Там же. Л. 4—5.

ходимые товары на экспорт²⁸⁹. Особо подчеркивалось, что точно так же поставки ГДР имеют для Советского Союза большое хозяйственное значение: благодаря использованию международного социалистического разделения труда они дают возможность ускоренными темпами развивать важные отрасли советского народного хозяйства, позволяя концентрировать сэкономленные средства, мощности и силы в иных областях²⁹⁰.

Как отмечалось в документе, внешнеэкономическое сотрудничество ГДР и СССР превращается в фактор большого международного политического значения, который служит стабильности политического положения в Европе, решающим образом содействует росту международного авторитета ГДР, оказывая успешное противодействие притязаниям Западной Германии на единоличное представительство немецкого народа на мировой арене²⁹¹.

Но даже несмотря на то, что позиция ГДР была хорошо аргументирована, министерство внешней торговли СССР после продолжительных консультаций со специалистами Госплана СССР пришло к выводу, что представленные немецкой стороной предложения по совершенствованию форм осуществления внешнеэкономических связей стран-членов СЭВ, вытекающие из экономических реформ, проводимых ГДР, не содержат достаточного обоснования целесообразности для дальнейшей разработки органами СЭВ²⁹². Выработанное решение было зафиксировано в протоколе заседания Комиссии Совмина СССР по вопросам СЭВ от 16 сентября 1967 г., после чего выписка из него за подписью Лесечко была направлена Н. С. Патоличеву на утверждение. Протокол очередного заседания соот-

²⁸⁹ Там же. Л. 7—8.

²⁹⁰ Там же. Л. 9.

²⁹¹ Там же. Л. 6.

²⁹² РГАЭ. Ф. 413. Оп. 31. Д. 1660. Л. 35.

ветствующей Комиссии от 30 ноября 1967 г. содержал прямую «рекомендацию» Н. С. Патоличева министерству внешнеэкономических связей ГДР доработать представленные ранее материалы по координации народнохозяйственных планов, опираясь на соответствующие постановления Совмина СССР от 8 июля 1967 г.²⁹³

16—19 января 1968 г. на заседании Постоянной комиссии СЭВ по внешней торговле прозвучал доклад представителя ГДР В. Пацольда, в котором вновь говорилось о необходимости интеграции внешней экономики в единый процесс воспроизводства народного хозяйства ГДР, то есть внедрения принципов НЭС во внешнюю экономику для обеспечения максимального и стабильного роста национального дохода²⁹⁴. Конечно, усиление ответственности предприятий за сбыт их производства не означало, что каждое предприятие получало возможность проводить самостоятельную политику на внешнеторговых рынках. Госплан при подготовке решений по основным внешнеэкономическим вопросам должен был учитывать условия и возможности внутреннего производства и лишь исходя из этого определять основные направления экспортно-импортной политики. «На этой основе, — заявлял Пацольд, — мы не видим необходимости противопоставления во внешнеэкономической деятельности категорий “план” и “рынок”. Мы исходим из того, что к социалистическому хозяйству относятся и регулирующее планирование и последовательное развитие товарного хозяйства»²⁹⁵.

Положительный эффект экономических преобразований к началу 1968 г. уже в значительной мере был нивелирован регулярно возникавшим дефицитом сырья и товаров, покрывавшимся во многом за счет помощи

²⁹³ Там же. Л. 42—43.

²⁹⁴ РГАЭ. Ф. 302. Оп. 2. Д. 531. Л. 43—43 об.

²⁹⁵ Там же. Л. 47 об.

Советского Союза, не стремившегося увеличивать поставки сверх плановых норм, исходя из собственных представлений о возможностях и перспективах «новой экономической системы». По-прежнему оставалась не закончена реформа цен в промышленности: направленная на сокращение бюджетных дотаций, реформа привела к росту отпускных цен, сдерживать которые приходится за счет выделения новых дотаций²⁹⁶. Кроме того, дискредитации «новой экономической системы» немало способствовали события «пражской весны» 1968 г., явившиеся в глазах партийной номенклатуры прямым следствием децентрализации хозяйственного процесса, спровоцировавшим подрыв руководящей роли партии²⁹⁷.

²⁹⁶ Ватлин А. Ю. ГДР: Строительство социализма в эпоху В. Ульбрихта (1945—1971) // Германия в XX веке. М., 2002. С. 190.

²⁹⁷ Бетмакаев А. М. В. Ульбрихт и экономическая политика в ГДР (1949—1971) // Власть, политика и идеология в истории Европы. Барнаул, 2005. С. 137—138.

Глава 3. Закат экономической дипломатии В. Ульбрихта

§ 3.1. Влияние чехословацких событий 1968 г. на экономические реформы в ГДР

В современной отечественной историографии распространено мнение, что чехословацкий реформизм стал неизбежным ответом на ретроградные явления в экономике и наметившуюся деградацию общественно-политической системы, а его поражение служило основанием считать социалистическую модель государственного строительства априори несостоятельной и неспособной к какому-либо реформированию²⁹⁸. Важно подчеркнуть, что экономическим преобразованиям в Чехословакии также сопутствовала разработка новой системы политического руководства, необходимой, как считалось, для успешного претворения реформ в жизнь. В ходе подготовки к XIII съезду Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ), состоявшемся в мае—июне 1966 г., данная задача решалась одной из трех специальных комиссий наравне с вопросами планирования и внедрения передовых технологий в производство. В своем выступлении на декабрьском пленуме 1967 г. член ЦК КПЧ и автор экономической программы, профессор Отто Шик прямо отмечал, что буксующую, по его мнению, экономику без перемен в политической системе сдвинуть невозможно²⁹⁹.

²⁹⁸ См., например: Латыш М. В. «Пражская весна» 1968 г. и реакция Кремля. — М., 1998. — С. 8; Никифоров К. В. 1968 год — рубеж в истории европейского социализма // 1968 год. «Пражская весна» (Историческая ретроспектива). М., 2008. С. 8—10; Яжборовская И. С. Кризисы как фактор эволюции внутрисистемной и внесистемной оппозиции // Там же. С. 610—613.

²⁹⁹ Цит.: по: Латыш М. В. «Пражская весна» 1968 г. и реакция Кремля. — М., 1998. — С. 19.

В этом заключалось разительное отличие проводимых в ГДР и ЧССР преобразований — если восточногерманский проект преследовал преимущественно прагматические цели и решал задачи экономического порядка, то чехословацкий реформизм изначально приобрел политический окрас, а его идеи зачастую носили декларативный характер. Дальнейший ход развития событий только подтвердил, что руководство КПЧ не имело четкого представления о методах и способах реализации задуманных преобразований в экономике, в результате чего борьба за реформы свелась к неприкрытой внутрипартийной борьбе за власть. «Программа действий» КПЧ, разрабатываемая на протяжении 1967 г., неуклонно трансформировалась в сторону требований обновления социализма в целом, пока окончательно не приобрела характер открытого политического манифеста (принята в окончательной редакции 5 апреля 1968 г. Пленумом ЦК КПЧ)³⁰⁰.

Примечательно, что лидер компартии Словакии Александр Дубчек, избранный январским пленумом 1968 г. первым секретарем КПЧ, и его ближайшее окружение, активно использовавшие имидж сторонников реформ, оказались совершенно не готовы пойти на дальнейшее углубление преобразований, грозившее их интересам и привилегиям. Подобная выжидательная и безынициативная позиция Дубчека только усилила раскол внутри партии, и это не замедлило сказаться на общественных настроениях. Лозунги, под которыми велось противостояние «реформаторов» и «консерваторов», оказались широко востребованы чехословацким обществом и место экономическим дискуссиям очень скоро заняли открытые выступления и демонстрации творческой интеллигенции, деятелей культуры и студенческой молодежи, требовавших либерализации управления

³⁰⁰ Волков В. К. Инстинкт самосохранения: советская партократия и «Пражская весна» 1968 г. // Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. — М., 2000. — С. 207—208.

страной. Уже 10 марта 1968 г. посол ГДР в Чехословакии Петер Флорин в информационной справке, направленной в ЦК СЕПГ, отмечал, что руководство КПЧ «все еще занимается внутренними дискуссиями и пускает дело на самотек» и «надо рассчитывать на дальнейшее обострение положения»³⁰¹. Ситуация после январского пленума развивалась стремительно, и неспособность Дубчека к решительным действиям в условиях роста политической напряженности в стране однозначно оценивалась советским руководством как «расшатывание социалистических устоев»³⁰².

Консультативные встречи руководящих деятелей Болгарии, Венгрии, Польша, ГДР, СССР и Чехословакии, регулярно проходившие на протяжении 1968 г. как на двусторонней, так и многосторонней основе, были призваны дать однозначную оценку событиям «пражской весны» и способствовать выработке согласованного комплекса мер по преодолению кризиса. Главное место при обсуждении текущей ситуации в Чехословакии безоговорочно занимали вопросы политической составляющей кризиса, однако попытки осмысления вызвавших его причин неизбежно переносили дискуссию в экономическую плоскость.

В этом отношении особый интерес представляет встреча, состоявшаяся 8 мая 1968 г. в Москве. Лидеры «братских партий» в целом сошлись во мнении, что именно «провал хозяйственной политики КПЧ» привел к тому, что в Чехословакии «под видом демократии царит демагогия», при-

³⁰¹ «Пражская весна» и международный кризис 1968 г.: Документы. М., 2010. — С. 18.

³⁰² Письмо Политбюро ЦК КПСС Президиуму ЦК КПЧ от 15 марта 1968 г. Цит. по: Волков В. К. Инстинкт самосохранения: советская партократия и «Пражская весна» 1968 г. // Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. — М., 2000. — С. 203—204.

ведшая к разгулу контрреволюции, которая действует «под вывеской улучшения и расширения социалистической демократии»³⁰³.

Первый секретарь Польской объединённой рабочей партии Владислав Владислав Гомулка большое значение в развитии кризисной ситуации придал «ошибкам и недостаткам, имеющимся в экономическом сотрудничестве» между социалистическими странами, подчеркнув, что в «действительности каждая страна решает свои проблемы в соответствии со своими собственными концепциями»³⁰⁴. По его мнению, следовало установить единое направление в экономической деятельности СЭВ с тем, чтобы избежать прозападной ориентации отдельных стран. «Мы не можем и не собираемся отказываться от того, чтобы пользоваться преимуществами экономических связей с Западом, — заявлял В. Гомулка, — Но одно дело, когда мы развиваем эти связи, используя коллективные формы, а другое дело, когда наши страны стараются сделать это в одиночку»³⁰⁵.

Ульбрихт, традиционно отстаивавший преимущества социалистической интеграции, на московском совещании неожиданно резко отверг предложение польской делегации, с сожалением отметив, что «мы не в состоянии добиться таких соглашений, которые бы отвечали современному этапу социального развития, потому что это связано с политической опасностью в отдельных странах. Существуют стадии развития общества, которые нужно учитывать и которые в настоящее время (подчеркнуто мной — *Б. Я.*) не позволяют рассмотреть общую генеральную концепцию»³⁰⁶.

³⁰³ РГАНИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 234. Л. 49.

³⁰⁴ Там же. Л. 50.

³⁰⁵ Там же. Л. 75—77.

³⁰⁶ Там же. Л. 86.

Можно предположить, что руководитель СЕПГ в тот момент оказался заложником ситуации. Кризис чехословацкого реформизма продемонстрировал опасность, которую таили в себе национальные пути социалистического строительства, и целесообразность принятия механизма НЭС в качестве универсальной модели внешнеэкономического сотрудничества стран социалистического содружества была тем самым поставлена под сомнение, вынудив Ульбрихта пойти на подобный тактический ход. В этих условиях успехи восточногерманской экономики должны были служить доказательством того, что именно в ГДР уже достигнут уровень, позволивший осуществить благодаря «непоколебимой верности партии принципам марксизма-ленинизма» и «творческому подходу к насущным вопросам теории и практики» «успешное претворение в жизнь великих идей социализма»³⁰⁷.

Весьма показательным, что Ульбрихт также отстаивал точку зрения о неспособности КПЧ проводить реформы взвешено и последовательно, соотнося свои желания и возможности: «Они сами не верят в то, что им удастся осуществить экономическую программу»³⁰⁸. В ситуации, когда в руководстве «братских партий» серьезно опасались, что дестабилизация ситуации в Чехословакии может спровоцировать цепную реакцию в соседних социалистических странах (что, в частности, подтверждали мартовские демонстрации студентов в Польше, проходившие под лозунгом «Польша ждет своего Дубчека»³⁰⁹), для Ульбрихта становилось стратеги-

³⁰⁷ История Германской Демократической Республики / под ред. В. Д. Кульбакина. — М., 1979. — С. 495.

³⁰⁸ РГАНИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 234. Л. 24—25.

³⁰⁹ Волобуев В. В. Об отношении польского общества к реформам в Чехословакии в 1968 г. // 1968 год. «Пражская весна» (Историческая ретроспектива). — М., 2008. — С. 465—468.

чески важно убедить партийную номенклатуру в том, первопричину кризиса следует искать не столько в самом курсе реформ как таковом, сколько в проявленной руководством КПЧ управленческой несостоятельности. Ответственность за крах чехословацкого реформизма, таким образом, возлагалась на Центральный комитет КПЧ, продемонстрировавший «разброд и шатания, отсутствие ясности и твердого руководства»³¹⁰. Исходя из этого, в заявлениях официальных лиц СЕПГ всегда особо подчеркивалось, что в отличие от Чехословакии в ГДР, где «партия активно работает над решением важнейших народнохозяйственных задач, широко ведет политико-разъяснительную работу», «нет оснований опасаться возникновения обстановки, аналогичной обстановке в ЧССР»³¹¹.

Помимо этого, «бастион социализма на Западе» традиционно испытывал серьезное информационное давление со стороны ФРГ, с пристальным вниманием следившей за происходящими в соцлагере изменениями. По мнению западногерманских исследователей, уже сам факт проведения подобных реформ свидетельствовал о неразрешимых противоречиях между «требованиями развития индустриального общества и «коммунистическими методами господства», что создавало предпосылки если не к реставрации капитализма, то к превращению ГДР в некое принципиально новое общество «социалистического типа»³¹². Данная точка зрения оказалась

³¹⁰ «Пражская весна» и международный кризис 1968 г.: Документы. — М., 2010. — С. 21—23.

³¹¹ Там же. С. 23.

³¹² См., например: Сухоруков С. Р. Новый подход к истории ГДР // Историография всеобщей истории. — Куйбышев, 1976. — С. 99; Хасенов М. Х. Теория и программа СЕПГ по строительству развитого социалистического общества в ГДР в интерпретации буржуазной политологии // Западногерманская буржуазная историография о проблемах всеобщей истории. — Караганда, 1988. — С. 75—76.

особо созвучна тезису о необходимости «изменения социализма изнутри», получившему в условиях нарастания кризиса самое широкое распространение в ЧССР.

Во многом поэтому в оценке ГДР чехословацкого кризиса всячески усиливалась роль внешнего фактора, прежде всего — вмешательства ФРГ во внутренние дела Чехословакии, а также подрывным акциям «наиболее реакционных кругов» по идеологическому и экономическому воздействию на отдельные социалистические стран, имевшее своей целью ослабить единство всего содружества³¹³. Заведующий отделом соседних стран МИД ГДР Р. Хельмер в беседе 19 марта 1968 г. с советником посольства СССР в Берлине В. П. Гренковым отмечал, что «...любой успех враждебных социализму сил в этих странах (Польше и Чехословакии — *Б. Я.*) был бы использован ... империализмом для того, чтобы создать подобную обстановку и в ГДР, нанести удар против СЕПГ и социалистического строя нашей республики, поставить СЕПГ и ГДР в положение изоляции»³¹⁴. В этой связи серьезные опасения вызывала возможность переориентации внешнеполитического курса Чехословакии. Так, Хельмер подчеркивал, что «...появляющиеся все чаще заявления о необходимости придания внешней политике ЧССР “самостоятельного характера”, конечно,стораживают ... и следует ожидать, что изменения во внешней политике ЧССР все же произойдут, по всей вероятности не в пользу ГДР, не в интересах всего социалистического содружества»³¹⁵.

³¹³ Подробнее см.: Филитов А. М. СССР, ФРГ и чехословацкий кризис 1968 г. // «Пражская весна» и международный кризис 1968 г.: статьи, исследования, воспоминания. — М., 2010. — С. 80—95.

³¹⁴ «Пражская весна» и международный кризис 1968 г.: Документы. — М., 2010. — С. 21.

³¹⁵ Там же. С. 24.

Сам Ульбрихт даже допускал потенциальную угрозу прямой военной агрессии ФРГ в отношении социалистических стран в Европе, призывая союзников по блоку рассматривать события в Чехословакии в контексте «новой восточной политики» Бонна, взявшую на вооружение так называемую концепцию «наведения мостов» — тактику выборочного «размягчения социалистических стран ... под лозунгом безопасности в Европе...»³¹⁶. Обращаясь к опыту налаживания «особых отношений» ФРГ с Румынией в 1967 г., он заявил на совещании в Москве 8 мая 1968 г., что СЕПГ точно «берут в двойные политические тиски»³¹⁷.

Потеря КПЧ контроля над средствами массовой информации привела в результате к тому, что ситуация в Чехословакии все больше обрастала слухами и домыслами. В условиях образовавшегося информационного вакуума степень доверия к заверениям Дубчека в способности своими силами контролировать ситуацию в стране стремительно падала³¹⁸. Существенные изменения претерпела и позиция советского руководства, все больше склонявшегося к необходимости силового решения кризиса. В ночь с 20 на 21 августа 1968 г. в Чехословакию был введен воинский контингент пяти стран Варшавского договора — Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши и СССР.

Поражение «пражской весны» стало поворотным моментом в истории международного коммунистического движения. Если в официальных заявлениях советского руководства военная акция августа 1968 г. рассмат-

³¹⁶ Цит. по: Вильке М. ГДР в интервенционной коалиции против «социализма с человеческим лицом» // «Пражская весна» и международный кризис 1968 г.: статьи, исследования, воспоминания. — М., 2010. — С. 159.

³¹⁷ Там же.

³¹⁸ Филитов А. М. СССР, ФРГ и чехословацкий кризис 1968 г. // «Пражская весна» и международный кризис 1968 г.: статьи, исследования, воспоминания. — М., 2010. — С. 89.

ривалась в качестве подтверждения интернациональной сплоченности стран социалистического содружества в деле сохранения мира и борьбы за европейскую безопасность против «контрреволюционных сил, вступивших в сговор с враждебными социализму внешними силами»³¹⁹, то с политической точки зрения она обернулось катастрофой. Издержки вторжения, как заметил американский политолог Иржи Валента, были значительно более высокими, чем это могло бы показаться на первый взгляд³²⁰: действия СССР подверглись критике и обвинениям в имперских амбициях со стороны Китая, Румынии, Югославии, Албании, а также коммунистов западноевропейских стран. Вопреки этому советское руководство обосновывало необходимость применения крайних мер в отношении ЧССР «социалистической солидарностью», исходившей в теоретическом плане из общности исторических судеб стран, выбравших путь социалистического развития. На Западе данная концепция взаимоотношений стран «социалистического содружества», допускавшая взаимное ограничение суверенитета в случае угрозы всему содружеству, получила название «Доктрины Брежнева»³²¹. И хотя данная концепция сохраняла за местным партийным руководством неотъемлемое право определять формы и методы социалистического строительства в своей стране, на что обращал внимание и сам Ульбрихт еще 23 марта 1968 г. на совещании в Дрездене³²², путь экономических преобразований был в значительной мере дискредитирован. События в Чехослова-

³¹⁹ Правда. 1968. 21 августа.

³²⁰ Валента И. Советское вторжение в Чехословакию. 1968. — М., 1991. — С. 208.

³²¹ Лунев С. И. Становление политики разрядки (1962—1968) // Системная история международных отношений в двух томах / под ред. А. Д. Богатурова.— М., 2006. — С. 326—328.

³²² Вильке М. ГДР в интервенционной коалиции против «социализма с человеческим лицом» // «Пражская весна» и международный кризис 1968 г.: статьи, исследования, воспоминания. — М., 2010. — С. 160.

кии в представлении партийной номенклатуры СЕПГ, как уже отмечалось, явились следствием децентрализации хозяйственного процесса, спровоцировавшим подрыв руководящей роли партии. Этот аргумент среди прочих успешно использовал в противостоянии с Ульбрихтом будущий первый секретарь СЕПГ Эрих Хонеккер, «усматривавший» в реформаторских начинаниях своего оппонента угрозу социальному спокойствию в ГДР и, как следствие, политической стабильности. Перспектива стагнации восточногерманской экономики из-за отказа от реформ представлялась на тот момент гораздо менее очевидной, нежели возможность повторения событий «пражской весны», но уже на немецкой земле³²³. Однако наиболее ярко кризисные явления во внешней политике ГДР проявились в конце 1960-х гг. и были связаны с началом проведения в ФРГ правительством В. Брандта «новой восточной политики».

³²³ Бетмакаев А. М. Ульбрихт и экономическая политика в ГДР (1949—1971) // Власть, политика и идеология в истории Европы. — Барнаул, 2005. — С. 137—138; Ватлин А. Ю. ГДР: Строительство социализма в эпоху В. Ульбрихта (1945—1971) // Германия в XX веке. — М., 2002. — С. 195—196.

§ 3.2. ГДР и «новая восточная политика» Вилли Брандта

В отношении «новой восточной политики» в советской историографии сложилось устойчивое представление как об объективно «вынужденной уступке» правящих кругов ФРГ перед лицом укрепления социалистического лагеря и изменения «реального» соотношения сил в мире. С этой точки зрения, определенная корректировка внешнеполитического курса не могла служить свидетельством отказа от прежних «империалистических» претензий Бонна, ибо подлинной трансформации «классовой сущности» западногерманского режима не произошло. В этом отношении весьма показателен труд коллектива ученых ГДР «Внешняя политика и международные отношения ГДР», в котором четко проводится мысль о том, что успехи социалистических стран и международного рабочего движения, достигнутые в совместной антиимпериалистической борьбе, явились именно тем фактором, который привел к изменению соотношения сил на международной арене в пользу социализма в целом, и, тем самым, к завоеванию и укреплению международных позиций ГДР в частности³²⁴.

«Новая восточная политика» рассматривалась преимущественно через призму взаимоотношений Советского Союза и ФРГ. Причиной этого стало «адресное» признание Западом руководящей роли СССР по отношению к странам «социалистического содружества»: фактическое решение о признании незыблемости послевоенных границ в Европе, зафиксированное в Московском договоре 1970 г., принималось без участия Польши и ГДР, о границах которых прежде всего и шла речь. Для дипломатов ФРГ, чьи внешнеполитические инициативы, как правило, упирались в принципиальность руководства этих стран, это был исключительно важный тактический маневр. Кроме того, попытки установления прямых двухсторонних соглашений могли быть неверно интерпретированы советской стороной

³²⁴ Внешняя политика и международные отношения ГДР. — М., 1974. — С. 22.

как подрывные действия в отношении стран Восточного блока по аналогии с налаживанием «особых отношений» с Румынией в 1966—1967 гг. в духе концепции «наведения мостов», а также событиями 1968 г. в Чехословакии³²⁵.

Более того, сама по себе ФРГ на международной политической арене, как правило, воспринималась не столько в качестве самостоятельного игрока, сколько в качестве носителя идей «атлантической» военно-политической системы, в результате чего любые контакты Москвы и Бонна неизбежно соотносились с глобальным контекстом блокового противостояния Советского Союза и США. При этом внешняя политика ФРГ хоть и отвечала общей стратегии США в Европе, но все же имела с ней достаточно ограниченную сферу совпадения интересов. Американско-западногерманское партнерство складывалось из различия положения, роли и возможностей этих стран в мировой и европейской политике. Без помощи США ФРГ могла выступать только с декларированием своих требований, но не могла проводить практическую дипломатию по их реализации³²⁶.

³²⁵ Филитов А. М. Германия в советском внешнеполитическом планировании. 1941—1990. — М., 2009. — С. 292—293; 300—301; Филитов А. М. Советский Союз и «новая восточная политика» ФРГ // Холодная война и политика разрядки: дискуссионные проблемы. — М., 2003. — С. 184; Липкин М. А., Филитов А. М. Развитие новых форм сотрудничества в эру разрядки: советско-западногерманские отношения в конце 1960-х — начале 1970-х гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2015. Выпуск 2 (35) [Электронный ресурс]. URL: <http://history.jes.su/s2079878400009896-1> (дата обращения: 11.11.2017).

³²⁶ Нарочницкая Н. А. США и «новая восточная политика» ФРГ. — М., 1977. — С. 7; 13; Новик Ф. И. Восточная политика ФРГ в 70-х гг. // Ежегодник германской истории. — М., 1982. — С. 73.

Но все же главным препятствием, лишившим советских исследователей возможности объективной оценки роли «фактора ГДР» в процессе европейской разрядки, становилась официальная позиция ГДР, декларировавшая свою безоговорочную приверженность миролюбивой политике СССР, основываясь, как считалось, на классовой однородности общественно-политического строя СССР и ГДР. В научной литературе двух стран, следовавшей за официальными заявлениями партийного руководства, всячески подчеркивалось, что «залог успешного продвижения вперед всего социалистического содружества — успешное развитие каждой из входящих в него стран»³²⁷, что исключало уже саму возможность для возникновения разногласий. Национальные интересы отдельных социалистических стран были, таким образом, органично растворены в коллективном интересе всего содружества. Тот же самый подход распространялся и на сферу внешней политики. Так, отмечая внешнеполитические успехи ГДР, уточнялось, что они в первую очередь связаны с историческими достижениями СССР в борьбе за разрядку международной напряженности и упрочнение мира³²⁸. Подобная установка в теоретическом плане опиралась на ленинский принцип сочетания национального и интернационального, что позволяло с формальной точки зрения отметить обвинения Запада в подавлении Советским Союзом национальных интересов отдельных стран

³²⁷ См., например: X съезд Социалистической единой партии Германии. — М., 1982. — С. 17—18.

³²⁸ Гроссман А. С. СССР—ГДР: сотрудничество и сближение (новейшая историография истории ГДР и отношений двух стран 1979—1984) // Историография проблем международных отношений и национальных движений в странах Западной Европы и Северной Америки. — М., 1985. — С. 24; ГДР: становление и рост / под ред. А. Я. Богомолова. — М., 1977. (DDR: Werden und Wachsen. Berlin, 1974.) — С. 450.

Восточного блока и подчинении их политической воли интересам СССР³²⁹. Этому противопоставлялись разногласия в лагере западных стран, дававшие повод делать вывод о вынужденном характере союза ФРГ и США, в котором каждый из участников искал пути решения своих собственных внешнеполитических задач за счет другого³³⁰.

Однако именно подобная, «безальтернативная», как считалось на Западе, солидарность в действиях социалистических стран на международной политической арене долгое время служила основанием для западных публицистов называть ГДР вовсе не «бастионом социализма», а «бессловесной колонией» Советского Союза. Внешняя же политика стран Восточного блока в целом, хоть и с небольшими отступлениями, но все же ставилась в зависимое от СССР положение³³¹. Свою негативную роль сыграла и западная риторика в «холодной войне», характеризовавшая ГДР исключительно в качестве искусственного образования, чуждого интересам немецкого народа. В этом кроются причины того, что западные ученые в своих попытках научного анализа взаимоотношений социалистических стран неизбежно оказывались в плену идеологических штампов, совершенно не допуская вариативности принятия отдельными участниками «содружества» самостоятельных решений — долгое время характерным было и вос-

³²⁹ Гроссман А. С. СССР—ГДР: сотрудничество и сближение (новейшая историография истории ГДР и отношений двух стран 1979—1984) // Историография проблем международных отношений и национальных движений в странах Западной Европы и Северной Америки. — М., 1985. — С. 20—21.

³³⁰ Нарочницкая Н. А. США и «новая восточная политика» ФРГ. — М., 1977. — С. 6—7.

³³¹ Виноградов В. И. Из истории нормализации и развития взаимоотношений ГДР и США // Германское рабочее и демократическое движение в новейшее время. Вып. V. — Вологда, 1977. — С. 102; Сухоруков С. Р. Актуальные проблемы истории ГДР в западногерманской историографии // Ежегодник германской истории. — М., 1981. — С. 224—225.

приятие руководящей элиты стран Восточного блока как некоего монолита. Следуя такой логике, координация внешнеполитической деятельности понималась исключительно как согласование высшим партийным руководством шагов тактического порядка, никак не влияющим на долгосрочное стратегическое планирование, в то время как на самом деле выработке единого внешнеполитического курса социалистических стран уделялось огромное внимание. И далеко не всегда принятое в конечном счете решение находило единодушную поддержку всех заинтересованных сторон. Этот феномен получил название «внутрисистемного инакомыслия»³³².

В силу обозначенных причин из внимания исследователей нередко ускользала схожесть ситуации, в которой оказались в конце 1960-х гг. оба немецких государств: к этому времени резко обозначился кризис внешнеполитических доктрин взаимного непризнания ГДР и ФРГ, строившихся на постулате о неправомерности притязаний одного из германских государств в одиночку представлять интересы всего немецкого народа в целом. Вопрос правового статуса обоих немецких государств в системе международных отношений становился серьезным препятствием для разрядки международной напряженности.

Как отмечает Х. Альтрихтер, политика жесткого неприятия послевоенных реалий и упорное отстаивание позиции, при которой возможность любых шагов к «разрядке» ставилась в зависимость от прогресса в германском вопросе, — «все это грозило изоляцией самой ФРГ, утратой поддержки со стороны союзников и уходом в политическое небытие»³³³

³³² О термине см.: Филитов А. М. Германия в советском внешнеполитическом планировании. 1941—1990. — М., 2009. — С. 10.

³³³ Альтрихтер Х. От холодной войны к «Общевропейскому дому» // Россия — Германия: вехи совместной истории в коллективной памяти. Т. 3. XX в. — М.: ГАУГН-Пресс; ООО «Интеграция: Образование и Наука», 2015. — С. 285.

Приход к власти в ФРГ в октябре 1969 г. Вилли Брандта и социал-демократов, выступивших с качественно новой внешнеполитической платформой, отражал объективную необходимость включения в этот процесс Германии. Ситуация усугублялась тем, что внешнеполитическое развитие ФРГ оставалось на необычайно низком уровне, в то время как успехи экономики при иной ситуации позволяли бы западногерманскому руководству выступать на мировой арене с совершенно иных позиций³³⁴. Данное несоответствие определило то значение, которое Брандт придавал успеху реализации «новой восточной политики». Он не скрывал, что «...восточная политика, помимо всего прочего, преследует цели добиться для Федеративной Республики равноценного положения также по отношению к нашим западным партнерам»³³⁵. Не случайно с самого начала развертывания интеграционных процессов в Западной Европе ФРГ рассматривала свое участие в таких транснациональных объединениях, как Европейское объединение угля и стали (1951 г.) и Европейское сообщество по атомной энергии (1957 г.), в качестве средства достижения большей политической самостоятельности, а в перспективе — и признания своего суверенитета. Аналогично этому решалась задача преодоления дипломатической блокады и руководством ГДР — через совершенствование и координацию внешнеэкономической деятельности стран-членов СЭВ. Отдельные направления экономической дипломатии ГДР составляли развитие торговых связей с развивающимися странами и участие в работе Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД).

Одновременно с этим западногерманские публицисты тех лет, отмечая рост влияния ГДР в Восточном блоке, пытались доказать, что эконо-

³³⁴ Кремер И. С. ФРГ: этапы «восточной политики». — М., 1986. — С. 122—123; 128.

³³⁵ Новик Ф. И. Восточная политика ФРГ в 70-х гг. // Ежегодник германской истории. — М., 1982. — С. 73.

мическое сотрудничество в рамках СЭВ противоречит ее национальным интересам и ущемляет суверенитете; нередко можно было встретить утверждения, что зависимость от экспортных поставок Советского Союза вынужденно ограничивала свободу действий ГДР во внешней торговле с капиталистическими странами, в том числе с ФРГ³³⁶. Проведение в ГДР в середине 1960-х гг. экономических преобразований дало основание говорить о наличии противоречия между требованиями индустриального развития общества и коммунистическими методами управления экономикой и, как следствие, необходимости «изменения социализма изнутри». Новая экономическая модель, принятая VI съездом СЕПГ в январе 1963 г., истолковывалась на Западе как проявление элементов капиталистического хозяйствования, на основании чего делался вывод о том, что ГДР потеряла перспективы дальнейшего социалистического строительства и находится на пути к реставрации капитализма, что создает возможность для устранения конфликтов между двумя германскими государствами и конвергенции их общественно-политических систем³³⁷.

Необходимо подчеркнуть, что идеологическое противостояние ГДР и ФРГ весьма ограничено распространялось на сферу их экономического сотрудничества, в котором оказывались заинтересованы оба немецких государства. В частности, на переговорах, предшествовавших заключению в 1957 г. Римских соглашений, было принято требование ФРГ не считать «советскую зону оккупацию», иначе говоря — ГДР, иностранной держа-

³³⁶ Osten W. Die Aussenpolitik der DDR im Spannungsfeld zwischen Moskau und Bonn. — Opladen, 1966. — S. 65—67.

³³⁷ Ватлин А. Ю. ГДР: Строительство социализма в эпоху В. Ульбрихта (1945—1971) // Германия в XX веке. — М., 2002. — С. 190. С. 102; Сухоруков С. Р. Актуальные проблемы истории ГДР в западногерманской историографии // Ежегодник германской истории. — М., 1981. — С. 221.

вой, а значит и торговлю между ними следовало рассматривать исключительно как внутригерманскую, не облагаемую таможенными сборами и пошлинами³³⁸. Советское руководство с неодобрением отмечало рост значения внутригерманской торговли для ГДР и существенное усиление в связи с этим экономического давления на нее ФРГ. Как следовало из протокола заседания Политбюро ЦК КПСС от 1 декабря 1969 г. «...в настоящее время торговля между ГДР и ФРГ достигла или приближается к такому рубежу, переход которого был бы чреват нежелательными политическими последствиями»³³⁹.

Таким образом, оба немецких государства вынужденно шли на определенный политический риск, прилагая максимум усилий для интенсификации собственного экономического развития. Но если руководство ФРГ все же старалось проводить достаточно гибкий курс по отношению к внешней политике США в регионе, то Ульбрихт принципиально отстаивал за собой право на определение позиции социалистического лагеря по отношению к ФРГ, что не могло не вызвать определенного раздражения СССР. Сложившаяся ситуация, несмотря на известный популизм внешнеполитических заявлений Брандта, создавала благоприятные перспективы для советско-западногерманского экономического сближения. Как следовало из протокола заседания Политбюро ЦК КПСС от 1 декабря 1969 г., советское руководство придерживалось мнения, что именно заинтересованность деловых кругов ФРГ в дальнейшем развитии торговых отношений с СССР удерживает правительство ФРГ от шагов, заключающих в себе опасность обострения отношений со странами социалистического содру-

³³⁸ Грюнер В. Европейская интеграция и германский вопрос с 1945 г.: проблемы и перспективы // История европейской интеграции (1945—1994) / под ред. А. С. Намазовой и Б. Эмерсона. — М., 1995. — С. 86, 90.

³³⁹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 304. Л. 23

жества. Это, в частности, подтверждалось положительной динамикой установления и поддержания прямых контактов советских внешнеторговых объединений с западногерманскими фирмами на протяжении 1969 г. С учетом того, что в 1970 г. вступало в силу положение, ограничивающее страны ЕЭС в заключении двухсторонних договоров, возможность подписания долгосрочного торгового соглашения отвечала как интересам СССР, считавшим предпринимаемые странами Общего рынка «защитные мероприятия» дискриминационными, так и интересам ФРГ, нуждавшейся в укреплении своих позиций в конкурентной борьбе с американскими, британскими, французскими и японскими предприятиями³⁴⁰.

Опасения, вызываемые очевидной заинтересованностью Москвы в улучшении отношений с Бонном, заставили В. Ульбрихта направить усилия внешней политики ГДР на консолидацию позиции социалистического содружества в отношении «новой восточной политики» В. Брандта. 3—4 декабря 1969 г. по инициативе ГДР в Москве состоялась встреча руководства стран восточного блока. Позиции СССР и ГДР в оценке прихода к власти социал-демократов и образования нового западногерманского правительства оказались в значительной мере схожими. Так, по мнению Ульбрихта, смена правительства ФРГ не только не привела к каким-либо коренным изменениям во власти, но более того — дополнила и усилила ее, включив в правящие круги Западной Германии социал-демократические силы, тесно связанные с рабочим классом, и сбалансировав, тем самым, общественные настроения внутри страны³⁴¹. Однако, если Л. И. Брежнев все также допускал использование сложившейся ситуации для решения задач «на перспективу» и готовность принимать в этой связи компромиссные решения, то Ульбрихт в категоричной форме указывал на принципиальную

³⁴⁰ Там же. Л. 19—20.

³⁴¹ РГАНИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 410. Л. 7; 10—11.

невозможность социалистических стран предпринимать какие-либо шаги навстречу ФРГ, тем более — в одностороннем порядке без согласования с остальными участниками содружества. Основным условием ведения диалога, как и прежде, оставалось взаимное международное признание ГДР и ФРГ: «только после этого... установление дипломатических отношений между странами народной демократии и ФРГ может быть политически приемлемым без ущерба для нашего общего дела»³⁴².

Наиболее близкую ГДР позицию вполне ожидаемо занимал первый секретарь Польской объединённой рабочей партии В. Гомулка, опасавшийся, что игнорирование интересов ГДР в настоящий момент автоматически допускало в дальнейшем возможность пересмотра ранее заключённых ею соглашений, а вместе с этим — и государственных границ Польши. Именно поэтому отправной точкой диалога с ФРГ следовало, по мнению Гомулки, считать окончательное и безоговорочное признание Западной Германией Згожелецкого договора между ГДР и ПНР от 6 июня 1950 г., зафиксировавшего границу между двумя странами по Одере и Нейсе, что отвечало бы «не только жизненным интересам Польши, но также интересам всех социалистических стран, интересам мира и безопасности в Европе»³⁴³.

Генеральный секретарь Болгарской коммунистической партии Тодор Живков вовсе заявил, что для нормализации отношений с ФРГ еще не сложились необходимые условия. По его мнению, шаткое положение Брандта в бундестаге вынуждает последнего пытаться укрепить свое положение во власти за счет популистских дипломатических заявлений, за которыми не последует конкретных действий. Подлинные же намерения

³⁴² Там же. Л. 33.

³⁴³ Там же. Л. 42.

нового правительства смогут показать только результаты возможных переговоров между ГДР и ФРГ «по вопросам об отношениях эти двух суверенных и независимых германских государств»³⁴⁴.

За согласованные с ГДР действия в отношении ФРГ выступал и первый секретарь Коммунистической партии Чехословакии Густав Гусак, но в отличие от Живкова он считал неправильным ограничиваться выжидательной позицией и требовал «побуждать Брандта к действиям, которые бы отвечали нашим целям и нашим намерениям». Гусак также с сожалением отмечал, что «новая восточная политика» все же обнаруживает в себе значительную преемственность прежнему внешнеполитическому курсу ФРГ³⁴⁵.

Наиболее осторожную позицию в рассматриваемом вопросе занимал генеральный секретарь Венгерской социалистической рабочей партии Янош Кадар, предложивший ограничиться в сотрудничестве с ФРГ, как и прежде, экономической его составляющей: «Большинство наших стран вот уже длительное время имеют широкие экономические связи с ФРГ. Это соответствует проводимому нами принципу мирного сосуществования. ... Расширение наших экономических связей с ФРГ может, по нашему убеждению, способствовать и достижению наших политических целей»³⁴⁶.

На этом фоне достаточно резко прозвучало выступление Генерального секретаря Румынской коммунистической партии Николае Чаушеску. По его мнению, недооценка положительного значения сдвигов в ФРГ может не только замедлить ритм улучшения международного положения в Европе, но и привести к повторению ошибок 1930-х гг., когда недооценка

³⁴⁴ Там же. Л. 12; 13—14.

³⁴⁵ Там же. Л. 24.

³⁴⁶ Там же. Л. 41.

роли социал-демократов в антифашистском фронте способствовала приходу Гитлера к власти³⁴⁷. Чаушеску призвал «придать большое значение расширению контактов... содействующих развитию отношений между каждой социалистической страной в отдельности и ФРГ», а также целесообразности любых действий, «которые бы могли привести к установлению дипломатических отношений между соцстранами и ФРГ», что, особо подчеркивал Н. Чаушеску, не должно ставиться под условие предварительного установления отношений между ГДР и ФРГ³⁴⁸.

Обмен мнениями по вопросу о выработке единой тактики в отношении ФРГ выявил разную степень готовности партийных лидеров к конкретным внешнеполитическим шагам. Заведомо ультимативный подход В. Ульбрихта, полагавшего, что «...ни о каком подчинении ГДР условиям боннского правительства не может быть и речи»³⁴⁹, лишала В. Брандта какой-либо свободы дипломатического маневра без риска для своего внутри- и внешнеполитического положения³⁵⁰, что подтвердили последовавшие за этим в марте и мае 1970 г. встречи В. Брандта и главы Совета министров ГДР В. Штофа. Побудить ГДР к сотрудничеству с ФРГ путем двусторонних переговоров без предварительной договоренности с СССР оказывалось невозможным³⁵¹. Изменение внутривосточной ситуации в ФРГ, открывавшее перед Советским Союзом новые перспективы во взаимоотношениях с Западом, все больше вступало в противоречие с позицией, занимаемой В. Ульбрихтом. Его расчет на то, что советско-

³⁴⁷ Там же. Л. 61.

³⁴⁸ Там же. Л. 55.

³⁴⁹ Там же. Л. 21.

³⁵⁰ Филитов А. М. Германия в советском внешнеполитическом планировании. 1941—1990. — М., 2009. — С. 287.

³⁵¹ Там же. С. 300—301.

западногерманские переговоры, начавшиеся в феврале 1970 г. со встречи министра иностранных дел СССР А. А. Громыко и личного эмиссара канцлера ФРГ Э. Баром, затянутся, а то и вовсе зайдут в тупик не оправдались³⁵².

12 августа 1970 г. между СССР и ФРГ был заключен Московский договор, зафиксировавший существующие послевоенные границы в Европе и отсутствие взаимных территориальных претензий. Его заключение, ставшее фактическим признанием суверенитета ГДР, послужило прологом к подписанию 21 декабря 1972 г. договора об основах отношений между ГДР и ФРГ.

Однако проявленная восточногерманским лидером непоследовательность по отношению к советской линии выстраивания диалога с ФРГ, позволила не только сплотить ряды его противникам в руководстве СЕПГ, но и серьезно восстановила против него даже преданных соратников³⁵³. Успех «новой восточной политики», ставшей символом перехода от конфронтации к разрядке международной напряженности, вместе с тем положил конец эпохе ограниченного реформизма В. Ульбрихта, официальная отставка которого с поста первого секретаря СЕПГ состоялась на XVI пленуме ЦК 3 мая 1971 г.

³⁵² Филитов А. М. Треугольник Москва—Берлин—Бонн и политика европейской разрядки в 1969—1970 гг. // Вопросы истории. 2017. № 1. С. 93—95.

³⁵³ Бетмакаев А. Хонеккер против Ульбрихта. Борьба за власть в руководстве ГДР в конце 60 х — начале 70 х гг. XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2005. Вып. 4. С. 14—15.

§ 3.3. Конфликт в руководстве СЕПГ: Хонеккер против Ульбрихта

Дипломатический прорыв 1970 г. поставил СССР перед необходимостью определенной корректировки своей внешнеполитической стратегии. На заседании Политического консультативного комитета ОВД 20 августа 1970 г. Л. И. Брежнев отметил, что именно «давление со стороны западногерманских монополий, заинтересованных в расширении надежных торговых связей с социалистическими странами, вынудило ФРГ пойти на улучшение отношений с Москвой»³⁵⁴. Тем самым большое значение в успехах на международной арене отводилось экономическому укреплению социалистического лагеря.

Кроме того, советское руководство было убеждено, что произошедшие в политике ФРГ изменения следует воспринимать как тактическую уступку западногерманского правительства, и что за разрядкой в отношениях с ФРГ неизбежно последует очередная попытка экономического и идеологического наступления Бонна на ГДР. Не случайно Л. И. Брежнев в своем выступлении особо подчеркнул, что теперь «предстоит большая и сложная работа по дальнейшему укреплению международных позиций ГДР как суверенного члена социалистического содружества, участника Варшавского договора»³⁵⁵. В этом отношении весьма показательна записка помощника по международным делам генерального секретаря ЦК КПСС Андрея Михайловича Александрова-Агентова от 6 августа 1970 г., в которой он настойчиво рекомендовал как никогда ранее активно использовать «потепление» политического климата для укрепления позиций социалистических стран на международной арене³⁵⁶.

³⁵⁴ РГАНИ. Ф. 10. Оп. 3. Д. 47. Л. 12, 20.

³⁵⁵ Там же. Л. 13.

³⁵⁶ РГАНИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 331. Л. 18.

Политические задачи оказывались таким образом тесно переплетены с решением вопроса о выработке наиболее эффективных форм экономического сотрудничества социалистических стран, которое на тот момент развивалось преимущественно на основе двусторонних договоров и практически и не использовало выгоды от международного разделения труда в рамках СЭВ.

При этом события 1967—1968 гг., предшествовавшие заключению Московского договора — установление дипломатических отношений между ФРГ и Румынией, а также подавление «пражской весны» — укрепили советское руководство во мнении, что ключевым условием успешного выполнения поставленных задач является строгая согласованность действий социалистических стран как во внешней политике, так и в сфере внешнеэкономического сотрудничества.

В. Ульбрихт, не желавший довольствоваться ролью статиста в ходе переговорного процесса между СССР и ФРГ, проявлял в своих действиях крайнюю непоследовательность, пытаясь одновременно сочетать неуступчивость по отношению к инициативам Бонна и гибкость в отношении позиции Москвы³⁵⁷. Учитывая стремление Советского Союза к нормализации отношений с ФРГ, Э. Хонеккер, прежде опасавшийся выступить против В. Ульбрихта открыто, в 1970 г. подверг критике уже не только на партийных функционеров — соратников В. Ульбрихта, но и важнейшие направления его политики, в том числе и в сфере экономики.

Конфликт между ними достиг апогея летом 1970 г., погасить который удалось благодаря личному вмешательству Л. И. Брежнева. Тем не

³⁵⁷ Подробнее об этом см.: Филитов А. М. Треугольник Москва—Берлин—Бонн и политика европейской разрядки в 1969—1970 гг. // Вопросы истории. 2017. № 1. С. 83—96.

менее, даже в такой момент, несмотря на явное недовольство действиями В. Ульбрихта, Л. И. Брежнев не решился пойти на смену руководства ГДР. По его мнению, данный процесс мог потребовать определенного времени, которым СССР не располагал³⁵⁸.

Советский посол в ГДР Пётр Андреевич Абрахимов в своих донесениях также предостерегал руководство СССР от принятия поспешных решений, полагая, что «в нынешний, весьма ответственный для ГДР и СЕПГ период, разумеется, особенно важно, чтобы возможные шероховатости в личных отношениях не наносили ущерба единству и коллективности руководства в решении крупных политических задач, стоящих перед партией и страной»³⁵⁹.

Опасения советского руководства нашли очень точное выражение в упоминавшейся нами ранее записке А. М. Александрова-Агентова. Так, придавая большое значение заключению договора с ФРГ «для упрочения мира в Европе и во всем мире», А. М. Александров-Агентов в тоже время исходил из предположения, что западногерманское правительство постарается воспользоваться моментом, чтобы «покрепче привязать к себе ГДР и ослабить влияние Советского Союза в других странах Варшавского договора». По его мнению, «...ситуация будет особенно опасной для ГДР в условиях, когда там происходит процесс смены поколений в руководстве и начались шатания и разногласия по принципиальным вопросам, включая национальный вопрос и проблему отношений с ФРГ...»³⁶⁰.

³⁵⁸ Бетмакаев А. М. Хонеккер против Ульбрихта. Борьба за власть в руководстве ГДР в конце 60-х — начале 70-х гг. XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2005. № 4. С. 14.

³⁵⁹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 497. Л. 142—143.

³⁶⁰ РГАНИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 331. Л. 18.

В многом поэтому в ходе личных встреч 28 июля с Э. Хонеккером и 21 августа 1970 г. с В. Ульбрихтом в Москве Л. И. Брежнев постарался избежать категоричной поддержки одного из оппонентов. Однако итоги московской встречи были расценены в СЕПГ как крах В. Ульбрихта³⁶¹. XIV пленум ЦК СЕПГ 9—10 декабря 1970 г. высоко оценил результаты выполнения пятилетнего плана 1966—1970 гг., но вместе с тем фактически подвел черту под реализацией «новой экономической системы»: были намечены меры по устранению тех недостатков в управлении промышленностью, которые согласно решениям пленума, затрудняли и тормозили поступательное развитие восточногерманской экономики. К их числу были отнесены неудачные структурные решения по децентрализации хозяйственного процесса, многократно увеличившие разрыв между возможностями предприятий, производящими конечную продукцию и предприятиями-поставщиками³⁶². Таким образом, несмотря на общую положительную динамику, плановые задания оказались завышены, а инвестиционные программы не сбалансированы, что имело крайне негативные социально-политические последствия, проявлявшиеся прежде всего в перебоях со снабжения населения товарами первой необходимости.

Как следовало из беседы начальника отдела Рихтера с заместителем представителя советской части Межправительственной комиссии в Берлине Н. Сторожевым, состоявшейся 5 января 1971 г., были намечены кадровые и организационные изменения в Госплане ГДР:

«...следовало ожидать, что Госплану будут переданы для балансирования дополнительные позиции народнохозяйственного плана, а в структурной схеме руководства произойдут соответствующие изме-

³⁶¹ Frank M. Walter Ulbricht. Eine deutsche Biographie. — Berlin, 2001. — S. 420.

³⁶² Беднарек Х. 1965—1970 гг. // ГДР: становление и рост / под ред. А. Я. Богомолова — М.: Прогресс, 1977. — С. 415—416.

нения в пользу текущего планирования и балансирования за счет сокращения работы по прогнозированию и перспективному планированию»³⁶³.

Ревизии были также подвергнуты и основные принципы реализации «новой экономической системы» во внешнеэкономической сфере. Данные изменения нашли достаточно полное отражение в материалах Отдела внешней торговли Секретариата СЭВ, относящихся к 1972 г., когда в ГДР была выработана единая точка зрения на «эксперимент» по реформированию организации внешней торговли. Особый интерес представляет выступление делегации ГДР на совещании руководителей министерств внешней торговли стран-членов СЭВ 4—7 сентября 1972 г., посвященном перспективам системы планового управления внешней торговлей. Как следовало из текста выступления, ключевым выводом из практических результатов «новой экономической системы» стало то, что децентрализация в управлении внешнеторговых организаций себя не оправдала и была признана на этом основании нецелесообразной³⁶⁴. Отмечалось, что тесная связь между внешней торговлей и производством хотя и имела определенные преимущества, но одновременно с этим создала новые, гораздо более существенные трудности для успешного применения государственной монополии внешней торговли: в частности, расширение прав объединений народных предприятий вело к подчинению деятельности внешнеторговых организаций интересам отдельных отраслей промышленности и, как следствие, усилению соответствующих ведомств, что было принципиально недопустимо³⁶⁵. Исходя из этого Совет министров ГДР уже в 1970 г. принял решение, согласно которому министерство внешнеэкономических связей

³⁶³ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 4687. Л. 2.

³⁶⁴ РГАЭ. Ф. 561. Оп. 17. Д. 87. Л. 409.

³⁶⁵ Там же. Л. 408.

ГДР по отношению к внешнеторговым организациям, не входящим в его прямое подчинение, получало право устанавливать плановые показатели, разбивку по торговым соглашениям, а также спускать обязательные к исполнению указания по текущей коммерческой деятельности. Кроме того, внешнеторговые организации были обязаны регулярно предоставлять в министерство внешнеэкономических связей ГДР подробный отчет о ходе реализации годовых планов³⁶⁶.

Претерпел изменения и порядок формирования премиального фонда производственных предприятий: начиная с 1971 г. нормативы отчислений из прибыли, дифференцированные в ходе реализации «новой экономической системы» по отраслям, были упразднены. Взамен этого размер ежегодных отчислений закреплялся в плане как фиксированная величина³⁶⁷. Прибыль как главный показатель эффективности деятельности внешнеторговых организаций также утрачивал прежнее значение. На первое место было выдвинуто выполнение плана валютных поступлений³⁶⁸.

В результате это привело к тому, что в нерентабельных областях вновь вводились государственные дотации для экспортных предприятий с тем, чтобы не допустить непредусмотренное планом уменьшение экспорта и, как следствие, поступлений валютной выручки из-за невыполнения контрактных обязательств по международным договорам.

Тем самым материальная заинтересованность работников в результатах деятельности предприятия фактически была сведена на нет. Попытки стимулировать инициативу трудящихся все больше приобретали мобилизационный характер и выражались в испытанном временем формате соци-

³⁶⁶ Там же. Л. 408—409.

³⁶⁷ Там же. Л. 405.

³⁶⁸ Там же. Л. 406.

алистических соревнований³⁶⁹. Идеино-политическая работа на производстве шла под лозунгом «Охватить всех, привлечь к работе каждого, никого не оставлять позади!»³⁷⁰.

Таким образом выбор между сохранением ограниченной самостоятельности отдельных хозяйственных единиц и усилением централизованного государственного планирования был решен в пользу последнего. При этом вопреки партийным установкам система внешнеторговых связей ГДР по-прежнему оставалась чрезмерно акцентирована на работу с западными рынками, что не давало возможности удерживать шаткое равновесие между планом и рынком в рамках социалистической модели общественно-экономического устройства достаточно долго — данный вопрос мог быть успешно разрешен либо в пользу дальнейшего расширения торговых связей с западными странами, а, следовательно, и совершенствования механизмов «новой экономической системы»; либо в пользу автаркической модели социалистической интеграции, которая бы минимизировала значение внешнеторговых операций за счет прямого товарообмена и взаимопомощи между социалистическими странами. При чем и в том, и в другом случае гарантировать устойчивость развития и конкурентоспособность экономики ГДР как части социалистического содружества могло только придание органам СЭВ наднациональных функций, что позволило бы как минимум избегать случаев конкуренции на внешних рынках, а как максимум — направлять и координировать экономическое развитие социалистических стран как единого хозяйственного комплекса.

Как уже отмечалось, руководство социалистических стран было не готово пойти на столь радикальные изменения, опасаясь, что формирова-

³⁶⁹ Там же. Л. 411.

³⁷⁰ История Германской Демократической Республики (1949—1979) / под ред. В. Д. Кульбакина. — М.: Наука, 1979. — С. 332.

ние единого экономического пространства внутри СЭВ положит конец их политической самостоятельности. В тоже время недостатки взаимного планирования внешнеторговых операций вынуждали страны-члены СЭВ искать пути выхода на рынки капиталистических стран самостоятельно. Однако для выгодного партнерства с западными фирмами, испытывавшим на себе сильное влияние рыночной конъюнктуры, от внешнеторговых организаций ГДР требовалась проявлять значительно большую гибкость, которую не могло обеспечить промышленное производство, зажатое в тиски плана. Полумеры по смягчению государственной монополии на внешнюю торговли за счет структурного сближения внешнеторговых организаций и объединений народных предприятий выводили результат их деятельности из спектра прогнозируемых, что было недопустимо не только исходя из хозяйственных соображений, но также и с идеологической точки зрения.

В этой ситуации В. Ульбрихт, усматривавший в повышении эффективности внешнеэкономического сотрудничества социалистического содружества основу укрепления суверенитета ГДР, оказался заложником проводимого им курса. Положение В. Ульбрихта усугубляло упорство, с которым он пытался направить политику СССР на путь конфронтации с Западом, отстаивая за ГДР преимущественное право определять линию всего социалистического содружества в вопросах отношений с ФРГ. 2 декабря 1970 г. в преддверии подписания договора о нормализации отношений между Польшей и ФРГ, намеченного на 7 декабря 1970 г., в Берлине состоялось заседание Политического консультативного комитета, на котором В. Ульбрихт высказал сомнения в реалистичности выполнения ФРГ взятых на себя обязательств. В ответ на замечание В. Гомулки, что «в нормализации отношений с соцстранами ФРГ заинтересована не меньше,

чем мы, а, может быть, даже и больше»³⁷¹, В. Ульбрихт возразил, что уже сейчас Бонн на международной арене «активно выступает с враждебными действиями против ГДР в нарушении буквы и духа взятых на себя обязательств...»³⁷². В ходе возникшей дискуссии наиболее емко выразить общее мнение лидеров социалистических стран удалось Г. Гусаку, заявившему, что «наши общие интересы, интересы всех государств Варшавского договора, социалистического лагеря должны стоять над частными ... это единственный принцип, который может принести нам успехи также и в ближайшем будущем»³⁷³. Тем самым, В. Ульбрихту давали понять, что позиция, которой он продолжал придерживаться и после заключения Московского договора, потеряла свою актуальность и даже шла вразрез со стремлением Советского Союза к взаимовыгодному диалогу с ФРГ.

Одновременно с этим в Польше развернулось забастовочное движение, вызванное решением ЦК ПОРП от 12 декабря 1970 г. о повышении цен на продовольствие, которое должно было стать отправной точкой в реализации экономической программы Болеслава Яшука³⁷⁴, имевшей безусловное сходство с «новой экономической системой». Протест охватил города Балтийского побережья — Гданьск, Гдыню, Щецин, став полной неожиданностью для польского руководства. Призывы Л. И. Брежнева найти политические методы разрешения кризиса встретили непонимание В. Гомулки, утверждавшего, что столкновения с рабочими носят исключи-

³⁷¹ РГАНИ. Ф. 10. Оп. 3. Д. 54. Л. 16—17.

³⁷² Там же. Л. 27.

³⁷³ Там же. Л. 24.

³⁷⁴ Польша в XX веке. Очерки политической истории / отв. редактор А. Ф. Носкова. — М.: Издательство «Индрик», 2012. — С. 730—732.

тельно политический, «контрреволюционный» подтекст и не имеют ничего общего с повышением цен³⁷⁵.

Тем не менее эскалацию кризиса удалось предотвратить. Под давлением Москвы 19 декабря 1970 г. В. Гомулка был вынужден покинуть пост первого секретаря Польской объединённой рабочей партии³⁷⁶. Отголоски «пражской весны», отчетливо проявившиеся в польских событиях — дестабилизация социально-политической обстановки в результате непродуманных мероприятий в экономике, потеря контроля за текущей ситуацией, а также бездействие и растерянность руководящих партийных работников в момент кризиса — все это вызвало серьезные опасения Л. И. Брежнева «потерять ГДР» в случае, если В. Ульбрихт ввиду излишней увлеченностью борьбой за власть, Подобные опасения умело использовал Э. Хонеккер, сумевший убедить генерального секретаря КПСС в необходимости скорейшей смены руководителя ГДР, дабы исключить саму возможность повторения «пражского» сценария. Заручившись поддержкой большинства членов Политбюро ЦК КПСС Э. Хонеккер 21 января 1971 г. направил в ЦК КПСС письмо, в котором обвинил В. Ульбрихта в «попытках ориентировать партию на нереальные цели, навязывании ей далеких от жизни, псевдонаучных и отчасти технократических теорий»³⁷⁷.

Следует отметить, что действия Э. Хонеккера в данной ситуации были обусловлены в первую очередь логикой внутрипартийной борьбы: выступив против В. Ульбрихта, он так или иначе выступил и против его линии экономического развития Восточной Германии, противопоставив ак-

³⁷⁵ Там же. С. 736.

³⁷⁶ Там же. С. 740.

³⁷⁷ Ватлин А. Ю. ГДР: строительство социализма в эпоху Ульбрихта (1945—1971) // Германия в XX веке. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. — С. 195.

тивной экономической дипломатии ГДР бескомпромиссную поддержку внешнеполитических инициатив Советского Союза.

11 апреля 1971 г. по итогам личной встречи в Москве Л. И. Брежнева и В. Ульбрихта сторонам удалось достигнуть взаимоприемлемого решения: В. Ульбрихт оставлял пост первого секретаря, становясь не предусмотренным уставом партии «почетным председателем» СЕПГ с сохранением за ним должности председателя Государственного совета ГДР. По мнению А. М. Бетмакаева, советское руководство намеренно пошло на сохранение за В. Ульбрихтом определенных властных позиций, рассматривая его в качестве противовеса амбициям Э. Хонеккера³⁷⁸.

XVI пленум ЦК СЕПГ, состоявшийся 3 мая 1971 г., удовлетворил просьбу В. Ульбрихта об освобождении его в связи с преклонным возрастом от обязанностей первого секретаря ЦК СЕПГ. До своей смерти 1 августа 1973 г. он оставался председателем Государственного совета ГДР.

Смена власти произошла без публичного признания конфликта внутри руководства СЕПГ, более того — советские историки, хотя и с некоторыми оговорками, но отстаивали взгляд на сохранение преемственности курса и не признавали попытки западногерманских исследователей разделять историю ГДР на «эпоху Ульбрихта» и «эпоху Хонеккера»³⁷⁹.

³⁷⁸ Бетмакаев А. М. Конфликты в руководстве ГДР в «эпоху Ульбрихта» (1949–1971 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2006. № 4. С. 57.

³⁷⁹ Хасенов М. Х. Теория и программа СЕПГ по строительству развитого социалистического общества в ГДР в интерпретации буржуазной политологии // Западногерманская буржуазная историография о проблемах всеобщей истории. — Караганда: Карагандинский государственный университет, 1988. — С. 75.

В тоже время в области внешней политики также, как и в экономике проявилось принципиальное различие между В. Ульбрихтом, рассматривавшим международно-правовое признание ГДР как средство расширения возможностей внешнеэкономической дипломатии для дальнейшего укрепления суверенитета восточногерманского государства, и Э. Хонеккером, который придерживался линии на «размежевание» (нем. *abgrenzung*) ГДР и ФРГ, исходя из тезиса о формировании особой восточногерманской идентичности. Тем самым новое руководство ГДР фактически подчинило процесс выстраивания политического диалога с ФРГ тем идеологемам, которые В. Ульбрихт использовал преимущественно в качестве формальных оснований для различных дипломатических маневров.

В этом отношении весьма показательная записка А. М. Александрова-Агентова от 17 августа 1972 г., в которой он охарактеризовал позицию Бонна накануне официальных переговоров с ГДР:

«...ясно видно, что предстоит трудная и, видимо, долгая политическая борьба. Правительство Брандта не меньше, чем буржуазная оппозиция, будет настаивать на тезисе “единства германской нации” и будет расчищать пути к будущему “объединенной Германии”.

Конечно, немецкие друзья не могут и не должны принимать подобные требования Бонна. Однако, чтобы избежать безнадежного тупика в переговорах и не отдавать немецкого национального вопроса целиком на откуп буржуазии, чем следовало бы, подумать об уточнении своего толкования проблемы немецкого единства, — не исключая его на в будущем на социалистической основе»³⁸⁰.

Свое теоретическое обоснование политика «размежевания» получила на VIII съезде СЕПГ 15—19 июня 1971 г., который декларативно отверг

³⁸⁰ РГАНИ Ф. 80. Оп. 1. Д. 331. Л. 56

тезис западногерманского правительства об «особых внутригерманских отношениях» и существующем единстве немецкой нации. Съезд указал на то, что вся вина за раскол страны ложится на «германскую монополистическую буржуазию», которая по этой причине утратила какое-либо право возглавлять нацию, и что рабочий класс был призван стать во главе нее и обновить на подлинно демократической, социалистической основе. Как подчеркивал в своем обращении к съезду Э. Хонеккер, ГДР «навечно вошла в мировую систему социализма, закономерно углубляется ее интеграция в содружестве социалистических государств»³⁸¹. В соответствии с этим в новую редакцию Конституции ГДР, утвержденную 7 октября 1974 г., было внесено положение о том, что ГДР является «неотъемлемой частью социалистического сотрудничества», а союзнические отношения с СССР «вечны и нерушимы»³⁸². Восточногерманская историография в данном контексте также подчеркивала, что прорыв в отношениях двух германских государств в 1971—1973 гг. стал возможен исключительно благодаря активной внешней политике СССР, направленной на укрепление всего социалистического содружества³⁸³.

Смена власти в ГДР устранила препятствия на пути к заключению 3 сентября 1971 г. четырехстороннего соглашения по Западному Берлину³⁸⁴, которое позволило достичь 17 декабря 1971 г. взаимоприемлемых

³⁸¹ Там же. С. 25—27.

³⁸² Германская Демократическая Республика: Конституция и законодательные акты / под ред. И. П. Ильинского. — М., 1979. — С. 27.

³⁸³ Дёрнберг С. О периодизации внешней политики ГДР // Ежегодник германской истории. — М.: Наука, 1982. — С. 46.

³⁸⁴ История внешней политики и международных отношений СССР: в 3 т. — М.: Международные отношения, 1987. — Т. 3 (1970—1987) / под ред. Г. В. Фокеева. — С. 80—82.

условий транзитного сообщения гражданских лиц и грузов между ФРГ и Западным Берлином³⁸⁵. 26 мая 1972 г. в дополнение к транзитному соглашению был подписан Транспортный договор³⁸⁶.

После подписания 21 декабря 1972 г. договора об основах отношений между ГДР и ФРГ начинается международно-правовое признание восточногерманского государства³⁸⁷. За период 1949—1963 гг. ГДР признали 13 социалистических стран, за 1964—1972 гг. — 16 развивающихся, за 1972—1974 гг. — 80 развитых и развивающихся стран.

12 июня 1973 г. правительство ГДР направило генеральному секретарю ООН официальное заявление о приеме в ООН. Вскоре после этого аналогичное заявление было подано и правительством ФРГ. 18 сентября 1973 г. Генеральная ассамблея ООН приняла ГДР и ФРГ в члены ООН.

Восточногерманские историки, несмотря на парадность формулировок, очень точно оценивали прием ФРГ и ГДР в ООН как «событие огромного политического значения», ставшее возможным «в особенности благодаря усилиям Советского Союза и всего социалистического содружества государств»³⁸⁸, — внешняя политика ГДР после отставки В. Ульбрихта развивалась в русле разрядки, следуя приоритетам, определяемым СССР. Однако уже само по себе подписание Договора об основах отношений

³⁸⁵ Беспалов В. А. Западноберлинский транзит (1945—1971): дипломатия холодной войны. — М.: Российский институт стратегических исследований, 2015. — С. 286.

³⁸⁶ История внешней политики и международных отношений СССР: в 3 т. — М.: Международные отношения, 1987. — Т. 3 (1970—1987) / под ред. Г. В. Фокиева. — С. 83.

³⁸⁷ Договор об основах отношений между ГДР и ФРГ // История Германии / под ред. Б. Бонвеча и Ю. В. Галактионова. — Кемерово, 2005. — Т. 3 (Документы и материалы). С. 476—478.

³⁸⁸ Шпрете В. ГДР и Организация объединенных наций // Внешняя политика и международные отношения Германской Демократической Республики. — М.: Прогресс, 1974. — С. 259.

подтверждало де-факто крах ультимативной по своему содержанию политики, проводившейся ФРГ на протяжении предшествовавших 20 лет³⁸⁹.

При этом аналитические материалы, направленные в феврале—апреле 1973 г. в МИД СССР «немецкими друзьями», в частности, Институтом международной политики и экономики ГДР, красноречиво свидетельствовали о том, что Бонн не спешил отказываться от цели решить в перспективе германский вопрос в свою пользу. В публичных заявлениях официальных лиц ФРГ и публикациях в средствах массовой информации международное признание ГДР выдавалось за результат «восточной политики» ФРГ — уступку западногерманского правительства, стремящегося не допустить размежевания ГДР и ФРГ, препятствовать процессу взаимного отчуждения немцев³⁹⁰. Договор об основах отношений трактовался исключительно как документ, подтверждавший «особые отношения между двумя германскими государствами»³⁹¹. При этом основной упор делался на тезис о «единстве немецкой национальной культуры»³⁹², которая сохраняла основу для «будущего германского мирного урегулирования», «самоопределения немецкой нации» и даже «объединения германии»³⁹³.

Однако несмотря на активизацию западногерманской пропаганды, перспектива восстановления единства Германии начиная с 1973 г. не рассматривалась ни на Западе, ни на Востоке как вопрос текущей политики: оба блока не проявляли заинтересованность в изменении сложившегося статус-кво в Европе. При обсуждении 13 июня 1973 г. договора об основах

³⁸⁹ Меден Н. К. ГДР // Центрально-Восточная Европа во второй половине XX в. в 3 томах. Т. 2. От стабилизации к кризису (1966—1989). — М.: Наука, 2002. — С. 424.

³⁹⁰ АВП РФ. Ф. 742. Оп. 18. П. 57. Д. 19. Л. 32.

³⁹¹ Там же. Л. 25.

³⁹² Там же. Л. 27.

³⁹³ Там же. Л. 33.

отношений в Народной палате ГДР министр иностранных дел ГДР Отто Винцер категорично заявил, что:

«Выдвигаемый в авторитетных кругах тезис о возможности “мирного” устранения границ на основе соглашения игнорирует политическую реальность. Абсурдно думать, что социалистическая ГДР могла бы и стала бы когда-либо вести переговоры с капиталистической ФРГ о “мирном” устранении существующей границы между двумя странами с противоположными государственным и общественным строем»³⁹⁴.

В то же время заключение «восточных договоров», как отмечает А. М. Филитов, оказало парализующее влияние на советское внешнеполитическое планирование в отношении всего политического пространства Германии, вынудив советскую дипломатию перейти к выстраиванию отношений с ФРГ и ГДР как с любыми другими государствами-соседями, имея при этом в виду гипотетическую возможность их объединения, которой не только не следовало руководствоваться в практической плане, но напротив — всячески пресекать попытки ФРГ спекулировать на этой теме³⁹⁵.

Здесь следует отметить, что при всех заявлениях ГДР о «размежевании», «особый» характер германо-германских экономических отношений подтверждало сохранение существующих практик внутригерманской торговли. Более того, «торговля между ФРГ и ГДР на основе существовавших ранее соглашений» была закреплена непосредственно в тексте Договора об основах отношений (ст. 7). Для ГДР было особенно важно сохранить бес-

³⁹⁴ АВП РФ. Ф. 742. Оп. 18. П. 57. Д. 19. Л. 5.

³⁹⁵ Филитов А. М. Германия в советском внешнеполитическом планировании. 1941—1990. — М: Наука., 2009. — С. 304—305.

пошлинный доступ своих товаров в страны Общего рынка, а руководству ФРГ — исключительное по своей политической важности связующее звено между обеими частями разделенной Германии³⁹⁶.

Как отмечают исследователи, что Э. Хонеккер стал олицетворением той части партийно-государственного аппарата, которая ставила сохранение собственной власти выше риска, связанного с проведением системных реформ, сторонником которых был В. Ульбрихт³⁹⁷. Э. Хонеккер был убежден, что внимание к социальным аспектам развития экономики гарантирует лояльность граждан и, как следствие, внутривнутриполитическую стабильность в ГДР. Подобный прагматический расчет был идеологически оформлен на VIII съезде СЕПГ как принцип обеспечения единства экономической и социальной политики, предполагавший «повышение материального и культурного уровня жизни народа на основе высоких темпов развития социалистического производства, повышения его эффективности, научно-технического прогресса и роста производительности труда»³⁹⁸. При этом на первый план выходила именно рационализации производства, на которую к концу 1970-х гг. приходилось уже более половины всех капиталовложений в промышленность³⁹⁹.

³⁹⁶ Кирилленко А. А. Политические аспекты экономических отношений между ФРГ и ГДР // Ретроспектива: всемирная история глазами молодых исследователей. 2011. № 6. С. 70.

³⁹⁷ Ватлин А. Ю. ГДР: Строительство социализма в эпоху В. Ульбрихта (1945—1971) // Германия в XX веке. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. — С. 196.

³⁹⁸ VIII съезд Социалистической единой партии Германии. М., 1972. С. 229—230.

³⁹⁹ Меден Н. К. ГДР // Центрально-Восточная Европа во второй половине XX в. в 3 томах. Т. 2. От стабилизации к кризису (1966—1989). — М.: Наука, 2002. — С. 427.

16—17 декабря 1971 г. состоялся очередной пленум ЦК СЕПГ. В докладе члена ЦК Вальтера Хальбриттера прозвучала фраза, ставшая основополагающим принципом проводимого руководством ГДР курса во внутренней политике: «благо народа — высший долг государства». Партии предстояло сосредоточить силы на решении крупных социальных задач: не повышать в период выполнения пятилетнего плана розничных цен на товары широкого потребления; обеспечить снабжение населения товарами в соответствующем количестве, ассортименте и качестве, всемерно развивать программы жилищного строительства, увеличить размеры пенсий и т. д.⁴⁰⁰

Возврат к централизованной модели управления народным хозяйством и отказ от реализации «новой экономической системы» не способствовал решению противоречий экономического развития Восточной Германии. Попытки преодоления прежних диспропорций и технологического отставания исключительно за счет рационализации производства лишь оборачивались возникновением новых диспропорций: внутренний рынок ГДР оставался слишком узок для обеспечения соответствия материальных пропорций производства с требованиями индивидуального потребления, на что указывал В. Ульбрихт еще в 1968 г. на VII съезде СЕПГ. По его мнению, потребности общества всегда существеннее и шире потребностей рынка, «но тот, кто не удовлетворяет потребностей рынка, не может удовлетворить потребностей общества»⁴⁰¹.

⁴⁰⁰ Четвертый пленум Центрального комитета Социалистической единой партии Германии. Дрезден, 1971. С. 23—24.

⁴⁰¹ VII съезд Социалистической единой партии Германии. М., 1968. С. 424.

§ 3.4. Комплексная программа СЭВ 1971 г.

Курс на экономическую интеграцию стран-членов СЭВ был зафиксирован как программная установка в решениях 23-й (специальной, апрель 1969 г.) и 24-й (май 1970 г.) сессий СЭВ и был принят во исполнение этих решений 25-й сессией Совета (июль 1971 г.) как «Комплексная программы дальнейшего углубления и совершенствования сотрудничества и развития социалистической экономической интеграции стран-членов СЭВ». В Комплексной программе были сведены воедино все основные преимущества международного разделения труда в рамках СЭВ — координация народно-хозяйственных планов, специализация и кооперирование производства между социалистическими странами, научно-техническое сотрудничество.

Своей перспективной целью Комплексная программа ставила всестороннее развитие и укрепление каждой отдельно взятой социалистической страны, сближение и выравнивание уровней их экономического развития, формирование глубоких и устойчивых связей в основных отраслях экономики, науки и техники, расширение и укрепление международного рынка этих стран, совершенствование товарно-денежных отношений⁴⁰².

Результаты поэтапной реализации Комплексной программы, рассчитанной на ближайшие 15—20 лет, должны были служить «решающим условием укрепления единства (выделено мной — *Б. Я.*) мировой системы социализма»⁴⁰³. Данная формулировка отразила стремление Советского Союза обеспечить путем взаимопроникновения экономик стран-членов СЭВ политическую монолитность социалистического содружества, которая подтачивалась взаимным недоверием к интеграционным инициативам

⁴⁰² Комплексная программа дальнейшего углубления и совершенствования сотрудничества и развития социалистической экономической интеграции стран-членов СЭВ. — Москва: Политиздат, 1971. — С. 5—7.

⁴⁰³ Там же. С. 11.

друг друга, различным пониманием самой сущности социалистической интеграции⁴⁰⁴, ее целей и задач⁴⁰⁵. Как уже отмечалось нами ранее, нередко можно было встретить суждения, сформировавшиеся преимущественно в среде руководящих работников промышленных ведомств, что специализация производства противоречит национальным интересам социалистических стран и тем самым ограничивает их суверенитет. Подобные настроения «благодаря» пробуксовке внутриэкономических реформ подпитывали «национальный эгоизм» и рост иждивенческих настроений по отношению к СЭВ со стороны его участников и, как следствие, вели к разрастанию груза «интернациональных» обязательств СССР⁴⁰⁶.

⁴⁰⁴ Природа социалистической экономики, законы ее функционирования позволяли отказаться от таких условий, как принципы практической полезности, эффективности или прибыльности, характерные для западного понимания. Решающая роль не экономических, в конечном понимании, целей социалистического развития, способствовала возникновению значительных трудностей в осмыслении и трактовке сущности экономических процессов в СССР и странах-членах СЭВ, который ставил настолько высокие цели, что экономический интерес воспринимался как величина второстепенного порядка. Термины «взаимопомощь», «братский союз», «содружество социалистических наций», характерные для определения процессов в странах СЭВ, отражали реальный континуум понятийного ряда, сочетавший моральные, идеологические, экономические и политические принципы сотрудничества. Взаимопомощь не рассматривалась как метод поглощения народнохозяйственным комплексом СССР экономик Восточной Европы — Широков О. Н. СЭВ в мировой экономике: современная оценка проблемы функционирования и значения. Вопросы истории, методологии и историографии. — М.: ИНИОН РАН, 2005. — С. 144.

⁴⁰⁵ Липкин М. А. Советский Союз и интеграционные процессы в Европе: середина 1940-х — середина 1960-х гг. — М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. — С. 428.

⁴⁰⁶ Там же. С. 429.

В июне 1973 г. Отделом по развитию экономического сотрудничества с социалистическими странами Госплана СССР был подготовлен аналитический доклад, содержащий предложения по основным направлениям развития внешнеэкономических связей СССР на период до 1990 г. В докладе были обозначены и подвергнуты резкой критике недостатки сотрудничества социалистических стран, остро проявившие себя в условиях угасания положительных импульсов от проведения экономических реформ.

Прежде всего отмечались недостаточно высокие темпы прироста советской внешней торговли по сравнению с приростом национального дохода и продукции промышленности, что было вызвано, главным образом, необходимостью осуществлять крупные поставки сырья и топлива для удовлетворения потребностей других стран СЭВ, а также слабой активностью экспортной политики СССР в области машиностроения и недостаточной конкурентоспособности многих видов советских машин и оборудования, слабом использовании научно-технического потенциала во внешнеэкономических связях⁴⁰⁷.

Подчеркивалось, что в странах-членах СЭВ наметилась тенденция использовать импорт в качестве средства сглаживания текущих диспропорций и дефицитов, а не в качестве решения долгосрочных хозяйственных проблем в увязке с планами капитального строительства и технического прогресса в СССР, в результате чего импорт практически не оказывал существенного влияния на сокращение фронта капиталовложений⁴⁰⁸.

Ожидания СССР от внешнеэкономического сотрудничества в рамках СЭВ в результате не соответствовали той роли, которая принадлежала советским поставкам в хозяйственном развитии социалистических стран:

⁴⁰⁷ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 6023. Л. 5.

⁴⁰⁸ Там же. Л. 6.

«Такое сотрудничество должно исходить, в первую очередь, из интересов народного хозяйства СССР, имея в виду, что основная часть экспорта продукции обрабатывающих отраслей этих стран идет в Советский Союз, а с другой стороны большая часть их потребностей в энергии, топливе, сырье удовлетворяется советскими поставками.

Будущие экспортные возможности и импортные потребности наших партнеров формируются в зависимости от той инвестиционной программы, которая закладывается в настоящее время в планы развития их народного хозяйства на генеральную перспективу. Поэтому исключительно важной задачей является координация проектов перспективных планов СССР и других социалистических стран-членов СЭВ, ориентация наших партнеров по сотрудничеству на те реальные потребности и ресурсы, которые будет иметь Советский Союз в перспективе⁴⁰⁹.

Реализация Комплексной программы, как отмечалось в докладе, «требует развития новых форм внешнеэкономического сотрудничества стран социалистического содружества на многосторонней основе, в первую очередь, в области плановой деятельности»⁴¹⁰. Рекомендовалось обратить особое внимание на возможность отказа от наращивания производственных мощностей по выпуску той продукции, которая без ущерба для экономики могла быть с большей выгодой получена из других стран содружества и тем самым содействовать экономии капитальных вложений, ликвидации их распыленности на чрезвычайно большом количестве строящихся объектов⁴¹¹.

⁴⁰⁹ Там же. Л. 3.

⁴¹⁰ Там же. Л. 25.

⁴¹¹ Там же. Л. 4.

Благодаря запуску Комплексной программы дальнейшее развитие получила практика совместного долевого участия в строительстве крупных предприятий, предполагавшего поставку товаров в кредит в счет будущих обратных поставок производимой на предприятиях продукции. 8 декабря 1971 г. СССР и ГДР заключили соглашение о сотрудничестве в сооружении на территории ГДР ряда промышленных предприятий, предусматривавшее поставку для них комплектного оборудования из СССР.

Однако подобная инвестиционная схема, призванная восполнить отмеченные недостатки внешнеэкономического сотрудничества за счет концентрации ресурсов стран-членов СЭВ на наиболее перспективных направлениях также имела свои изъяны.

Во-первых, концентрация ресурсов, как отмечает Н. В. Тоганова, достигалась путем их закрепления за отдельными производителями, которые фактически становились единственными поставщиками уникальной продукции. Специализация стран-членов СЭВ таким образом носила преимущественно межотраслевой характер и разделение труда в СЭВ, подчиненное логике плановой экономике, не всегда давало возможность достичь взаимоприемлемых решений, как если бы специализация осуществлялась между различными предприятиями внутри одной отрасли⁴¹².

В августе 1972 г. Госплан СССР, заинтересованный в поставках из ГДР алюминиевых стеновых панелей с полиуретановой теплоизоляцией для ввода в строй целого ряда промышленных объектов, не сумел так как немецкая сторона ставила условием производства панелей получение алюминия сверх объемов, согласованных на текущее пятилетие долгосрочным

⁴¹² Тоганова Н. В. Адаптация Восточной Германии к рынку (1990—2010). — М.: Крафт+, 2013. — С. 77.

торговым соглашением, что не позволял дефицит алюминия для собственных нужд советской экономики⁴¹³.

Во-вторых, привлечение товарных кредитов для участия в развитии сырьевых отраслей промышленности СССР ограничивало платежный баланс ГДР и, следовательно, возможности дополнительных закупок дефицитных товаров для текущих нужд восточногерманской экономики. Иллюстрацией данной проблемы может служить ситуация, сложившаяся в области целлюлозно-бумажного производства в ноябре 1972 г., когда ГДР была вынуждена снизить объем поставок в СССР фотоподложки до 3 300 тонна вместо ранее согласованных 4 000 тонн в целях сохранения платежного баланса, несмотря на наличие в избытке готовой продукции⁴¹⁴.

В тоже время яркими примерами успешной кооперации стали генеральные соглашения о совместном строительстве таких крупных предприятий, как Усть-Илимский целлюлозный завод мощностью 500 тыс. тонн целлюлозы в год (конец 1971 г.) и Кiemбаевский асбестовый горно-обогатительный комбинат мощностью 500 тыс. тонн в год (лето 1972 г.).

24—31 мая 1973 г. в ходе совместных консультаций экспертов СССР и ГДР в Берлине в предварительном порядке согласована номенклатура, объемы и сроки поставок товаров из ГДР в СССР, то есть товарное наполнение кредита. Со своей стороны эксперты ГДР подтвердили заинтересованность в получении 40—50 тыс. тонн асбеста в год в счет участия в строительстве комбината⁴¹⁵. Доля каждой из стран-участниц в общем объеме поставок асбеста должна определяться в двусторонних соглашениях, исходя из удельных капиталовложений на одну тонну асбеста (600 пере-

⁴¹³ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 5401. Л. 28.

⁴¹⁴ Там же. Л. 33.

⁴¹⁵ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 5403. Л. 161.

водных рублей) и общей стоимости фактических товарных поставок каждой страны в СССР⁴¹⁶.

Однако несмотря на все принятые меры с середины 1970-х гг. экономическая ситуация в ГДР начала постепенно ухудшаться. Увеличение расходов на социальную сферу не давало возможности наращивать объем инвестиций в развитие производства и обновление устаревшего оборудования, из-за чего все более заметным становилось его технологическое отставание⁴¹⁷.

Тем более, что СССР не сумел в должной мере использовать скачок цен на нефть в 1973—1974 гг., перейдя к стратегии «нефтегазового маневра»⁴¹⁸, ставшей во многом следствием отраслевого монополизма, сковавшего во второй половине 1970-х гг. процесс технологической перестройки народного хозяйства стран-членов СЭВ⁴¹⁹. Расширение экспорта углеводородных ресурсов и использование нефтегазовой ренты в качестве источника для покупки технологий и оборудования лишь ускорило формирование «ресурсного проклятия» в советской экономике

⁴¹⁶ Там же. Л. 163.

⁴¹⁷ История Германии / под ред. Б. Бонвеча и Ю. В. Галактионова. — М., 2008. — Т. 2 (от создания Германской империи до начала XXI века). С. 511.

⁴¹⁸ Некрасов В. Л. Советская модель экономики: институты, нефтегазовые ресурсы и проблема «ресурсного проклятия» // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2016. Т. 7. Выпуск 10 (54) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840001894-2-1> (дата обращения: 02.12.2017). DOI: 10.18254/S0001894-2-1

⁴¹⁹ Широков О. Н. СЭВ в мировой экономике: современная оценка проблемы функционирования и значения. Вопросы истории, методологии и историографии. — М.: ИНИОН РАН, 2005. — С. 71.

Для промышленности ГДР с высокой долей обрабатывающих отраслей, но узкой сырьевой базой реэкспорт дешевой советской нефти позволил обеспечить приток валютных поступлений, усугубивших кризис восточногерманской экономики⁴²⁰. Давление энергетического кризиса способствовало повышению производительности труда в западных странах, которое, в свою очередь, привело к снижению стоимости западных промышленных товаров. ГДР стало выгоднее закупать подешевевшее западное оборудование вместо низкотехнологичных аналогов из соцстран, стоимость которых оставалась стабильной, или развивать собственное производство⁴²¹. Свою негативную роль в этом процессе сыграла специфика ценообразования внутри СЭВ: СССР принял решение о постепенном повышении цен только в 1978 г., когда конъюнктура мирового рынка уже претерпела значительные изменения, а экономика ГДР в условиях стремительного технологического отставания утратила всякую конкурентоспособность⁴²².

⁴²⁰ Меден Н. К. ГДР // Центрально-Восточная Европа во второй половине XX в. в 3 томах. Т. 2. От стабилизации к кризису (1966—1989). — М.: Наука, 2002. — С. 428.

⁴²¹ Тоганова Н. В. Адаптация Восточной Германии к рынку (1990—2010). — М.: Крафт+, 2013. — С. 77—78.

⁴²² Тоганова Н. В. Адаптация Восточной Германии к рынку (1990—2010). М.: Крафт+, 2013. С.77—78.

Заключение

В 1945—1946 гг. экономическую политику Советского Союза в отношении Германии определяла задача удовлетворения репарационных претензий СССР, на решение которой была направлена деятельность Советской военной администрации Германии по восстановлению разрушенного войной восточногерманского хозяйства, созданию советских акционерных обществ и национализации крупных промышленных производств. Как показано в первой главе диссертации, руководство СССР не ставило в этот период своей целью безусловную «советизацию» Восточной Германии и тем более образование на немецкой земле двух независимых государств с различной социально-экономической системой.

Изменение международной обстановки, вызванное нарастанием конфронтации Советского Союза с Западом, предопределило смену курса экономического и политического развития стран Восточной Европы в 1947—1948 гг. Политика СССР в отношении Восточной Германии также подверглась трансформации, что способствовало постепенному сосредоточению всей полноты власти в руках Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) и выдвижению на руководящие роли видного деятеля коммунистического движения Вальтера Ульбрихта. В экономике усиление роли СЕПГ выразилось в утверждении по советскому образцу административного планирования в качестве основополагающего инструмента хозяйственной деятельности.

Раскол Германии в 1949 г. на ГДР и ФРГ имел тяжелые последствия для страны: нарушенными оказались многообразные кооперативные связи между отраслями народного хозяйства и предприятиями на востоке и западе Германии. Особенно тяжело последствия раскола переживала экономика ГДР, оказавшаяся отрезанной от источников важнейших видов сырья, значительной энергетической базы, большей части внутреннего рынка сбыта и получения готовой продукции. Необходимость преодоления воз-

никших диспропорций на долгие годы стала важнейшей задачей развития ГДР, ключевую роль в решении которой отводилось помощи СССР.

Применение испытанных в Советском Союзе мобилизационных методов наращивания производственных мощностей за счет концентрации в руках государства внутренних ресурсов позволило ГДР в 1950-е гг. добиться форсированного восстановления восточногерманской экономики, обратной стороной которого, как показано в первой главе, явилась зависимость развития ГДР от внешнеэкономических факторов — возможностей Советского Союза и характера внутригерманской торговли. Преодолению последствий войны и хозяйственной разрухи также в значительной мере способствовало и широкое распространение среди социалистических стран практики сотрудничества, которое нашло свое организационное воплощение в учреждении в 1949 г. Совета экономической взаимопомощи (СЭВ).

Неотъемлемой идейно-политической составляющей экономического развития ГДР, начиная с V съезда СЕПГ в июле 1958 г., являлось соревнование с ФРГ, созвучное идее Н. С. Хрущева «догнать и перегнать Америку», что подчеркивало особое положение ГДР среди стран социалистического лагеря в качестве «форпоста социализма на Западе». При этом система прямых торговых контактов между ГДР и ФРГ сохранялась в уникальном для международных отношений формате внутригерманской торговли, не облагаемой таможенными сборами и пошлинами. Советское руководство с неодобрением отмечало рост ее значения для ГДР, справедливо полагая, что восстановление традиционных внутригерманских связей может быть использовано Бонном с целью оказания политического давления на ГДР. Для решения этой проблемы Советский Союз прилагал значительные усилия для переориентации внешнеэкономических связей ГДР в сторону СЭВ, что в свою очередь позволило СЕПГ стабилизировать сложившуюся на востоке Германии общественно-политическую систему и со-

здать тем самым предпосылки для укрепления позиций ГДР на международной арене.

Руководство СЕПГ отчетливо понимало, что определяющим фактором сохранения ее монополии на власть остается позиция Советского Союза в решении германского вопроса. Неопределенность международного положения также вынуждала СЕПГ прилагать значительные усилия к созданию таких условий, которые бы позволили ГДР занять относительно самостоятельное место на политической карте Европы, разделенной «холодной войной», а это было невозможно без планомерного и последовательного укрепления экономики страны.

Многие хозяйственные решения в этой связи принимались руководством ГДР под давлением внешнеполитических факторов и без учета реальных возможностей восточногерманской экономики, что нередко приводило к дефициту сырья, срыву выполнения плановых заданий, контрактных обязательств, а также перебоям в снабжении населения товарами первой необходимости, устранение которых требовало экстренного привлечения советских кредитных средств и внеплановых поставок.

Кроме того, по мере развития народного хозяйства ГДР и усложнения внутренних экономических связей, существовавшая система планирования к началу 1960-х гг. в условиях набравшей обороты научно-технической революции уже не отвечала потребностям «развитого социалистического общества». Не оправдала себя и ставка руководства ГДР на усиление плановых начал, предпринятое во второй половине 1950-х гг. — начале 1960-х гг. в расчете на формирование единого экономического пространства социалистических стран, а также углубление их международной специализации и кооперирование в рамках СЭВ. Более того, как показывают документы Госплана СССР, восточногерманская экономика стала все больше испытывать зависимость от внутригерманской торговли, которую

правительство ФРГ ожидаемо стремилось использовать для усиления политического давления на ГДР.

Сочетание этих факторов вынудило руководство ГДР на рубеже 1960-х гг. приступить к созданию новой модели хозяйствования, которая бы позволила сбалансировать экономику ГДР за счет интенсификации промышленного производства. Программа экономических реформ, принятая в 1963 г. на VI съезде СЕПГ и получившая название «новой экономической системы», фактически создавала внутри централизованного планового хозяйства имитируемый рыночный механизм и на практике сводилась преимущественно к расширению прав хозяйственных субъектов, снижению числа обязательных плановых показателей и внедрению отдельных регулируемых хозяйственных механизмов, которые бы могли искусственно формировать конкурентную среду, не выходящую за рамки планирования. При этом устойчивое развитие восточногерманской экономики в период проведения реформ и, соответственно, успех реализации «новой экономической системы» были поставлены в зависимость от того, насколько промышленность ГДР сможет обеспечить эффективность экспорта.

Однако восточногерманские товары проигрывали конкуренцию на рынках капиталистических стран западным поставщикам, не удовлетворяя в большинстве случаев требованиям покупателей ни в отношении качества продукции, ни в отношении сроков ее поставки.

Таким образом руководство ГДР оказалось совершенно не готово действовать соразмерно трудностям, прогнозируемо возникшим в процессе реформирования форм и методов управления народным хозяйством, в результате чего внешнеэкономическая политика ГДР к середине 1960-х гг. приобрела характер маятника: за каждым шагом, приводившим к малейшей дестабилизации, в спешном порядке следовали меры ограничительного характера. Имевшая место положительная динамика экономического

роста ГДР достигалась только за счет привлечения помощи со стороны СССР, от советских поставок зависела дальнейшая судьба хозяйственного эксперимента В. Ульбрихта.

Характер проблем, с которыми столкнулась восточногерманская экономика, подтверждал важность развития внешнеэкономического сотрудничества в рамках социалистического содружества, для чего идеально подходил формат СЭВ, защищенный в определенной мере от воздействия ценовых колебаний внешних рынков. Однако попытки утверждения в СЭВ восточногерманской практики организации взаимодействия внешней торговли и промышленного производства, как отмечается во второй главе, не получили поддержки со стороны СССР.

«Новая восточная политика» канцлера ФРГ В. Брандта обострила противоречия между СССР и ГДР: проявленная В. Ульбрихтом непоследовательность по отношению к советской линии выстраивания диалога с ФРГ позволила сплотить ряды его противников в руководстве СЕПГ, использовавших недовольство советского руководства политикой В. Ульбрихта для его смещения в 1971 г. Успех «новой восточной политики», ставшей символом перехода от конфронтации к разрядке международной напряженности, вместе с тем положил конец эпохе ограниченного реформизма В. Ульбрихта.

Дискредитации «новой экономической системы» немало способствовали события «пражской весны» 1968 г., которые в представлении партийной номенклатуры СЕПГ явились прямым следствием децентрализации хозяйственного процесса в Чехословакии. Во многом по этой причине новое руководство ГДР во главе с Э. Хонеккером фактически отказалось от дальнейшей реализации реформ.

В этом, как показывает проведенное исследование, заключался один из самых любопытных парадоксов в истории ГДР: экономическая дипло-

матия В. Ульбрихта, в основе которой должны были лежать успехи хозяйственных преобразований внутри страны, имела своей целью международно-правовое признание ГДР, однако достигнуто оно было в конечном счете именно благодаря отказу от проведения самостоятельной внешнеэкономической политики и следованию в контексте разрядки курсу Советского Союза.

Начиная с VIII съезда СЕПГ (15—19 июня 1971 г.), обозначившего необходимость «единства экономической и социальной политики», был значительно усилен акцент на решение социальных задач, выполнение которых должно было служить обеспечению стабильности режима, о чем свидетельствуют программные документы СЕПГ тех лет. В то же время свертывание «новой экономической системы» объективно лишало экономику ГДР возможностей для интенсивного роста и, как следствие, необходимых условий для решения социальных задач в перспективе: внутренний рынок ГДР по-прежнему оставался слишком узок для обеспечения соответствия производства требованиям индивидуального потребления, достичь которое было возможным лишь за счет эффективного использования внешней торговли. Однако уже в 1976 г. круг восточногерманских промышленных предприятий, имевших право заключать от своего имени контракты на экспорт продукции, был существенно ограничен постановлением Совета министров ГДР, а в 1980 г. право непосредственной работы на внешнем рынке было окончательно закреплено за отраслевыми ведомствами⁴²³.

Необходимо также отметить, что тенденция к проведению экономических реформ, призванных интенсифицировать внутреннее производство,

⁴²³ Буренин В. А., Кулиничев В. П. Организация управления внешней торговлей в европейских странах-членах СЭВ. — М., 1982. — С. 27.

была присуща всем восточноевропейским странам социалистического содружества в 1960-е гг., хотя и обнаруживала в каждом отдельном случае свою национальную специфику, нередко вызывая к жизни «особые» пути и подходы к решению актуальных задач государственного строительства, как это произошло в Чехословакии в 1968 г. Фактически только Советский Союз обладал достаточно развитым внутренним рынком, чтобы осуществить поставленные реформами задачи в рамках одной страны. Неудача реформ 1960-х гг. выявила отсутствие достаточных на тот момент внутренних стимулов к дальнейшей интеграции стран-членов СЭВ на социалистической основе, что подтолкнуло руководство СССР к выработке новых, более эффективных моделей сотрудничества на многосторонней основе. Итогом работы в этом направлении стало принятие в 1971 г. Комплексной программы развития СЭВ.

Применительно к ГДР, укрепление восточногерманской экономики за счет успешной реализации «новой экономической системы», могло стать необходимым фундаментом для проведения ГДР независимой внешнеэкономической политики, на что, в частности, указывает стремление руководства ГДР расширить свое участие в практической деятельности таких международных организаций, как ЮНКТАД, а также настойчивые попытки утвердить механизм совмещения гибкого плана и контролируемого рынка в качестве основополагающего принципа внешнеэкономического сотрудничества социалистических стран. Возврат к прежним методам управления экономикой, а вместе с тем и отказ от активной внешнеэкономической политики привели в долгосрочной перспективе к застою в торгово-экономических отношениях как со странами СЭВ, так и с западными партнерами. К началу 1980-х гг. высокие показатели социально-экономического развития ГДР достигались почти исключительно за счет внешних факторов, в первую очередь — помощи со стороны СССР, без серьезных попыток инвестировать средства в интенсификацию собственного

производства. Импортная зависимость ГДР в условиях перехода СССР в 1970-е гг. к политике «нефтегазового маневра» продолжала расти и менее чем за десятилетие привела восточногерманскую экономику к коллапсу и, как следствие, политическому банкротству СЕПГ в конце 1980-х гг.

ЯБЛОКОВ

Список источников и литературы

Архивные материалы

1. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ).
Ф. 0742 [Референтура по ГДР]:
 - 1.1. Оп. 8. П. 60. Д. 19;
 - 1.2. Оп. 9. П. 66. Д. 19;
 - 1.3. Оп. 10. П. 72. Д. 22;
 - 1.4. Оп. 11. П. 78. Д. 34.

2. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ).
Ф. 742 [Референтура по ГДР]:
 - 1.1. Оп. 9. П. 30. Д. 17; П. 32. Д. 34;
 - 1.2. Оп. 10. П. 34. Д. 15, 17; П. 35. Д. 24; П. 36. Д. 38;
 - 1.3. Оп. 11. П. 39. Д. 37;
 - 1.4. Оп. 12. П. 34. Д. 15; П. 40. Д. 9, 12; П. 41. Д. 21;
 - 1.5. Оп. 14. П. 45. Д. 15; П. 46. Д. 27;
 - 1.6. Оп. 15. П. 49. Д. 24;
 - 1.7. Оп. 16. П. 52. Д. 19;
 - 1.8. Оп. 18. П. 57. Д. 19.

3. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ).
Ф. 3 [Политбюро ЦК КПСС]:
 - 1.1. Оп. 14. Д. 31.
 - 1.2. Оп. 72. Д. 304, 497.

4. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 10 [Международные совещания и переговоры с коммунистическими и рабочими партиями, правительственные переговоры]:
 - 1.1. Оп. 1. Д. 234, 331, 410;
 - 1.2. Оп. 2. Д. 24.
 - 1.3. Оп. 3. Д. 47, 54.
5. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 80 [Брежнев Леонид Ильич — Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР]: Оп. 1. Д. 331.
6. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7 [Государственный научно-экономический совет Совета Министров СССР]. Оп. 1. Д. 347.
7. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 302 [Постоянное представительство СССР в СЭВ]. Оп. 2. Т. 2 (1966—1970), Т. 3 (1971—1975). Д. 341, 476, 531, 998.
8. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 355 [Государственная плановая комиссия по перспективному планированию народного хозяйства СССР]. Оп. 3. Д. 808, 811.
9. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 413 [Министерство внешней торговли СССР] Оп. 31. Т. 1 (1964—1968), Т. 2 (1969—1973). Д. 1118, 1630, 1689, 1830, 1831, 1922, 3651.
10. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 561 [Секретариат СЭВ]. Оп. 17 [Отдел внешней торговли]. Д. 8, 9, 11, 12, 13, 16, 20, 23, 26, 30, 45, 58, 63, 86, 87, 91.
11. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372 [Государственный плановый комитет Совета Министров СССР]. Оп. 66 [От-

дел по развитию экономического сотрудничества СССР с социалистическими странами]. Д. 4687, 5401, 5402, 5403, 6023, 6024.

12. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372 сч [Государственный плановый комитет Совета Министров СССР].

1.1. Оп. 11. [Управление планирования внешних экономических отношений]. Д. 980, 981.

1.2. Оп. 81 с [Отдел координации народнохозяйственных планов СССР и социалистических стран]. Д. 377, 406, 873, 1771, 1772.

Публикации источников

Материалы партийных съездов, конференций и пленумов

1. III съезд Социалистической единой партии Германии. — Берлин, 1950.
2. V съезд Социалистической единой партии Германии. — М., 1959.
3. VII съезд Социалистической единой партии Германии. — М., 1968.
4. VIII съезд Социалистической единой партии Германии. — М., 1972.
5. XX съезд Коммунистической Партии Советского Союза (14—25 февраля 1956 г.). Стенографический отчет. — М., 1956. Т. 1—2.
6. Вторая конференция Социалистической единой партии Германии. — Берлин, 1952.
7. Третья конференция Социалистической единой партии Германии. — М., 1956.
8. Четвертый пленум Центрального комитета Социалистической единой партии Германии. — Дрезден, 1971.
9. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. — М.: Политиздат, 1985. — Т. 8 (1946—1955). — 542 с.

Сборники документов

10. Восточная Европа в документах российских архивов (1944—1953): в 2 т. / отв. ред. Г. П. Мурашко. — Т. 1. 1944—1948 гг. Москва—Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. — 986 с.
11. Восточная Европа в документах российских архивов (1944—1953): в 2 т. / отв. ред. Г. П. Мурашко. — Т. 2. 1949—1953 гг. Москва—Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. — 1008 с.
12. Германская Демократическая Республика: Конституция и законодательные акты / под ред. И. П. Ильинского. — М., 1979. — 368 с.
13. Документы о внешней политике правительства ГДР (1949—1954). — М., 1955.
14. История Германии XX в. в новом измерении: источники, статистика, художественные документы. — М.: Олма Медиа Групп, 2008.
15. Комплексная программа дальнейшего углубления и совершенствования сотрудничества и развития социалистической экономической интеграции стран-членов СЭВ. — Москва: Политиздат, 1971. — 120 с.
16. Конституция и законодательные акты Германской Демократической Республики. — М., 1953. — 544 с.
17. Основные документы Совета Экономической Взаимопомощи. — М., 1981—1983. Т. 1—2.
18. Отношения СССР с ГДР (1949—1955). Документы и материалы. — М.: Издательство политической литературы, 1974. — 728 с.
19. Президиум ЦК КПСС. 1954—1964 гг. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. — Т. 2: Постановления. 1954—1958 гг. / гл. ред. А. А. Фурсенко. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. — 1119 с. — («Архивы Кремля»).

20. Президиум ЦК КПСС. 1954—1964 гг. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. — Т. 3: Постановления. 1959—1964 гг. / гл. ред. А. А. Фурсенко. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2008. — 1271 с. — («Архивы Кремля»).
21. СВАГ и немецкие органы самоуправления, 1945—1949 гг. Сборник документов / отв. ред. Н. В. Петров; сост.: О. В. Лавинская, Д. Н. Нохотович. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. — 760 с.
22. Советская военная администрация Германии, 1945—1949 гг. Справочник / отв. ред. Я. Фойтцик, А. В. Доронин, Т. В. Царевская-Дякина. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2009. — 1031 с.
23. Советская военная администрация Германии, 1945—1949 гг. Экономические аспекты деятельности: сборник документов / отв. ред. и отв. сост. В. Кнолль; сост. И. А. Зюзина, О. В. Лавинская. — М.: Международные отношения, 2016. — Т. 1. 960 с.
24. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941—1945 гг.: Сборник документов. — Т. 6. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа 1945 г.) — М.: Издательство политической литературы (Политиздат), 1984. — 511 с.
25. СССР—ГДР. 30 лет отношений (1949—1979). Документы и материалы. — М.: Издательство политической литературы (Политиздат), 1981. — 756 с.
26. Dokumente der Aussenpolitik der DDR. — Berlin, 1968.

27. Dokumente zur Aussenpolitik der Regierung der DDR. — Bd. I (1949—1954). Berlin: Rütten & Loening, 1954. — Bd. II (1954—1955). Berlin: Rütten & Loening, 1955.

Речи и выступления

28. Ульбрихт В. Программа социализма и историческая задача СЕПГ. — М.: Госполитиздат, 1963. — 359 с.
29. Хрущев Н. С. Выступление на VI съезде СЕПГ 16 января 1963 г. // Новое время. 1963. № 4. С. 31—48.

Литература

1. XX съезд КПСС и его исторические реальности / под ред. В. В. Журавлева. — М.: Политиздат, 1991. — 415 с.
2. Бетмакаев А. М. Вальтер Ульбрихт в системе власти ГДР (1949—1973) // Война и мир в истории Европы. — Барнаул, 2007. — С. 124—132.
3. Бетмакаев А. М. Конфликты в руководстве ГДР в «эпоху Ульбрихта» (1949—1971 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2006. № 4. С. 54—59.
4. Бетмакаев А. М. В. Ульбрихт и экономическая политика в ГДР (1949—1971) // Власть, политика и идеология в истории Европы. — Барнаул, 2005. — С. 126—139.
5. Бетмакаев А. М. Хонеккер против Ульбрихта. Борьба за власть в руководстве ГДР в конце 60-х — начале 70-х гг. XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2005. № 4. С. 12—16.
6. Беспалов В. А. Договор о внутригерманской торговле и западноберлинский транзит // Ретроспектива: всемирная история глазами молодых исследователей. 2008. № 3. С. 118—130.

7. Беспалов В. А. Западберлинский транзит (1945—1971): дипломатия холодной войны. — М.: Российский институт стратегических исследований, 2015. — 322 с.
8. Бокарев Ю. П. СССР и становление постиндустриального общества на Западе, 1970—1980-е гг. — М.: Наука, 2007. — 381 с.
9. Болдырев Р. Ю. Советская оккупационная политика в Германии. 1945—1949 гг. Экономический аспект. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук — Архангельск, 2004. — 245 с.
10. Болдырев Р. Ю., Невский С. И. Денежные реформы в послевоенной Германии (1948): подготовка, проведение, итоги // Экономическая политика. 2014. № 5. С. 38—65.
11. Болдырев Р. Ю., Невский С. И. Денежные реформы в послевоенной Германии (1948): подготовка, проведение, итоги (окончание) // Экономическая политика. 2014. № 6. С. 25—53.
12. Бромлей Н. Я., Жуков Е. М., Лисицына Л. Н. Мировая социалистическая система. Некоторые проблемы теории и истории становления социализма. — М.: Мысль, 1973. — 324 с.
13. Буренин В. А., Кулиничев В. П. Организация управления внешней торговлей в европейских странах-членах СЭВ. — М.: Академия внешней торговли МВТ СССР, 1982. — 68 с.
14. Буренин В. А. Организация управления внешней торговлей СССР. — М.: Международные отношения, 1983. — 232 с.
15. Буренин В. А. Управление внешнеэкономическими связями СССР. — М.: Знание, 1986. — 64 с.
16. Варга Е. С. Изменения в экономике капитализма в итоге Второй мировой войны. — М.: ОГИЗ — Государственное издательство политической литературы (Госполитиздат), 1946. — 320 с.

17. Ватлин А. Ю. ГДР: Строительство социализма в эпоху В. Ульбрихта (1945—1971) // Германия в XX веке. — М., 2002. — С. 156—196.
18. Веттиг Г. Н. С. Хрущев и Берлинский кризис 1958—1963 гг. Политика угроз и возведение Берлинской стены / пер. с нем. М. Чистяковой, под ред. Ф. И. Новик. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. — 401 с.
19. Власть и общество: непростые взаимоотношения. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы в XX в. / под ред. Е. П. Серапионовой. — М.: Институт славяноведения РАН, 2008. — 448 с.
20. Внешняя политика и международные отношения Германской Демократической Республики. — М.: Прогресс, 1974. — 296 с.
21. Внешняя торговля СССР со странами СЭВ / под ред. В. М. Шаститко. — М.: Наука, 1986. — 108 с.
22. ГДР в системе социалистической экономической интеграции. — М., 1989. — 62 с.
23. ГДР: миролюбивое государство, читающая страна, спортивная нация? Сборник статей / ред.-составитель Т. Гроссбёльтинг. — М.: Мысль, 2017. — 384 с.
24. ГДР: становление и рост / под ред. А. Я. Богомолова. — М.: Прогресс, 1977. — 456 с.
25. Германская Демократическая Республика / под ред. А. Я. Шабалина. — М.: Наука, 1983. — 358 с.
26. Германская история в новое и новейшее время / под ред. А. Д. Сказкина — Т. 2. — М.: Наука, 1970. — 602 с.
27. Горошкова Г. Н. Национальный фронт демократической Германии. — М.: Наука, 1966. — 467 с.

28. Гроссман А. С. СССР—ГДР: сотрудничество и сближение (новейшая историография истории ГДР и отношений двух стран 1979—1984) // Историография проблем международных отношений и национальных движений в странах Западной Европы и Северной Америки. — М., 1985. — С. 17—31.
29. Дерябина М. А. Совершенствование системы планирования и управления экономикой в период строительства развитого социалистического общества // Германская Демократическая Республика / под ред. А. Я. Шабалина. М., 1983.
30. Дёрнберг С. О периодизации внешней политики ГДР // Ежегодник германской истории. — М.: Наука, 1982. — С. 39—49.
31. Долгилевич Р. В. В тени берлинской стены. Экономика Западного Берлина (1961—1965 гг.) — СПб.: Алетейя, 2013. — 111 с.
32. Завьялов А. С. Демократические партии ГДР в период строительства развитого социализма. Киев, 1986.
33. Ильинский И. П., Страшун Б. А. Германская Демократическая Республика (государственный строй). — М.: Издательство Института международных отношений, 1961. — 205 с.
34. История внешней политики и международных отношений СССР: в 3 т. — М.: Международные отношения, 1987. — Т. 3 (1970—1987) / под ред. Г. В. Фокеева. — 512 с.
35. История Германии / под ред. Б. Бонвеча и Ю. В. Галактионова. — М.: «Издательство КДУ», 2008. — Т. 2 (от создания Германской империи до начала XXI века). — 672 с.
36. История Германской Демократической Республики (1949—1979) / под ред. В. Д. Кульбакина. — М.: Наука, 1979. — 535 с.

- 37.История европейской интеграции / под ред. А. С. Намазовой и Б. Эмерсона. — М.: Институт всеобщей истории РАН, 1995.
- 38.К 60-летию Совета Экономической Взаимопомощи. Единая Европа: прошлое и настоящее экономической интеграции. — М.: Издательство Института экономики РАН (ИЭ РАН), 2009. — 267 с.
- 39.Кирилленко А. А. Политические аспекты экономических отношений между ФРГ и ГДР // Ретроспектива: всемирная история глазами молодых исследователей. 2011. № 6. С. 67—74.
- 40.Красноглазов Б. П. Экономическое сотрудничество ГДР с социалистическими странами. — М.: Экономика, 1965. — 136 с.
- 41.Лавренов С. Я., Попов И. М. Берлинский кризис 1953 г. // Советский Союз в локальных войнах и конфликтах. — М.: АСТ, 2003. — 778 с.
- 42.Ладыгин Б. Н., Барковский А. Н. СЭВ: история, современность, перспективы. М.: Международные отношения, 1986. —142 с.
- 43.Липкин М. А. Советский Союз и европейская интеграция: середина 1940-х — середина 1960-х гг. — М.: ИВИ РАН, 2011. — 304 с.
- 44.Липкин М. А. Советский Союз и интеграционные процессы в Европе: середина 1940-х — середина 1960-х гг. — М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. — 560 с.
- 45.Липкин М. А. Советский Союз и интеграционные процессы в Европе: середина 1940-х — середина 1960-х гг. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. — М.: ИВИ РАН, 2012. — 392 с.
- 46.Липкин М. А., Филитов А. М. Развитие новых форм сотрудничества в эру разрядки: советско-западногерманские отношения в конце 1960-х — начале 1970-х гг. // Электронный научно-образовательный журнал «Ис-

- тория». 2015. Выпуск 2 (35) URL: <http://history.jes.su/s207987840000989-6-1> (дата обращения: 11.11.2017).
47. Лукьянов П. Г. История Совета Экономической Взаимопомощи. Могилев, 2004. — 126 с.
48. Москва и Восточная Европа. Непростые 60-е... Экономика, политика, культура. Сборник статей // под ред. Т. В. Волокитиной. — М.: Институт славяноведения РАН, 2013. — 486 с.
49. Некрасов В. Л. Советская модель экономики: институты, нефтегазовые ресурсы и проблема «ресурсного проклятия» // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2016. Т. 7. Выпуск 10 (54) [Электронный ресурс]. URL: <http://history.jes.su/s207987840001894-2-1> (дата обращения: 02.12.2017). DOI: 10.18254/S0001894-2-1
50. Николаева А. В. Экономическое сотрудничество ГДР с СССР. — М.: Наука, 1968. — 95 с.
51. Новик Ф. И. В ловушке холодной войны (советская политика в отношении Германии, 1953—1958 гг.). — М.: Институт российской истории РАН, 2014. — 368 л.
52. Обеспечение международной безопасности в условиях холодной войны: поиски согласованных подходов / под ред. Н. И. Егоровой. — М.: Весь мир, 2017. — 320 с.
53. Орлова М. И. ГДР: рождение и крах. — М.: Издательство Московского университета (МГУ), 2000. — 126 с.
54. Павлов Н. В. История современной Германии 1945—2005 — М.: АСТ, Астрель, 2006. — 512 с.
55. Павлова-Сильванская М. П. Строительство развитого социалистического общества в ГДР. — М.: Наука, 1979. — 240 с.
56. Патаи М. О механизме сотрудничества стран-членов СЭВ. — М., 1981.

57. Петелин Б. В. Крах ГДР: эволюция оценок в российской историографии // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2014. Выпуск 3 (26) URL: <http://history.jes.su/s207987840000710-0-1> (дата обращения: 12.11.2017).
58. Польша в XX веке. Очерки политической истории / отв. редактор А. Ф. Носкова. — М.: Издательство «Индрик», 2012. — 952 с.
59. Послевоенная история Германии: российско-немецкий опыт и перспективы. — М.: ДиректМедиа, 2007. — 340 с.
60. Потапов В. И. Организация внешней торговли ГДР. — М., 1984.
61. Россия — Германия: вехи совместной истории в коллективной памяти. Т. 3. XX в. — М.: ГАУГН-Пресс; ООО «Интеграция: Образование и Наука», 2015. — 400 с.
62. Русь Э. В. Германский вопрос во второй половине XX в. в исторической мысли ФРГ и ГДР. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. — Гродно: Белорусский государственный университет, 2005.
63. Сапова Н. В. Советская историография социалистического строительства в ГДР 1949—1985 гг.: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. — М., 1986. — 13 с.
64. Сазонов Ю. А. Новые тенденции в буржуазной литературе ФРГ о Германской Демократической Республике // Критика современных буржуазных исторических концепций / под ред. А. Н. Мерцалова. — Ярославль, 1977. — С. 3—32.
65. СЕПГ и проблемы социалистического строительства в ГДР. М., 1983.
66. Вебер Х. Оппозиция приверженцев «третьего пути» // Сообщения совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-

- германских отношений. Вып. 3 / под ред. А. О. Чубарьяна и Х. Мёллера. — Мюнхен, 2008. — С. 258—263.
67. Справочник о внешней торговле стран-членов СЭВ и СФРЮ. М., 1977.
68. Сухоруков С. Р. Актуальные проблемы истории ГДР и западногерманской историографии // Ежегодник германской истории. — М.: Наука, 1981. — С. 214—231.
69. Сухоруков С. Р. Новый подход к истории ГДР // Историография всеобщей истории. — Куйбышев, 1976. — С. 94—109.
70. Семиряга М. И. Как мы управляли Германией. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1995. — 400 с.
71. Тихомиров А. А. «Лучший друг немецкого народа»: культ Сталина в Восточной Германии (1945—1961 гг.). — М.: Политическая энциклопедия, 2014. — 310 с.
72. Тоганова Н. В. Адаптация Восточной Германии к рынку (1990—2010). — М.: Крафт+, 2013. — 192 с.
73. Фаддеев Н. В. Совет Экономической Взаимопомощи (1949—1974). — М.: Экономика, 1974.
74. Филитов А. М. Германия в советском внешнеполитическом планировании. 1941—1990. — М.: Наука., 2009.
75. Филитов А. М. Общественно-политические преобразования в Германии и Австрии в первые послевоенные годы // Война и общество в XX в.: в 3 кн. / рук. проекта и сост. О. А. Ржешевский. Кн. 3: Война и общество в период локальных войн и конфликтов второй половины XX в. / отв. ред. А. Ю. Никифоров, науч. рук. М. Ю. Мягков. — М., 2008. — С. 104—131.
76. Филитов А. М. СССР и «новая восточная политика» ФРГ // Вестник МГИМО-Университета. 2017. 3 (54). С. 123—140.

- 77.Филитов А. М. Треугольник Москва—Берлин—Бонн и политика европейской разрядки в 1969—1970 гг. // Вопросы истории. 2017. № 1. С. 83—96.
- 78.Филитов А. М. Треугольник Москва—Вашингтон—Бонн в конце 60-х — начале 70-х гг. XX в. // Вопросы истории. 2015. № 12. С. 98—113.
- 79.Харламова В. Н. СЭВ: опыт и уроки социалистической экономической интеграции // Международная экономическая интеграция / под ред. Н. Н. Ливенцева. — М., 2006.
- 80.Хасенов М. Х. Теория и программа СЕПГ по строительству развитого социалистического общества в ГДР в интерпретации буржуазной политологии // Западногерманская буржуазная историография о проблемах всеобщей истории. — Караганда: Карагандинский государственный университет, 1988. — С. 70—91.
81. Центрально-Восточная Европа во второй половине XX в. в 3 томах. Т. 1. Становление «реального социализма» (1945—1965). — М.: Наука, 2000. — 488 с.
82. Центрально-Восточная Европа во второй половине XX в. в 3 томах. Т. 2. От стабилизации к кризису (1966—1989). — М.: Наука, 2002. — 516 с.
- 83.Шевяков Ф. Н. Борьба СЕПГ за построение социализма в ГДР. М., 1960.
- 84.Широков О. Н. Влияние «рыночного социализма» на развитие экономической интеграции стран-членов Совета экономической взаимопомощи // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2013. № 17. С. 35—38.
- 85.Широков О. Н. Исторический опыт сотрудничества стран Совета экономической взаимопомощи в 1949—1991 гг. — Чебоксары: Издательство Чувашского университета, 2013. — 166 с.

86. Широков О. Н. Историческая оценка проблемы становления восточно-европейского экономического блока в свете новых источников // Вестник Чувашского университета. 2013. № 4. С. 85—91.
87. Широков О. Н. СЭВ в мировой экономике: современная оценка проблемы функционирования и значения. Вопросы истории, методологии и историографии. — М.: ИНИОН РАН, 2005. — 155 с.
88. Экономические отношения СССР с зарубежными странами. 1917—1967 гг. // под ред. А. П. Зацаринского. — М.: Международные отношения, 1967. — 304 с.
89. Яблоков Б. В. Влияние чехословацких событий 1968 г. на экономические реформы в ГДР // Клио. 2016. № 7 (115). С. 117—123.
90. Яблоков Б. В. О роли «фактора ГДР» в политике разрядки // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2015. № 5. С. 44—49.
91. Яблоков Б. В. Экономическая дипломатия ГДР 1963—1973 гг. в контексте политики разрядки // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2015. Выпуск 2 (35) [Электронный ресурс]. URL: <http://history.jes.su/s207987840000982-9-1> DOI: 10.18254/S0000982-9-1
92. Яблоков Б. В. Экономическая дипломатия ГДР 1963—1973 гг. // Обеспечение международной безопасности в условиях холодной войны: поиски согласованных подходов / под ред. Н. И. Егоровой. — М.: Весь мир, 2017. — С. 287—317.
93. Aussenpolitik der DDR — für Sozialismus und Frieden. — Berlin, 1974.
94. Badstübner R., Thomas S. Die Spaltung Deutschlands. Berlin, 1966.
95. Beattie A. H. Playing Politics with History. The Bundestag Inquiries into East Germany. — New York, 2008.

96. Bröll W. Die Wirtschaft der DDR. Lage und Aussichten // Gegenwartsfragen der Ost-Wirtschaft. Band 6 / hrsg. von H. Raupach, W. Gumpel. — München—Wien: Günter Olzog Verlag GmbH, 1974. — 200 S.
97. Caldwell P. C. Dictatorship, State Planning, and Social Theory in the German Democratic Republic. — Cambridge, 2003.
98. DDR: Werden und Wachsen. Zur Geschichte der Deutschen Demokratischen Republik / Badstübner R., H. Bednareck, Falk W., H. Heitzer, S. Thomas, K. Reissig. — Berlin: Dietz Verlag, 1974.
99. Döring-Manteuffel A. Die deutsche Geschichte in der Zeitbögen des 20. Jahrhunderts // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 2014. Vol. 62. Issue 3. S. 321—348.
100. Frank M. Walter Ulbricht. Eine Deutsche Biographie. — Berlin: Siedler, 2001. — 537 S.
101. Fulbrook M. Anatomy of a Dictatorship. Inside the GDR 1949—1989. — Oxford, 1995.
102. Fulbrook M. Dividing the Past, Defining the Present: Historians and National Identity in the Two Germanies. — New York: Routledge, 1999.
103. Fulbrook M. The People's State: East German Society from Hitler to Honecker. — Yale University Press, 2008.
104. Fürtsch E. Die SED. Stuttgart, 1969.
105. Gieseke J. Die Hauptamtlichen Mitarbeiter der Staatssicherheit: Personalstruktur und Lebenswelt, 1950—1989/90. — B., 2000.
106. Gray W.G. Germany's Cold War: The Global Campaign to Isolate East Germany, 1949—1969. — Chapel Hill, 2003.
107. Hoffmann H. Die Veränderungen in der sozialstruktur des Ministerrates der DDR. Düsseldorf, 1971.
108. Jäger M. Kultur und Politik in der DDR. — Köln, 1994.

109. Kaiser M. Machtwechsel von Ulbricht zu Honecker: Funktionsmechanismen der SED-Diktatur in Konfliktsituationen 1962 bis 1972. — Berlin, 1997.
110. Klessmann Ch. Zwei Staaten, eine Nation. Deutsche Geschichte (1955—1970). Bonn, 1988.
111. Kansikas S. Socialist Countries Face the European Community: Soviet-Bloc Controversies over East-West trade. — Frankfurt a/M: Peter Lang Edition, 2014. — 224 p.
112. Kruse M. Politik und deutsch-deutsche Wirtschaftsbeziehungen von 1945 bis 1989. — Köster Verlag, Berlin 2005.
113. Kulbach R., Weber H. Parteien im Blocksystem der DDR. Köln, 1969.
114. Lapp P. J. Staatsrat im politischen System der DDR. Hamburg, 1971.
115. Laufer J., Karlsch R. Sowjetische Demontagen in Deutschland 1944—1949. Hintergründe, Ziele und Wirkungen. — Berlin, 2002.
116. Lippert W. European Long-Term Investments in Détente. The Implications of East-West Economic Cooperation // The Long Détente. Changing Concepts of Security and Cooperation in Europe, 1950s — 1980s / ed. by Oliver Bange and Poul Villaume. Budapesht — New York: Central European University Press, 2017. — P. 77—93.
117. Ludz P. C. Die DDR zwischen Ost und West. Politische Analyse (1961—1976). München, 1977.
118. Ludz P. C. Parteilite im Wandel. Köln, 1968.
119. Mosely Ph. The Kremlin and world politics. N. Y., 1960.
120. Muth I. Die DDR-Aussenpolitik 1949—1972: Inhalte, Strukturen, Mechanismen. — B., 2000.
121. Nee V., Stark D. Remaking the Economic Institutions of Socialism: China and Eastern Europe. Stanford University Press, 1989.

122. Osten W. Die Aussenpolitik der DDR im Spannungsfeld zwischen Moskau und Bonn, Opladen, 1966.
123. Richert E. Das zweite Deutschland. Gütersloh, 1964.
124. Roesler J. Zwischen Plan und Markt. Die Wirtschaftsreform in der DDR zwischen 1963 und 1970. — Berlin, 1990.
125. Ross C. The East German dictatorship: Problems and perspectives in the interpretation of the GDR. — London: Hodder Arnold, 2002. — 221 p.
126. Rowell J. Socio-Historie der Herrschaft. Einführung // Die ostdeutsche Gesellschaft. Eine transnationale Perspektive. — Berlin, 2007. — S. 26—34.
127. Sanchez-Sibony O. Red Globalization: The Political Economy of the Soviet Cold War from Stalin to Khrustchev. Cambridge University Press, 2014.
128. Schroeder K. Der SED-Staat. Geschichte und Strukturen der DDR. — München, 2013. — 1136 s.
129. Staritz D. Geschichte der DDR. Erweiterte Neuausgabe. Frankfurt a/M., 1996.
130. Stein M. Der Konflikt um Alleinvertretung und Anerkennung in der UNO: Die deutsch-deutschen Beziehungen zu den Vereinten Nationen von 1949 bis 1973. — Göttingen, 2011.
131. Steiner A. Die DDR-Wirtschaftsreform der sechziger Jahre: Konflikt zwischen Effizienz- und Machtkalkül. — Berlin, 1999.
132. Steiner A. Von Plan zu Plan. Eine Wirtschaftsgeschichte der DDR. — München, 2004.
133. The East German Economy. 1945—2010. Falling Behind or Catching Up? / ed. by H. Berghoff, U. A. Balbier. — Cambridge: Cambridge University Press, 2013. — 249 p.
134. Uhl M. Krieg um Berlin? Die sowjetische Militär- und Sicherheitspolitik in der zweiten Berlin-Krise 1958 bis 1962. München, 2008.

135. Weber H. Von der SBZ zur DDR. Bd. 1, 1945—1955. Hannover, 1966.
136. Weber H. Die DDR 1945—1990. — München, 1994.
137. Wentker H. Außenpolitik in engen Grenzen: Die DDR im internationalen System, 1949–1989. — München, 2007.
138. Wellig G. Chruschtschows Berlin-Krise 1958 bis 1963. Drogpolitik und Mauerbau. München, 2006.

ЯБЛОКОВ